

P3 8/44

А. М. ГУДВАН.

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДО РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

ИЗДАНИЕ РИО ЦК ССТС.
МОСКВА - 1925

Комиссия по изучению истории профессионального движения в России.

А. ГУДВАН.

ОЧЕРКИ
по истории движения служащих в России.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До революции 1905 года.

ИЗДАНИЕ ЦК ССТС.
Москва — 1925.

„Мосполиграф“
Набрано и отпечатано в 13 тип.
„Мысль Печатника“, Москва,
Петровка, 17, в колич. 10.000 экз.
Главлит № 29389.

Посвящается памяти друга-дочери

Н. А. Гудван

(1903—1921 г.),

беззаветно преданной делу освобождения рабочего класса.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

В предлагаемом читателям труде автор ставил себе задачей осветить отдельные моменты из истории профессионального движения торгово-промышленных служащих. Писать историю этого движения вряд ли возможно сейчас, благодаря отсутствию как печатного, так и архивного материала.

С окончанием всемирной войны от России оторваны были ряд провинций и областей. Отошли от России: Польша, Литва, Эстония, Латвия, Бессарабия, Финляндия и другие. Материалы о профдвижении в этих областях и провинциях до 1917 года для нас погибли безвозвратно.

Погиб также почти весь материал, имевшийся на Украине. Добровольческая контр-разведка и петлюровцы уничтожили на Украине весь архив Югпрофа, Уцентропрофа, киевского, одесского и полтавского Ц. Б. профсоюзов и т. д.

С болью душевной приходится констатировать факт, что тот небольшой запас материалов, который имелся относительно профдвижения центр. России, тоже уничтожен.

Нижеприводимые факты служат наглядным примером, насколько в России не научились понимать всю важность и значение хранения исторических документов.

Принимая активное участие в рабочем движении России с ранних лет, автор с 1899 г. посвятил весь свой досуг работе среди торгово-промышленных служащих и рабочих ремесленных заведений. С момента же избрания его одесскими приказчиками и конторщиками своим уполномоченным и ходоком для возбуждения вопроса перед министром финансов об издании закона о нормировке труда торгово-промышленных служащих России, автор стал собирать материал, относящийся к данному вопросу. Ему удалось собрать материал относительно всех бывших в России касс и обществ взаимного вспоможения приказчиков, конторщиков, бухгалтеров и друг. категорий торгово-промышленных служащих (уставы и отчеты этих обществ и касс; данные о количестве членов в них: действительных, соревнователей и почетных); все ходатайства, возбужденные упомянутыми обществами перед городскими и земскими общественными самоуправлениями об издании на основании 108 ст. „Город. Положения“ обязательных постановлений об ограничении времени торговли по воскресным и праздничным дням и постановления городских и земских самоуправлений, ходатайства биржевых комитетов и купеческих управ о поддержке возбужденного им в 1901 г. перед министром финансов ходатайства о нормировке труда торгово-промышленных служащих России; отзывы и поддержка печатью его ходатайства; все договоры, заключенные между купцами и приказчиками и конторщиками о добровольном закрытии магазинов и контор по воскресным и праздничным дням впредь до издания закона; все законопроекты, выработанные отделом торговли и промышленности, все постановления в копиях, изданные городскими думами на основании закона 15-го ноября 1906 г. о нормировке труда торгово-промышленных служащих России, все

стенографические отчеты Гос. Думы и Гос. Совета по данному вопросу, все изданные брошюры и книги, а также статьи периодической печати по данному вопросу, обширный сырой анкетный материал, собранный автором в Одессе, Киеве, Петрограде, Варшаве и др. городах относительно жизни, быта и условий труда торгово-промышленных служащих; все листовки, изданные соц.-дем. партией и „Бундом“ во время забастовок торгово-промышленных служащих в Одессе, Варшаве, Минске, Могилеве-губернск., Петрограде, Москве, Киеве, на Кавказе и др. местах; все проф. журналы, а также партийную литературу различных политических партий, посвященную приказчикам и конторщикам, и ряд других чрезвычайно ценных исторических документов. Все эти материалы, хранившиеся у автора в Петрограде, погибли во время его пребывания на Украине.

А вот еще факт:

Приступив к исполнению возложенного на него Истпрофом задания по написанию истории профдвижения торговых служащих, автор стал просить у всех товарищей по прошлой работе предоставить ему хотя бы во временное пользование имеющийся у них материал. Обратился он в том числе и к заместителю председателя Мос. Сов. М. И. Рогову,—бывшему долгие годы до революции секретарем правления общества взаимопомощи коммерческих служащих Москвы. Каково же было его удивление, когда он узнал, что имевшийся у тов. Рогова материал так же безвозвратно погиб во время неоднократных переездов его с квартиры на квартиру, как и автора. Материалом т. Рогова кто-то удосужился протопить несколько раз печь.

В предлагаемом труде читатель, следовательно, не только не найдет исчерпывающих материалов

и обильных фактов, относящихся к истории профдвижения торгово-промышленных служащих, но и вообще написать историю невозможно. Но именно поэтому каждый из стариков, принимавших активное участие в профдвижении, обязан в строго об'ективной форме воспроизвести на бумаге—в помощь как подростающему, так и будущим поколениям — все те этапы, которые им пройдены.

Но, если при всех сознаваемых недостатках данного труда, предлагаемая работа все же поможет, хотя бы в малейшей степени, освещению вопроса, автор будет считать свою скромную задачу выполненной в общем успешно.

Свои „Очерки по истории профессионального движения" автор разбил на три части. В первую из них вошли материалы по возникновению и развитию класса торгово-промышленных служащих, об их экономическом положении, законодательстве, организациях взаимопомощи и начальных формах самодеятельности. Помимо общего интереса, который представляют эти главы сами по себе, они необходимы для понимания специальных особенностей данной группы трудящихся. Именно на торговых служащих больше чем на всех остальных группах рабочего класса наиболее рельефно отразились рабовладельческие взгляды, согласно которым сильный должен пользоваться большим преимуществом, нежели слабый, и что люди, обладающие свободой и состоянием, могут относиться с пренебрежением к людям несвободным и не располагающим средствами.

Вследствие такого мировоззрения, труд в понятии даже таких людей из „высшего" общества, как например, Платон, Аристотель, Ксенофонт, Цицерон и Сенека, унижал человеческое достоинство; работа воз-

ложена была на рабов, которых приравнивали к животным.

Официально рабство пало у нас в 1861 году с отменой крепостного права, но фактически сохранилось вплоть до Октябрьской революции.

Во второй части, обнимающей период первой революции (1905—1907 гг.), читатель найдет материалы, относящиеся к стачкам, возникновению, развитию и деятельности профсоюзов, а также данные о законе 4-го марта 1906 г., новеллы 15 ноября 1906 г., о нормировании труда торгово-промышленных служащих и данные о работах смешанных комиссий.

Наконец, в третью часть войдут материалы, относящиеся к периоду между двумя русскими революциями (1908—1917 гг.).

Москва.
15 июля 1924 года.

От редакции.

Автор „Очерков“—один из старых участников приказчичьего движения. Он принадлежит к числу тех „стариков, принимавших активное участие в профессиональном движении“ торгово-промышленных служащих, о которых он говорит в своем предисловии. Уже в начале 900-х годов мы видим его в роли активного представителя того движения, которое развернулось среди торговых служащих на юге России на почве стремления их добиться законодательным путем регламентации рабочего дня и праздничной и воскресной работы в торговых предприятиях. Впоследствии, во время первой русской революции, он выступает в качестве активного участника и одного из докладчиков по вопросу о положении приказчиков на том III с‘езде их, который впервые прокламирует общность движения служащих с движением всего рабочего класса и взамен узкой взаимопомощи выдвигает платформу профессиональной организации работников прилавка и конторки. Эта тесная связь автора с движением продолжается и впоследствии.

Но этого мало. Автор—не только активный участник движения. Он и литературный представитель его. Он принадлежит к числу тех немногих, которые делают центром внимания в своей литературной работе условия труда и быта торговых служащих. В ряде брошюр и журнальных статей (ссылки на ряд из них читатель найдет в тексте) он открывает перед читателем ту поистине безотрадную картину, которую представляет собой положение этой части российского пролетариата.

Все это не могло не отразиться на „Очерках“. В них собрано большое количество чрезвычайно интересного материала, который дает возможность читателю ознакомиться с прошлым движения и быта торговых служащих. Наибольшее значение в этом отношении имеют как раз те главы, которые посвящены

вопросам, занимавшим центральное место во всей прошлой литературной деятельности автора. Именно, главы, рисующие различные стороны быта торговых служащих (праздничный и воскресный отдых, заработная плата, рабочий день, жилищные условия и т. д.) придают ту ценность „Очеркам“, которая сделает их необходимым пособием при изучении движения торгового пролетариата в России.

Читатель не найдет в этой книге изложения развития (динамики) движения и положения торговых служащих. Автор, правда, разбивает свою работу на ряд глав, посвященных вопросам, связанным с определенными хронологическими периодами, но каждый из этих вопросов освещается им в статическом разрезе. В одних случаях он просто берет материал, относящийся к известному моменту, в других — соединяет отдельные штрихи, связанные с различными моментами, в одну целую картину, характеризующую положение данного вопроса на протяжении целого периода одними чертами. Делаемые им в отдельных случаях, иногда очень интересные, отступления с историческими экскурсами мало изменяют основной статический подход к освещению отдельных моментов движения служащих.

Этим же обстоятельством определяется и то, что автор проходит мимо того влияния на движение приказчиков, которое безусловно должны были оказать и общий под‘ем массового рабочего движения в 90-х годах, и развернувшаяся в этот период социал-демократическая агитация.

„Очерки“ — не история, а только материалы к истории движения торговых служащих в России, как об этом говорит сам автор. В них автор делится с читателем всем тем фактическим материалом о различных моментах движения и положения торговых служащих, который был собран им на протяжении всего периода его участия в движении. В этом основное значение „Очерков“ и это-то обстоятельство заставляет заранее подчеркнуть, что они должны быть предназначены для определенной аудитории. К чтению их нужно приступать уже после ознакомления с другими источниками, дающими представление об общем ходе развития приказчичьего движения. Они явятся пособием при более обстоятельном изучении истории движения в профшколах, кружках и т. п., ими будут пользоваться авторы, работающие по истории профессионального движения.

* * *

От этих общих замечаний переходим к отдельным деталям.

Рисуя основные моменты зарождения торгового пролетариата в России, автор за отсутствием в его распоряжении соответствующего исторического материала считает возможным ограничиться общей характеристикой всего крепостнического уклада жизни дореформенной России. Конечно, последний играл огромную роль в формировании торгового, как и всякого иного быта, однако, положение того вотчинного приказчика, о котором подробно рассказывает автор, должно было весьма значительно отличаться от положения торгового приказчика. В первом случае мы имеем крепостного крестьянина, деревенского жителя, занятого главным образом в земледелии или вообще в сельском хозяйстве, во втором — перед нами обитатель города и, в большинстве случаев, наемный работник у купца, не имеющего права владеть крепостными. Данными о положении вотчинного приказчика приходится поэтому пользоваться как косвенным материалом, не дающим картины действительного положения торгового приказчика крепостной России, а лишь рисующим бытовую обстановку того времени.

Глава „Дореформенное законодательство о торговых служащих", фактически посвящена изложению тех юридических норм, которые регулировали труд торговых служащих в 80—90-х г.г. прошлого столетия. Автор приводит в ней ряд исторических справок о происхождении тех или иных законов, ведущих свое начало действительно по большей части от крепостной эпохи, а иногда даже и со времен царей московских, но в общем и целом его изложение дает представление о законодательстве, действовавшем в течение последних десятилетий XIX века и лишь в некоторой своей части реформированном в начале 900-х г.г. Это видно, хотя бы, из того, что автор сам очень часто приводит толкования тех или иных норм, которые были даны Сенатом уже в течение последней четверти XIX века. И, если нельзя не признать верной мысль автора, что в этом законодательстве мы находим богатый материал о положении приказчика крепостной России, то во всяком случае необходимо подчеркнуть, что в изложении автора в значительной степени стирается грань между дореформенной и пореформенной эпохами.

Наиболее богатой фактическим материалом и, пожалуй, самой интересной и ценной является глава, посвященная положению торговых служащих в начале XX столетия. Здесь из-

ложение носит несколько иной характер: в основу его автор кладет обильный цифровой материал, который с особенной выразительностью и яркостью обрисовывает различные стороны положения служащих.

К сожалению приходится констатировать, что далеко не весь этот цифровой материал может быть признан безупречным с точки зрения статистической методологии. Дело в том, что автор находит возможным, например, комбинировать в единые таблицы весьма разнородные и разноценные сведения. Он сводит иногда воедино результаты различных обследований, отличающихся неодинаковыми методами собирания и далеко не одинаковой степенью точности используемых материалов, и не останавливается перед введением в полученные таким образом статистические таблицы случайного материала, почерпнутого им из газетных и журнальных сообщений (см., например, таблицу о рабочем времени). В итоге, статистический материал, даваемый автором, приходится в значительной его части принимать лишь как показательный, не претендующий на исчерпывающую полноту и точность и требующий к себе критического отношения.

Мы не можем также пройти мимо вопроса о численности торгового пролетариата в России. По этому вопросу в литературе, посвященной движению и положению торговых служащих, можно встретить так много совершенно ни на чем не основанных и, порою, прямо фантастических сведений, что пройти мимо него не может ни один историк движения. Остановился на этом вопросе и автор, однако его выводы не могут быть признаны безукоризненными.

Автор кладет в основу своего исчисления данные „Ежегодника“ Министерства Финансов за 1903 год, причем умножает количество предприятий (1.100 тыс.) на два, что редакция считает совершенно необоснованным. Такого же рода ошибки встречаются и у ряда других авторов по данному вопросу. Поэтому редакция считает целесообразным привести здесь данные т. Якуба по этому вопросу:

Согласно данным фискальной статистики *), в 1903 году торговые предприятия имели следующий состав:

*) См. „Статистические материалы к вопросу об изменении положения о государственном промысловом налоге“. Изд. М-ва Фин. СПБ, 1911 г.

Всего было торговых предприятий . . . 886,7 тыс.

В том числе предприятий:

I разр.	(оптов. торг.)	7,9 тыс.,	или 0,9%	от общего числа.
II „	(розничн. „)	139,6 „	„ 15,7%	„ „ „
III „	(мелочн. „)	461,8 „	„ 51,1%	„ „ „
IV „	(самые мелкие предприятия)	241,3 „	„ 27,2%	„ „ „

Иными словами, огромное, подавляющее число торговых предприятий принадлежало к числу тех, в которых наемный труд или совсем не применялся, или применялся в самых ничтожных размерах. Конечно, среднее число служащих, если брать все разряды торговли, было значительно меньше, 2 служащих на одно предприятие *).

Согласно данным И. Чернышева, внесшего ряд поправок в официальные подсчеты результатов всеобщей переписи 1897 г., общее число самодеятельных („самостоятельных" по выражению авторов официального „Свода" результатов переписи), занятых в торговле, равнялось 1.495.087 чел. **). В это число входят

*) У нас нет точных данных о соотношении самостоятельных и нанимающихся в русской торговле, но вот данные о стране, в которой рост крупных торговых предприятий безусловно зашел дальше российского. По профессиональной переписи 12 июня 1907 г. в Германии, в торговле и транспорте, вместе взятых, насчитывалось: самостоятельных — 1.012.192 человека, нанимающихся—2.465.434 челов., т.-е., из каждых 100 занятых в торговле и транспорте приходилось: на самостоятельных—29,1 ч. и на нанимающихся—70,9 (в 1895 г. соответственно: 36,07 и 63,93). Отдельных предприятий в торговле и транспорте в 1907 г. насчитывалось 1.283.951, т.-е. на одно предприятие приходилось в среднем нанимающихся—1,92 челов. Но так как именно в транспорте имеется много предприятий, насчитывающих большое число рабочих каждое, то совершенно очевидно, что среднее для одних торговых предприятий было значительно ниже приведенного (Данные о занятых в германской торговле см. у Э. Бернштейна: „Индустриализация Германии во второй половине XIX в."—Энциклоп. Словарь изд. Бр. Гранат, изд. 7-е, т. XIV и К. Каутский: „К критике марксизма (Антибернштейн)".

**) См. И. Чернышев: „Всеобщее избирательное право". СПБ, 1906 г. стр. 312. По официальным данным число самодеятельных, занятых в торговле, было несколько ниже, а именно—1.323.524 чел., но есть серьезные основания считать данные Чернышёва более точными. В частности сами авторы „Свода" расходятся между собой в определении % населения, получающего средства от занятия торговлей. У Бруннемана, давшего именно приведенное число самодеятельных этот % равен 3,45, а у другого участника „Свода", несколькими страницами выше, мы находим утверждение, что он составляет 3,98% (см. „Первая всеобщая перепись населения Российской империи". Общий свод, т. II, СПБ. 1905 г.).

все занятые в торговле: и самостоятельные хозяева, и нанимающиеся *). Каково же число этих последних?

Официальная разработка данных о наемном труде по материалам переписи 1897 г. коснулась только рабочих и прислуги, в результате чего сведения о применении наемного труда в торговле, опубликованные в специальном „Исчислении", далеко отстают от действительных размеров его. Они, собственно говоря, относятся как раз к тем категориям наемных работников, которые, согласно принятого на 2-м с'езде приказчиков нормального устава обществ взаимопомощи, не допускались в число членов их, как „стоящие на степени рабочего". Численность этой части торгового пролетариата по данным переписи равнялась 255.947 чел. **).

О численности самих приказчиков таких данных нет и по этому вопросу приходится пользоваться весьма неточными сведениями фискальной статистики. По уже цитированным „Статистическим материалам", в 1903 г. было выдано 291.865 личных промысловых (приказчичьих) свидетельств. Эти цифры безусловно значительно ниже действительного числа приказчиков, однако попытаемся положить их в основу наших расчетов. Производя сложение, получим, что общее число продающих свой труд в торговле составляло около 550 тыс. чел.

Сделаем попытку проверить эти результаты. Если предположить, что темп роста числа торговых предприятий в 1899—1903 гг. под влиянием промышленного кризиса несколько замедлился, то можно считать, что в 1897 г. было около 830 тыс. торговых предприятий (было предприятий: в 1899 г.—853,8 тыс., в 1901 г.— 874,4 тыс., в 1903 г.— 886,7 тыс.) ***). Можно без особо большой ошибки допустить, что число предпринимателей равнялось числу торговых предприятий. Тогда, вычтя полученное таким образом число из общего числа самодеятельных, занятых в торговле, получим, что число нанимающихся в торговле составляло около 665 тыс.— число весьма близкое к вышеисчисленному.

---

*) Между прочим, Д. Антошкин делает в своей работе: „Очерк движения служащих в России" ошибку, когда он именно из этих цифр выводит % организованных в обществах взаимопомощи служащих.

**) И. Чернышев, цитир. соч., стр. 312.

***) Сообщаемая автором численность торговых предприятий в 1897 году, равная по его утверждению 520.136. представляется нам неверной.

В итоге, даже признав, что эти данные несколько ниже действительных, мы будем иметь численность торговых служащих и рабочих равной максимум 700—800 тыс. чел., что означает, что исчисленное автором количество их примерно в два—два с половиной раза выше фактического.

Этот наш вывод мы можем проверить на одном частном случае. На-ряду с общими данными, автор приводит данные и о количестве торговых служащих в отдельных городах. В частности он указывает, что в Москве насчитывалось 100.000 торговых служащих. Здесь уже наша проверка может быть основана на самых точных статистических данных. По переписи населения 31 января 1902 г. *) в Москве было:

Служащ. торгов. завед. и кредитн. учрежд. . .	31.652 чел.
Рабочих „ „ „ „ „ . .	20.842 „
Всего лиц наемного труда, занятых в торговле .	52.494 чел

Иными словами, и здесь получается, что данные автора преувеличены в два раза против действительности.

Может быть, однако, у автора речь идет не о численности всех нанимающихся, занятых в торговле (производственный признак), а именно о торгово-промышленных служащих (профессиональный признак)? И при такой постановке вопроса данные московской переписи приводят к аналогичным результатам. Всех торгово-промышленных служащих насчитывалось по переписи 58.990 чел. Наши выводы остаются непоколебленными.

Еще одно замечание. Наше исчисление касалось, как видно из всего хода его, всех лиц наемного труда, занятых в торговле, а не торгово-промышленных служащих. Материалы московской переписи дают, между прочим, также основание полагать, что исчисление последних дало бы примерно те же результаты, так как не приходится сомневаться в том, что относительное количество служащих в промышленных предприятиях г. Москвы во всяком случае выше среднего для всей страны. Поэтому, когда мы будем говорить о численности всех вообще служащих, как это делает автор, устанавливая общее число их в $2^1/_2$—3 миллиона, мы должны будем к полученным выше результатам прибавить данные о количестве служащих государственных

*) «Перепись Москвы 1902 г.»—Часть I, вып. II. Изд. Стат. Отд. М. Г. У.—М. 1906 г.

и муниципальных учреждений и общественных и сословных организаций.

По данным переписи 1897 г. мы имеем следующие цифры*):

Служащ. в канц. админ. и судебн. ведомств . .	46.453 чел.
Служителей „ „ „ „ „	21.214 „
Служащих в обществ. и сословн. учрежден. .	46.171 „
Служителей „ „ „ „ „	44.643 „
Всего	158.481 чел.

Эти данные заставляют подвести следующий итог: общее количество служащих в России было более чем в 3 раза меньше указанного автором и не достигало и одного миллиона".

* * *

Мы до сих пор говорили о тех главах „Очерков", которые касались положения торговых служащих. Первая часть „Очерков" содержит в себе также 3 главы, посвященные непосредственно развитию их движения. Главы эти дают картину зарождения и деятельности обществ взаимопомощи торговых служащих, работы двух первых с'ездов этих обществ и, наконец, останавливаются на том движении среди служащих, которое возникло на почве требования законодательной регламентации праздничного отдыха и рабочего дня торговых служащих. На этих главах следует остановиться.

Автор принадлежит к числу тех, которые считают, что первоначальной формой профессионального движения в России—во всяком случае поскольку это относится к торговым служащим--явилась организация касс взаимопомощи. Это дает полное основание рассчитывать на то, что в его работе мы найдем все те данные, которые заставляют считать эти общества хотя бы мало оформленными профессиональными организациями. Что же мы имеем в „Очерках" в данном отношении?

Две первые из этих глав: „Общества взаимопомощи" и „Первые с'езды торговых служащих" рисуют перед нами довольно яркую картину деятельности этих обществ, начиная с 60-х и кончая 90-ми годами прошлого столетия. Эта картина

*) См. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». Общий свод, т. II, табл. XXa.

показывает нам убогий, полублаготворительный характер обществ взаимопомощи, включавших на-ряду с верхами приказчичьего мира и большое число самих предпринимателей. Автор с большой отчетливостью изображает ничтожный характер их экономической деятельности, сводившейся к выдаче самых мизерных пособий, не могущих, конечно, хотя бы в самой минимальной степени, улучшить положение членов обществ. Никаких элементов борьбы за улучшение экономического положения приказчичьей массы мы в их деятельности не найдем. Нельзя же, в самом деле, считать проявлениями такой борьбы, хотя бы в самой ублюдочной ее форме, те отдельные робкие попытки обратить внимание городских дум на безграничные размеры праздничной торговли и полное отсутствие отдыха для торговых служащих, которые делались обществами взаимопомощи. Стоит только внимательно присмотреться к данному автором изображению тех двух с‘ездов приказчиков, на которых, так сказать, оформлялась идеология и программа движения обществ взаимопомощи приказчиков в дореволюционный период их существования, чтобы ясно понять, что между движением обществ взаимопомощи и профессиональным движением приказчиков существует коренное идеологическое и, даже, социальное различие.

Автор, правда, пытается в главе, названной им „Начало самодеятельности“, наметить основные черты той эволюции, которая начинает происходить в этих обществах с конца 90-х годов прошлого столетия и которая, очевидно, по его концепции должна подготовить превращение обществ взаимопомощи в профессиональную организацию торговых служащих. Он видит проявление этой эволюции в том петиционном движении, которое развернулось в начале 900-х гг. среди торговых служащих и было направлено на стремление добиться законодательным путем нормировки труда в торговых предприятиях.

Но это далеко не так. Движение это фактически было начато, как это засвидетельствовано рядом авторов (в частности— Непряхиным), теми элементами приказчичьего мира, которые в значительной мере стояли вне обществ взаимопомощи, и было в весьма слабой степени поддержано последними. В этом отношении чрезвычайно показательной является изображенная автором картина того, как эти общества, наткнувшись на саботаж начинания со стороны правительственных учреждений, не на-

шли в себе и самой ничтожной доли энергии, чтобы отстаивать интересы торговых служащих.

Этим, в сущности, разрешается основной вопрос. В этот период еще не было организованного профессионального движения торговых служащих,— движения, направленного на стремление добиться теми или иными способами улучшения условий труда и заработной платы торговых служащих. Период, захваченный в первой части „Очерков“, является временем, когда известная тяга служащих к организации проявлялась в создании их верхами организаций иного порядка, чем профессиональные союзы. Профессиональное движение приказчиков начнется в следующий период, когда в движение вольются новые слои их, впервые пробужденные к самодеятельности революцией 1905 года.

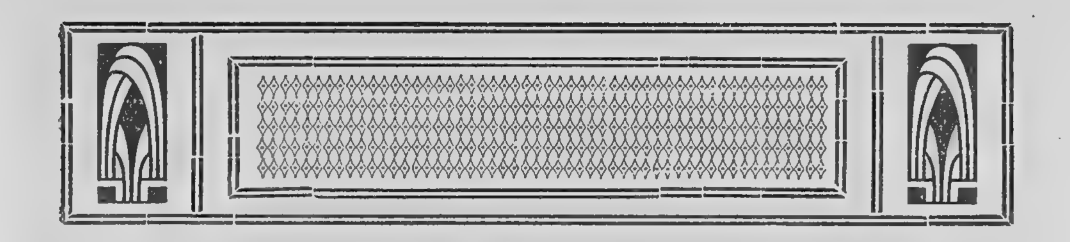
Мы отметим еще один штрих. Стремясь выявить органичность наметившейся в начале 900-х гг. эволюции движения в сторону массовой самодеятельности, автор дает схематический очерк того развития русской торговли в конце XIX-го века которое превращало ее о значительной степени в торговлю капиталистическую с характерными для последней чертами в виде концентрации торгового капитала и роста крупных торговых предприятий. В результате этого развития значительные массы приказчиков превратились в типичных пролетариев, и это обстоятельство, по мнению автора и обусловило собой внесение новых классовых ноток в движение приказчиков. В общей форме это, конечно, верно, хотя нужно признать, что в своем очерке развития торговли автор чересчур схематичен и в значительной степени сгущает краски.

Но дело в том, что это развитие торговли и вытекающее из него превращение приказчиков по своему положению в типичных представителей наемного труда лишь создает ту базу, на которой неизбежно развитие в них классового пролетарского самосознания. Огромную роль в этом отношении играют и конкретные исторические условия развития классовой борьбы. В этом отношении 90-е годы с их дотоле невиданным размахом борьбы промышленного пролетариата и довольно широким развитием социал-демократической агитации не могли, конечно, пройти мимо сознания передовых элементов приказчичьего мира. Именно эти обстоятельства и обусловили собой появление среди приказчиков таких групп, которые связывали свои инте-

ресы с интересами всего рабочего класса. Автор, собственно говоря, и сам дает материал в этом отношении, когда он сообщает, что инициатива поднятия вопроса о борьбе за законодательную нормировку условий труда торговых служащих связана с деятельностью социал-демократов на юге России. Но, этой темы он не развил. Развитие ее показало бы автору, что если новые веяния в приказчичье движение и были внесены, то это прошло мимо обществ взаимопомощи; они были внесены теми элементами приказчичьего мира, которые лишь впоследствии выступят активно на арену борьбы приказчиков за свои интересы.

* * *

Мы считали своим долгом предпослать работе автора ряд критических замечаний. Это было, по нашему мнению, необходимо, чтобы помочь читателю критически разобраться в том интересном фактическом материале, который дает первая часть „Очерков“ и, который — подчеркнем еще раз — делает их ценным пособием для изучения движения торгового пролетариата в России.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зарождение и образование торгового пролетариата.

Кто в дореформенной Руси назывался приказчиком. Влияние купеческого капитала на законодательную деятельность Московского государства. Когда появились на Руси приказчики и др. вольнонаемные рабочие и служащие. Законодательное определение слов „приказчик“ и „приказной“. Борьба купечества за крепостной труд. Происхождение русского купечества. Труд крепостных и вольнонаемных приказчиков и служащих, их жалованье, жизнь и быт.

История не оставила нам точных, бесспорных данных, которые могли бы послужить базисом для наших выводов и заключений о процессе зарождения и развития группы торгово-промышленных служащих в России, об их численном составе в различные эпохи, в том числе и в эпоху крепостной Руси, но зато общая история крепостной Руси дает нам обильный материал, уснащенный положительными данными, для заключения об отношениях хозяев к своим служащим, правильнее будет сказать — об отношениях крепостников к своим рабам.

Раньше, чем перейти к установлению этих взаимоотношений, нам необходимо определить, что обнимается словом „приказчик“ и какие категории трудящихся входят в группу торгового пролетариата.

Приказчиком в крепостной Руси назывался всякий, кто исполнял „приказание“ своего хозяина; сюда входили не только приказчики, занятые в торговле, но и служащий в крепостной вотчине, которому мог приказывать и которым мог распоряжаться, как своей вещью, каждый, кто пользовался неот‘емлемой собственностью закрепощенного, но который в свою очередь являлся представителем барина перед его крепостными, наблюдая за выполнением ими приказаний и распоряжений помещика.

В дореформенном периоде „приказчиком“, — по определению ст. 3 „Устава Торгового“,—назывался всякий, кто управлял торговыми делами своего хозяина, или только исполнял его поручения в течение определенного времени“[1]). Приказчики делились тогда на две категории, или, как сказано в законе — „на два класса: к первому принадлежат главные приказчики, ко второму их помощники и другие торговые служители“, ст. 4[2]).

Твердой грани, однако, между приказчиками I и II класса в законе не было проведено[3]).

„Устав Торговый“ основан был, главнейшим образом, на высочайше утвержденном 12 ноября 1799 г. „Уставе цехов“ (гл. XVI „О цехе прикащиков или лавочных сидельцев“). Устав же цехов в свою очередь перекроен был из „Новоторгового Устава“, изданного, как указано в самом уставе, в эпоху Алексея Михайловича в 1667 году „по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей“.

„Новоторговый Устав“ был ярким выражением влияния купеческого капитала на законодательную деятельность Московского государства.

Отсылая лиц, интересующихся этим вопросом, к работам наших историков — Соловьева, Костомарова, Ключевского и др., отметим тут только, что крупные торговцы — гостиная и суконная сотня и особенно „гости“ являлись одним из самых влиятельных общественных элементов Московской Руси. Особенно усилилось политическое значение представителей крупного капитала в эпоху Алексея Михайловича.

К этому именно моменту и относятся первые официальные данные о появлении в России кадра вольнонаемных рабочих и служащих.

Довнар-Запольский, пользуясь данными из „Выписи из таможенных книг о привезенных гостем Василием Шориным товарах“ установил, что „в 1645 году для торговли с ино-

---

[1]) См. „Устав Торговый“, т. XI, ч. 2, изд. 1903 г. В старом издании, опубликованном 9 февраля 1865 г., эта статья значилась под № 54.

[2]) Там же, ст. 55.

[3]) Положение о пошлинах, ст. ст. 56 и 57 и указы правительства, опубликованные в 1834 и последующих годах.

странцами впервые в России были наняты этим купцом приказчики для сопровождения грузов следующих из-за границы в Россию и обратно"[1]) (курсив наш).

Об этом же, как о совершенно новом явлении зарождающегося капитализма, говорит и капитан Рычков, путешествовавший по разным провинциям России в 1769 и 1770 г. г. О своем посещении медно-котельного завода тульского купца Красильникова, расположенного в 7 верстах от Елабуги, Рычков занес в свой дневник следующее: „Хотя находятся при заводе несколько собственных его, заводчика, крестьян, но число их очень малое: и потому исправляется он наемными работниками, довольное число которых его приказчики находят в тех самых деревнях, которые близь заводу его находятся" [2]).

После об'езда Оренбургской губернии Рычков заносит в дневник, что „заводчики Оренбургской губернии достают работных людей из внутренних российских провинций. В известное время посылают они туда своих приказчиков, снабдя их довольным числом денег, дабы оные давать в задатки в наем подряжающимся работникам"[3]) (курсив везде наш).

Рычков не только подметил применение наемного труда но и указал, как совершенно справедливо подчеркивает Балабанов, где фабриканты и купцы получали дешевую рабочую силу: „они набирали их из близь лежащих деревень, а если под руками вольных рабочих и служащих не было, посылали законтрактовывать их в другие места" [4]).

Помещик Болотов в 1770 г. в своем „Наказе для прикащика" рекомендовал для малоземельных поместий, „чтобы во всяком тягле был человек затяглый или излишний, который бы между тем, как прочие работают, ходил бы в работы по-

[1]) Довнар-Запольский „Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII столетий", 1910 г., стр. 55—56.

[2]) Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 г. г. СПБ 1770, стр. 58.

[3]) Рычков, стр. 76.

[4]) Балабанов, „Очерки по истории рабочего класса в России", стр. 32.

сторонние по найму и приносил бы домой для награждения недостатков и на все домашние надобности деньги“ [1]).

Из приведенных только что данных видно, вопервых, что на рубеже второй половины XVII века появились на службе у купцов приказчики и др. служащие и рабочие, во-вторых, и то, что „приказчиком“. называется не только служащий, который облекается доверием помещика, фабриканта и др. крепостников, но и всякий, которому последние давали приказы исполнять свои поручения. Отсюда и берет начало законодательное определение слов „приказчик“ и „приказной“, т.-е. те, коим приказывают (курсив наш).

Думается все же, хотя бесспорных данных для моего утверждения, повторяю, нет, что у купцов и раньше второй половины XVII века были приказчики как для торговли, так и для домашнего услужения. Трудно, в самом деле, допустить, чтобы князья, занимавшиеся еще в эпоху Киевской Руси торговлей, как выгодной операцией, не имели бы своих приказчиков, хотя бы для того, „чтобы „протолчь“ и защитить свои караваны в пути от диких степняков“. А монастыри, скупавшие решительно все в России и продававшие скупленное за границу, а „гости“, пользовавшиеся таким почетом и привиллегиями при дворе — неужели они сами торговали и поспевали повсюду? Довнар-Запольский, относящий первое появление приказчиков в России к 1645 г., впадает в противоречие со своим же заявлением относительно московского Китай-города, где „один купец владел несколькими лавками“.

Дело, конечно, не в количестве товара, находящегося в лавке, и также не в размерах ее (Костомаров на 147 стр. своих очерков торговли московского государства констатирует, что „типичной лавкой являлось помещение в 2 саж. в ширину, 2½ в глубину“), а в количестве этих лавок, полулавок и четвертилавок, которые каждый купец содержал. Логика подсказывает, что ни сам купец, ни члены его семьи не могли сидеть и торговать во всех этих многочисленных лавках, доходящих порою до 15 — 25 на одного купца. Ясно,

---

[1]) Балабанов, „Очерки по истории рабочего класса в России“ стр. 35—36.

что для заготовления товаров, для доставки товаров во все лавки, для сортировки товара, для уборки помещений и для торговли нужны были купцам служащие. Исходя из этих соображений, я полагал бы возможным утверждать, что торговые служащие были на Руси и раньше XVII века.

Купечество, укрепив свое политическое влияние при Алексее Михайловиче, все время продолжало энергично бороться и отстаивать для себя право на крепостной труд как для разрешенных ему фабрик и заводов, так и для торговли и домашнего услужения.

Правительство Петра I, поощряя частную инициативу в промышленности и торговле, вынуждено было уступить под напором купечества и в этом отношении.

Приказав сперва совсем не отдавать с фабрик работников и учеников из беглых помещичьих крестьян, Петр I потом „предоставил фабрикантам право, — как отмечает М. Балабанов, — оставлять у себя тех из пришлых людей, которые обучались мастерству, при чем за такого работника фабрикант должен был уплатить помещику 50 рублей“ [1]). Принятое Петром решение было развито и закреплено указом Сената 7 января 1736 г.

За оставляемых при фабриках работников купцы должны были заплатить по особо определенной в указе таксе, которая расценивала „крестьянскую семью (мужа и жену с малолетними детьми), если подушного оклада за нее не платили, в 30 руб., холостых в 20 руб., мальчиков старше 10 лет — в 7 руб., девушек старше 15 лет — в 3 р. 50 к. и т. д.“ [2]).

Помимо беглых крестьян указом Сената 7 июля 1744 г. к услугам купцов были предоставлены солдатские дети, „которые матерей и родственников и свойственников у себя не имеют, или хотя и имеют, да пропитания своего у них нет: для воспитания и дабы они вовсе без призрения и пропитания пропасть не могли, отдавать всякого чина людям, имеющим деревни, также купцам на фабрики и заводы, при чем „быть оным у них вечно, как купленным и крепостным их людям“ [3]).

Указом 1762 года повелено было: „праздношатающихся и

---

[1]) М. Балабанов. „Очерки по истории рабочего класса в России“, стр. 25.
[2]) „Полное Собрание Законов“ т. I, стр. 68 — 98.
[3]) „Полное Собрание Законов“ т. XII, 8989.

по миру бродящих солдатских, матросских и других служивых женок", если мужья у них умерли, находятся в походах или „других дальних посылках", отдавать на фабрики и мануфактуры с тем, однако, что если мужья их найдутся и жен своих потребуют, то их в самое короткое время отдавать" [1]).

Купец Лиман в 1766 г. в прошении своем, поданном в мануфактур-контору, указывал, что ему нужны к работе „женки, которых и отыскать не можно". А так как Лиману известно, что главная полицеймейстерская канцелярия отсылает женщин в мануфактур-контору, то он просит, чтобы „повелено было присылаемых из полиции женок и девок отсылать для работы у него" [2]).

Приведенные нами данные наглядно показывают, что русские правители крепостной эпохи очень удачно копировали кровавое законодательство Западной Европы XV и XVI столетий о бродяжничестве, нищенстве, беспризорных детях и т. д.

Пользуясь случаем, я позволю себе фиксировать внимание читателя на оценке этого „кровавого законодательства", данное бессмертным защитником рабочего класса К. Марксом в I томе своего „Капитала".

„Отцы теперешнего (т.-е. середины XIX века) рабочего класса, — говорит Маркс, — с самого начала подвергались каре за то, что их превратили в бродяг и пауперов".

Прославившиеся на весь мир и воспетые нашими талантливыми беллетристами—Островским, Елпатьевским и др. деспотизм и самодурство русского купечества об'ясняются воспитавшей их бытовой обстановкой эпохи крепостного права.

Из крепостных крестьян вышли, напр. Абрикосовы, Гучковы, Алексеевы, Корзинкины, Расторгуевы, Солдатенковы, Губонины, Морозовы и др. [3]).

Отсутствие данных лишает нас возможности проследить подробно рабочее время, заработную плату и другие условия жизни, быта и труда торгово-промышленных служащих крепостной Руси. Об этих условиях можно, впрочем, судить в связи с общими условиями жизни крепостной эпохи.

---

[1]) „Полное Собрание Законов", т. V, 11485.

[2]) „Архив по истории труда в России", кн. IV, ч. 2, стр. 41.

[3]) См. Н. Чулков, „Московское купечество XVIII и XIX веков, „Русский архив" 1907 г. № 12, М. Туган-Барановский „Русская фабрика в прошлом и настоящем", т. I.

Салтыков рассказывает в „Пошехонской старине“ об „образцовом“ хозяине „Пусторослове“. „Он всецело овладел своим рабом в свою пользу и дает ему управляться у себя лишь урывками. По праздникам (а в будни только по ночам) мужики и бабы вольны управляться у себя, а затем, тягловые рабочие томятся в барщине, мальчики и девочки работают дома легкую работу: сушат сено, вяжут снопы и пр. Почти нет той минуты в сутках, чтобы в последовских полях не кипела работа; три часа в течение дня и немногим более в течение ночи — вот и все, что остается крестьянину для отдыха“. А у другого помещика, которого также все считали образцовым хозяином „даже приготовление пищи разрешалось крестьянам в страдное время только раз на целую неделю, и именно в воскресенье, когда барщина закрывалась. Поэтому крестьяне жали свой хлеб и косили траву по ночам, а днем дети и подростки сушили сено и вязали снопы“.

Свербеев в своих воспоминаниях об этой эпохе пишет: „крестьянских мальчиков и девочек дарилось, особенно барынями, порядочное количество, набожные барыни любили награждать своих духовных отцов или поступались знакомым купцам и купчихам, хотя ни те, ни другие не имели права держать у себя крепостных... По недостатку в деньгах или по скупости дарили людей судейским и приказным за их одолжение по тяжебным и следственным делам“ [1]).

Крестьяне, как известно, не имели права сочетаться браком без разрешения помещика, который мог подбирать „пары“ с своей хозяйственной точки зрения, и, говоря об этом, Свербеев подчеркивает, что „крестьяне считали лучшим выходом из положения, когда ставили в один ряд молодых ребят, в другой — девушек и жребий решал, кто на какой девушке женится“.

Декабрист М. А. Бестужев в своих впечатлениях о Петровском заводе авторитетно заявляет, что „приписные к заводу крестьяне обречены на участь, еще горшую каторжной“. „Не подумайте,— пишет он,— что я преувеличиваю; нет,— это истина. Каторжный, осужденный на известное число лет работы, если он вел себя добропорядочно, почти всегда имеет возможность избежать работы, нанимаясь как мастеровой или даже как про-

---

[1] Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М. 1899 г., стр. 44.

стой работник у заводских чиновников. По истечении срока каторжной работы его приписывают, как поселенца, к волости, и по прошествии пяти лет безукоризненной жизни он имеет право приписаться в город, как мещанин, и потом, получая гильдейский билет, торговать наравне со всеми купцами. А отверженное племя крестьян и горно-заводских служителей обречено с колыбели до совершенного истощения сил оставаться или угольщиком, или дровосеком, или кузнецом, и участь его тем более горестна, что он трудолюбивее и прилежнее на работе“ [1]).

Из этих нескольких выдержек легко себе представить, какая спертая атмосфера „смрадной темницы“ отравляла тогда весь общественно-государственный организм. Шпицрутены для солдат, розги и палки для крестьян — были главными устоями крепостного общества, легшего в основу царского самодержавия и господства дворянства, которое за княжескими, графскими и баронскими титулами и генеральскими эполетами скрывало отсутствие убеждений, страшный разврат и сильную страсть нажиться и обеспечить свою жизнь на широкую ногу гнусным и вопиющим грабежом.

Глубокое, мерзкое рабство, в котором погряз русский народ и русское общество, не могло, конечно, способствовать тому, чтобы отношения между хозяином и служащим были нормальные. Скорее можно предположить обратное, нашедшее себе отражение в законодательстве крепостной эпохи, по которому хозяин, как мы ниже покажем, имел право бить и наказывать розгами не только торгового ученика, но и взрослого приказчика, конторщика.

Торговали зимою и летом от восхода и до захода солнца. По вечерам лавки были закрыты из-за отсутствия света. В то время, как известно, ни керосина, ни ламп не было еще в обиходе. Освещение состояло из сальных свечей, факелов, а то и просто лучин.

О заработной плате в том виде, как принято ее теперь понимать, вряд ли могли быть разговоры. Приказчики, даже вольнонаемные, — о крепостных и говорить не приходится, — жили у хозяев на квартире. Спали в кухне или сенях на па-

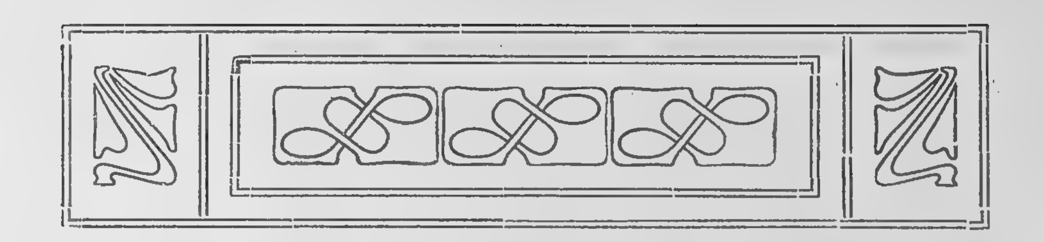
---

[1]) Записки М. А. Бестужева, „Русская Старина“ 1881 г., том XXXII, стр. 596 — 597.

латях и кормились остатками с барского стола. В свободное от службы по торговле время исполняли различные поручения хозяина и его семьи по дому. За весь этот бесконечный каторжный труд приказчики получали иногда помимо об'едков с барского стола старое платье, обувь, белье с плеча или ног своего „повелителя", или членов его семьи.

Малейшее неповиновение рассматривалось как преступление, за что не только торгового ученика или подростка, но и взрослого приказчика купец мог, как я уже отметил, высечь перевести в разряд штрафованных, т.-е. запретить жениться, отнять жену, ребенка и т. д. Словом, создалась такая атмосфера, которая, по меткому выражению нашего сатирика Салтыкова, сконцентрировала на одной стороне „всю смесь алчности, лжи, произвола и бессмысленной жестокости, а на другой стороне — придавленность, доведенную до поругания человеческого образа".

Такова была жизнь трудящихся, работавших по торговле.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дореформенное законодательство о торговых служащих.

Когда началась законодательная регламентация труда приказчиков. Указы: 16 марта и 14 мая 1732 г.; 14 марта 1744 г. Таможенный устав. Устав о цехах. Положение о пошлинах за право торговли. Том одиннадцатый. Наказание розгами малолетних. Домашнее укрощение приказчиков. Защита интересов купцов. Лишение приказчиков „всех прав и преимуществ личного и по состоянию присвоенных". Письменный договор. Черная доска. Лишение права на труд. Лишение жалованья. Превращение вольнонаемного приказчика в крепостного. Обязанности приказчика по дому хозяина. „Поведение" приказчика. Обязанности приказчика по отношению членов семьи хозяина.

История сохранила нам очень мало материалов, рисующих положение торговых служащих в дореформенной России. Тем более ценными в этом отношении являются законодательные акты государственной власти, касающиеся регламентации труда торговых служащих. Они в действительности явились отражением того крепостнического уклада жизни, который определил собою и положение приказчика в дореформенной, а в значительной мере и пореформенной, России.

Шестнадцать томов законов Российского царско-самодержавного правительства содержали в себе много невероятных „пережитков"; но законы торговые отличались, так сказать, сугубой устарелостью. Здесь, что ни шаг, приходится натыкаться на положения, корни которых лежат в далеком прошлом. Законы эти буквально писаны „во времена Очакова и покорения Крыма". Они дают нам богатый материал для понимания положения приказчиков в то время. Мимо них историк не сможет пройти.

Начало законодательной регламентации труда приказчиков положено было указами 15 марта и 14 мая 1732 г. Указами

этими предписывалось „купецким людям“, у которых „приказчики и в лавках сидельцы торгуют именами хозяйскими, впредь тех сидельцев имена их хозяевам записывать в таможне, об‘являя именно, что они торговать будут их хозяйскими именами и за них они в торговых счетах с посторонними купцами счет иметь будут и для того, если впредь от кого в таких счетах, или в торговых долгах на тех приказчиков и сидельцев будет челобитье, то повинны будут платить и отвечать те их хозяева“. Те же начала подтверждаются и указом 14 марта 1744 г. К последнему приложен формуляр общей доверенности, которая заканчивается заявлением: „что оной приказчик мой сторгует, заключит и в действо приведет, то все я, хозяин, совершенно и действительно приму и во всем ответен буду властно, якобы сам то учинил“. Некоторые постановления о приказчиках встречаются в таможенном уставе 1 декабря 1755 г. и в „Уставе о цехах“, утвержденном 12 ноября 1799 г. Уставом этим в числе других цехов был установлен и цех приказчиков или лавочных сидельцев, „промысел которых состоит в том, чтобы делами купцов и фабрикантов управлять за положенную плату“. Дальше постановления о приказчиках попали в „Положение о пошлинах за право торговли“, и затем с изданием 2 части XI тома 1887 г., постановления эти перенесены в торговый устав, который, заключая в себе 819 статей, нормировке отношений между „хозяином и приказчиком“ отводит 29 статей, с 3 по 31 ст. включительно. Эти 29 статей вместе с другими постановлениями о приказчиках составили главу „о найме приказчиков“. Любопытно отметить, что из 46 узаконений, легших в основу этой главы, 16 (или 35%) относятся к XVIII столетию, 10 (или 22%) к первой половине XIX столетия и 20 (или 43%)—ко второй половине XIX столетия. В последний раз торговый устав пересмотрен был в 1903 г.

Упомянутые постановления всецело проникнуты той патриархальностью, которую так талантливо воспроизвел Островский в своих бессмертных сценах из купеческого быта. Не вспоминается ли вам доброе старое время, когда вы читаете в примечании к 37 ст. XI т. следующее: „малолетние сидельцы за шалости наказываются розгами при хозяине или их родных в доме“.

Это примечание, вписанное в торговый устав еще в XVIII в.,

и сохранившееся там во всей неприкосновенности вплоть до октября 1902 г. [1]), получит особенно характерную окраску, если мы заметим, что по общим гражданским законам, изданным во времена царствования дома Романовых (т. X, ч. I, ст. 213, примечание), малолетними считались дети до 17-ти летнего возраста. Следовательно, купцы на законном основании могли бить и наказывать розгами юношей 15 — 17 лет. Что купцы сплошь и рядом пользовались этим своим правом вплоть до революции 1917 г., несмотря на принятое комиссией Таганцева постановление, видно из приводимого нами на стр. 130 „Положение торговых учеников", письма Грязнова, а также и других данных о привлечении купцов к суду за сечение мальчиков, опубликованных нами в свое время в других наших работах [2]).

Не довольствуясь этим примечанием, законодатель ввел в X том Свода Законов Гражд. ст. 2230, в которой снова подчеркивает, что „нанявшийся в работу или отданный в ученье должен быть верным, послушным и почтительным к хозяину и его семье и стараться добрыми поступками и поведением сохранить домашнюю тишину и согласие". Все это с самым серьезным видом говорилось о детях 8—12—15 лет и после того, как хозяину предоставлялось право наказывать ученика розгами.

Но этого недостаточно, XI т., ч. 2, ст. 12 говорит также довольно загадочно и относительно взрослых приказчиков: „приказчика,— говорится в этой статье,—ведущего беспорядочную и развратную жизнь, дозволяется унимать домашнею строгостью; а если тем не исправится, то хозяин может приносить на него жалобу в суде, где, по розысканию, он подвергается наказанию, смотря по степени беспорядка и развратности" (1727 г., авг. 26 (5145); 1845 г., авг. 15 (19283)

---

[1]) В октябре месяце 1902 г. комиссией под председательством сенатора Таганцева исключены были из действующего Свода Законов такие меры, как предоставление хозяевам права наказывать малолетних за шалости розгами и унимать мерами домашней строгости приказчика, ведущего беспорядочную, развратную жизнь.

Несмотря даже на это авторитетное постановление комиссии, ст. 12, о которой говорится ниже (на этой же стр.), все же оставлена была в торговом уставе, переизданном царским правительством в 1903 г.

[2]) А. М. Гудван. «Приказчичий вопрос», «В царстве тьмы и эксплоатации», «Приказ-чики в Одессе» и др.

ст. 1623; 1865 г., февр. 9 (41779), ст. 54—57). А чтобы эта угроза не осталась только угрозою, ст. 1185 Уложения о наказ. отмечает: „купеческий приказчик или сиделец, который не будет исполнять приказаний и поручений своего хозяина, или не будет к нему и семейству его почтителен, или же будет вести беспорядочную и развратную жизнь, и после употребления хозяином предоставленных ему законом мер домашнего укрощения не исправится, в случае принесения хозяином на него жалобы подвергается: аресту на время от 7 дней до 3 месяцев".

Интересно было бы узнать, что царское правительство понимало под мерами „домашнего укрощения". Правда, Сенат [1]) предупредительно разъяснил, что меры домашнего укрощения не должны только иметь характера жестокого обращения, но он не дал точного определения, что надо понимать под жестоким обращением. А подобное определение было в свое время крайне важно, хотя бы потому, что некоторые из „огнестрельных" романовских губернаторов публично признали, что 42 знака от ударов розгами не свидетельствуют еще о жестокости избиения [2]).

При чтении всей этой премудрости дореформенного законодателя невольно возникает вопрос: за неисполнение каких же „приказаний и поручений своего хозяина", упомянутых в ст. 1185 Улож. о наказ., приказчик мог быть подвергнут такому суровому наказанию. Ответом на этот вопрос служат пояснительные 1186—1191 ст. того же Улож. о наказ.

Ст. 1186 гласит: „Если купеческий приказчик или сиделец примет на себя управление чужими делами, или возьмет чужие товары для продажи, без письменного на то дозволения своего хозяина, то найденные у него такие товары отбираются в пользу хозяина, а приказчик или сиделец подвергаются:

или денежному взысканию не свыше 100 руб.;

или аресту от 3 недель до 3 месяцев.

„Когда же он будет изобличен в производстве торга на имя хозяина собственными своими товарами, то все сии товары отбираются в пользу хозяина и виновный подвергается:

---

[1]) Высшее юридическое учреждение, существовавшее в России до свержения самодержавия.

[2]) „Русские Ведомости" 5 октября 1887 г.

взысканию, определенному за торговлю без надлежащего свидетельства, или, буде он принадлежит к лицам, коим закон предоставляет право производить торговлю,

тому взысканию, которое определено выше сего, в ст. 1169“ [2]).

Ст. 1187 идет еще дальше. Эта статья предусматривала угрозу интересам капиталистов в открытии их тайн и секретов торговых: „Купеческий приказчик или сиделец,—говорится в ст. 1187,— который умышленно какими-либо действиями по торговле, или открытием какой-либо тайны, или же вредными насчет хозяина разглашениями, сделает явный его кредиту подрыв, подвергается за сие, по жалобе хозяина:

денежному взысканию не свыше 200 руб.;

или заключению в тюрьме на время от 2 до 4 месяцев;

или же лишению права на торговлю и заключению в тюрьме на время от 4 до 8 месяцев.

Если, однако же, при том откроется, что сие учинено им из корыстных видов, то он приговаривается:

к наказаниям, определенным за мошенничество [2]) т.-е.

---

[2]) Ст. 1169 гласит: „За производство торговли лицами, которые по закону не имеют на сие права, виновные подвергаются:

денежному взысканию не свыше 300 руб.;

или аресту на время от 3 недель до 3 месяцев“.

[2]) Мошенничество, по раз‘яснениям Фойницкого („Мошенничество по Русскому праву“, 1871) и Сергеевского („О мошенничестве по действующему Русскому праву“— Юридич. летоп.; 1890, II. Ст. 373 и сл.) — есть умышленное похищение чужого имущества посредством обмана.

„Теория нормального благоразумия знает общее понятие наказуемого обмана, но стремится ограничить применение уголовного закона наиболее тяжкими проявлениями деятельности, исходя при этом из положения, что во всяком обществе встречаются лживые уверения, до того вошедшие в обычай, что им никто не верит: продавец расхваливает свой товар, показывает его лицом и покупатель также обязан блюсти свой интерес. Отсюда ненаказуемость обычных уловок обмана и вообще всех тех случаев, от которых можно уберечься при обыкновенной житейской осмотрительности; преследование их, говорят, было бы весьма опасно для свободы торга и вообще для развития экономического оборота: При этой теории, следовательно, обман наказывается не как нарушение того или иного права и как нарушение установленной обычаем обязанности быть правдивым в имущественных отношениях, и наказание назначается тогда лишь, если перейден предел дозволенной лживости. Но где же этот предел и кем он устанавливается? Неизвестность его вносит полный произвол в решение

в первый раз — лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения по 5 степени ст. 31 (по Прод.) сего Улож.;

во второй — отдаче в исправительные арестантские отделения по 4-й степени 31 ст. (по Прод.) сего Улож.;

а в третий — отдаче в исправительные арестантские отделений по первой степени ст. 31 (по Прод.) сего Уложения (ст. 1666).

Об ограждении интересов купца от убытков трактуют также и ст. ст. 1188 и 1189:

„Если купеческий приказчик или сиделец — говорится в 1188 ст.— без письменного приказания от хозяина продаст товар в убыток, то-есть ниже цены ему назначенной, то он, сверх обязанности по требованию хозяина вознаградить его за сей убыток, подвергается:

денежному взысканию не свыше ста рублей;

этого вопроса. Вместе с тем „свобода торговли есть ее безопасность; а эта безопасность ничем столько не компрометируется, как бесчестными действиями торговцев“.

„Далее эта теория нормального благоразумия отдает лиц слабых, стоящих ниже его уровня и, следовательно, наиболее в государственной помощи нуждающихся, в полную зависимость обманщикам. Наконец, мера нормального благоразумия может быть и неизвестна виновному“. (Курс Уголовного права И. Я. Фойницкого, стр. 245—252),

Из этой теории нормального благоразумия видно, что законодатели всех времен и эпох вплоть до революции 1917 г. очень эластично рассуждали раз дело касалось торговли и торговца. Судебная практика Сената пошла еще дальше. Так, в решении по делу купца Козлова для наказуемого обмана Сенат требовал, чтобы обман представлял особую ловкость. В решении по делу Михайлова (1869 г., № 609) им высказано, что „не всякий обман составляет мошенничество, а тот только обман, для которого употреблены средства, придающие ему характер уголовного проступка, предусмотренного в уголовном законе“. В решении по делу Щербакова (1869 г., № 185) требовалось, чтобы от обмана невозможно было оградить себя обыкновенными мерами предосторожности, а по делу Минца (1869 г., № 742) — чтобы покупатель не мог остеречь себя от обмана при некоторой с его стороны осторожности. Еще дальше Сенат пошел по делу Ходова (1869 г., № 263), требуя „невозможность“ распознать обман, чем уже, окончательно устраняется обман уголовно-наказуемый.

И несмотря на все это вплоть до рев. 17 г. над торговым пролетариатом как дамоклов меч висели ст. ст. 1186 и 1187 Улож. о наказ.

когда же сие учинено из видов корысти, то он подвергается:

наказанию, определенному за присвоение и растрату вверенного имущества, т.-е. тому же наказанию, что и за мошенничество (см. примеч. к ст. 1187).

А ст. 1189 замечает: „Купеческий приказчик или сиделец, который, по небрежению, повредит вверенные ему товары или иное имущество, обязан:

вознаградить хозяина за причиненный ему ущерб.

Когда же он сделает сие со злым намерением, то подвергается:

наказаниям, определенным в ст. 1704 сего Улож. за умышленное истребление или повреждение вверенного чужого имущества“, т.-е. лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от 8 до 10 лет.

Не зная, как больше и сильнее закабалить и без того бессловесного, трусливого и загнанного приказчика, дабы доказать своим союзникам—капиталистам свою лойяльность, законодатель ничтоже сумняшеся ввел в Уложение о наказ. и статьи 1190 и 1191, по которым: „Купеческий приказчик или сиделец, за ложные своему хозяину по отправлению вверенных ему дел, представления и счеты, подвергается:

лишению всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных, и заключению в тюрьме по четвертой степени статьи 33 (по Прод.) сего Улож. (ст. 30, II, по Прод.)“.

Если приказчик, обремененный семьей, при своем нищенском заработке поставит хозяину в счет извозчика или другой какой-либо фиктивный расход, то купец вправе был привлечь его к суду и не только лишить свободы на 4 и больше месяца, но и лишить „всех прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных“, т.-е. во первых—лишить всего движимого и недвижимого имущества, приобретенного как на свои личные денежные средства, так и полученного им в наследство, в приданое за женой и т. д.; и во вторых—лишить его права защиты по суду. Лицо, приговоренное к „лишению всех прав и преимуществ“ . . . лишалось и тех минимальных человеческих прав защиты личности, какими пользовались все жители России в том числе и трудящиеся (ст. 1190).

Насколько переусердствовал здесь законодатель, видно из того что даже российские купцы всех времен и эпох не пользовались этой привилегией. „Нам этого не надобно,—говорили

купцы,—с нас достаточно высечь приказчика. Пощечина залечивается; бить можно и любя человека и желая ему добра, а вот зло причинять ему, осрамить его на всю жизнь — это уж против бога и церкви“ [1]).

Также редко прибегали купцы и к защите 1191 ст., которая гласит:

„Купеческий приказчик или сиделец, который промотает товар, или иное вверенное ему имущество своего хозяина, или же сделает, или допустит какие-либо недозволенные хозяином расходы, подвергается за сие:

наказанию, определенному за растрату вверенного имущества, т.-е. лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от трех месяцев до одного года“.

Посмотрим теперь, за какие блага закабалялся приказчик. Здесь необходимо снова отметить поразительное пристрастие закона, пристрастие, как легко догадаться, в пользу купцов-эксплоататоров. Основной принцип гражданскаго права того времени, по которому никто не должен был обогащаться за счет другого, грубейшим образом нарушался торговым уставом. В статье 6 этого устава мы читаем: „Срок служения приказчиков, их жалованье или рядная плата, также жилище и содержание зависят от взаимного их с хозяевами условия и определяется письменным о найме договором“ (1799 г., ноября 12 (19187), гл. XVI, § 18; 1865 г., февраля 9 (41779) ст. 54—57, 61, 121). Но уже следующая 7 статья вносит поправку: „Если такого письменного договора (ст. 6) заключено не было (К. Н.) или если в оном насчет рядной платы и содержанея ничего не сказано, то приказчик не вправе того законно требовать“. (1799 г., ноября 12 (19187), гл. XVI, § 18; 1865 г., февр 9, (41779), ст. 54—57).

Иными словами, письменный договор не являлся обязательным для хозяина. Если мы при этом вспомним, что горькая нужда заставляла приказчика наниматься [2]), что при

[1]) Смотри А. М. Гудван: „Беседы с купцами по вопросу о нормировке труда торговых служащих“. „Южное Обозрение“ 1899 г. №№ 93?, 940, 43, 44, 47, 48 и др.

[2]) Это хорошо выяснила Казанская Дума, заявившая: „ . . предложение труда превышает спрос на него, ввиду чего праказчики и должны подчиняться требованиям хозяев, и не могут ставить им каких-либо условий

найме экономически-сильной стороной, диктовавшей условия, являлся хозяин, что заключение договора стесняло его так как вводило его в некоторые рамки, угрожая иском, то нам станет ясна вся эфемерность тех, якобы, гарантий, которые давали приказчику эти две рядом стоящие статьи. И в действительности, громадное большинство приказчиков служило без всяких договоров.

И далее, закон минимального срока службы, как мы видели не устанавливал, но правило ст. 2216, т. X, ч. I гласит, что срок личного найма не может простираться на срок, более определенного паспортом отпуска. Это правило распространено было судебною практикой Сената и на договор о службе приказчика [1]).

Таким образом, служа без договора, приказчик во всякое время мог быть хозяином выброшен на улицу без законного повода и не имея в руках письменного договора не вправе был ничего от хозяина требовать.

Не довольствуясь этим, законодатель ввел в Торговый Устав ст. ст. 24—29.

Ст. 24 гласит: „Срок для расчетов хозяев с приказчиками и приказчиков с хозяевами полагается один год, а для дачи от приказчиков отчетов один месяц по миновании срока служения" (1725 г., дек. 1 (10486), гл. II, ст. 11; 1799 ноября 12 (19187) гл. XVI, § 16).

Из этой статьи видно, каким пристрастием обуреваем был законодатель, стремясь потуже затянуть петлю на шее бесправного раба-приказчика, которого закон обязывал не позже одного месяца после оставления им службы у хозяина сдать отчет; хозяину же, наоборот, предоставлялось той же статьей целый год для расчета с приказчиком. Фактически приказчик прикреплялся волей законодателя к месту жительства последней службы на целый год, несмотря на безработицу, голод или др. причины, толкавшие приказчика подальше от „любвеобильных" глаз своего патрона.

Законодателю и этого, однако, показалось недостаточно и он поспешил ст. 28 лишить приказчика возможностн дальнейшего

под опасением лишиться занимаемых мест, и через это лишиться всяких средств к жизни". (См. „Отчет Общества Приказчиков Казани за 1901 г.").

[1]) Решение Гражд Кассац. Департамента Правит. Сената 1870 г., № 1241, 1872 г.—№ 10275; 1875 г.—№ 218; 1883 г.—№ 66 и др.

нейшей службы, пока последний хозяин не выдаст ему свидетельства о сдаче им отчета.

„Приказчик, не давший своему хозяину в торговых делах отчета и не имеющий в том от него свидетельства, не может быть принят на такую же должность другим хозяином“ (1755 г., дек. 1 (10486), глава II, ст. 11; 1845 г., авг. 15 (19283), ст. 1622).

Этой статьей приказчик фактически относился к рязряду тех, которые заносились „на черную доску“, т.-е. фактически лишались права на труд.

История не оставила нам точных данных о количестве приказчиков, пострадавших по этой статье, но и без этих данных легко себе представить, как широко она могла применяться купцами, желавшими избавиться от уплаты причитавшихся приказчику денег, или помешать своему служащему перейти на службу к другому хозяину на более выгодных для приказчика условиях.

Но и этого недостаточно. Ст. 25 грозит уже приказчику помимо гражданской, и уголовной ответственностью, если он не сдаст отчета в течение месяца.

„Если приказчик по прошествии года в течение месяца не даст отчета за год, не имея в извинение законных причин, и на него будет жалоба от хозяина, то он подвергается за сие ответственности. Законными же причинами полагаются: тяжкая болезнь, отлучка по приказу хозяина из города и отлучка по повелению правительства“ (1799 г., ноября 12 (19187), гл. XVI § 16).

А вот и образчик того, как „вольнонаемный“ служащий превращался в крепостного без права получать за свой труд даже обусловленное договором жалованье.

„Если приказчик — говорится в статье 29 — не потребует от своего хозяина заслуженных денег, пропустя после срока месяц, не бывши в отлучке, то теряет право иска“, (1799 г., ноября 12 (19187), гл. XVI, § 18; 1865 г., февр. 9 (41779), ст. 54—57).

Статья 29 редактирована так, что давала любому недобросовестному хозяину возможностъ при желании уклониться от уплаты приказчику денег под тем предлогом, что приказчик, „пропустя после срока месяц“ и „не бывши в отлучке“, не

требовал у хозяина жалования независимо от причин, по коим он не пред'являл требования.

Что купцы, опираясь на эту статью Торгового Устава, очень часто не платили жалования своим белым невольникам свидетельствуют многочисленные иски служащих, проигранные только потому, что законодатель так прямолинейно ставил их вне защиты закона.

О превращении „вольнонаемного" приказчика в крепостного говорит также и ст. 13, по которой приказчик обязывался убирать как дом хозяина, так и лавку или контору.

„От взаимных условий—говорится в упомянутой статье—хозяина с приказчиком зависит производить ли ему в доме или лавке какие-либо работы или нет; но соблюденне чистоты и опрятности в лавке или конторе, во всяком случае, лежит на обязанности приказчика" (1799 г., ноября 12 (19187), гл. XVI, § 20; 1865 г., февраля 9 (41779), ст. 54—57).

При тех отношениях, которые тогда господствовали между трудом и капиталом, ясно, что прикрытие этих принудительных работ в доме хозяина фиговым листком „от взаимных условий хозяина с приказчиком зависит" — никакой гарантии в освобождении этих работ не давали. Было бы даже смешно при существовавшем тогда строе и цитированных статьях закона, ставивших приказчика вне защиты закона, мечтать о том, что можно при договоре найма, живя вдобавок постоянно на квартире у купца, отказываться от этих домашних работ.

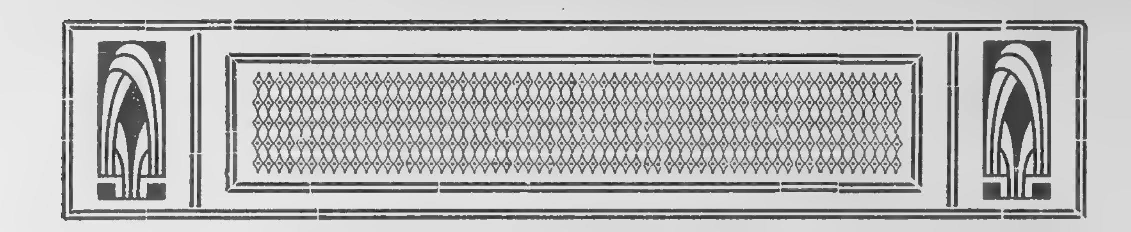
Не менее архаичным являлось и постановление, по которому „приказчик обязан был исполнять приказания и поручения своего хозяина в точности, быть к нему и семейству его почтительным и в поведении исправным" (ст. 12).

Таковы в сжатом изложении права и обязанности приказчика перед лицом его хозяина. Вспоминая длинную цепь стильных героев Островского, начинаешь понимать, что тот застенок, в котором держали купцы своих „молодцов", был ничто иное, как осуществление ими их законного права. И понятными и юридически обоснованными становятся слова одного из этих героев (жена Курослепова в „Горячем сердце") в ответ на робкое заявление со стороны загнанного приказчика о своих человеческих правах, сказавшего ему: „а вот я тебя сейчас лишу всех твоих правов".

Любопытнее всего то, что вся эта премудрость законодателя закрепощавшая взрослых приказчиков, распространена была и на детей.

В ст. 30 Торгового Устава без каких бы то ни было оговорок ясно и определенно сказано, что „все правила о приказчиках, изложенные в сей главе (т. е. о найме приказчиков ст. ст. 3—5; о составлении и совершении договора о найме приказчиков - ст. ст. 6—10; о исполнении договора и обязанностях приказчика—ст. 11—18 и об отчетности приказчиков — ст. ст. 22—29), распространяются по принадлежности и на детей, отдаваемых родителями или родственниками их в конторы и лавки для научения торговле и бухгалтерии" (1799 г. ноября 12 (19187), гл. XVI, § 21; 1845 г., авг. 15 (19283), ст. 1631; 1861 г., февр. 19 (36657), ст. I; 1865 г., февр. 9 (41779), ст. 54—57, 61).

И это, несмотря на то, что большинство торговых учеников были 8—10-летние мальчики.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воскресный и праздничный отдых во второй половине XIX века.

Освобождение крестьян. Рост промышленного капитализма. Развитие рабочего движения. Рост экономической борьбы русского рабочего класса. Возникновение рабочего вопроса Вмешательство правительства в отношение между трудом и капиталом. Проект устава о промышленности 1862 г. Ограничение эксплоатации труда малолетних и женщин. Введение промышленных судов и фабричной инспекции. Сопротивление промышленного капитала. Правительство в роли защитника и покровителя капитализма. Стачечное движение 70 годов. Репрессии правительства к зачинщикам забастовки и рабочим массам. Стачки первой половины восьмидесятых годов. Законы: 1 июня 1882 г. (о детском труде), 1885 г., (о воспрещении ночной работы), 3 июня 1886 (о найме рабочих на фабрики и заводы) и 24 июня 1897 г. (о рабочем времени). Приказчики не бастовали. Закрепощение торговых служащих продолжалось до революции. Рабочий день приказчиков периода 1860—1890 г.г. и их заработная плата. „Хозяйская квартира", жизнь и быт служащих. Лишение приказчиков воскресного и праздничного отдыха, установленного при Алексее Михайловиче. Ходатайство купеческих обществ о прекращении торговли в воскресные и праздничные дни. Запрет губернаторов прекратить торговлю в воскресные и праздничные дни. Постановления некоторых городских дум о запрете воскресной и праздничной торговли. Ограничение торговли по соглашению и подписке купцов. Количество постановлений об ограничении воскресной и праздничной торговли.

I.

„Освобождение крестьян от крепостного ига в 1861 г.,— говорит В. Гриневич,—ввело Россию в семью капиталистических стран. Освободив крестьян не только от крепостной зависимости, но и от земли, правительство предоставило в распоряжение жаждавшего найти приложение русского капитала обильный материал для накопления добавочной стоимости" [1]).

[1]) В. Гриневич, „Профессиональное движение рабочих в России". Изд. РИО ВЦСПС м. 1922 г. стр. 3.

В результате этого в России начинается быстрый рост промышленного капитализма, задержанный неблагоприятной обстановкой крепостного права.

Насколько быстрым темпом пошло это промышленное развитие, видно из следующих данных:

Накануне отмены крепостного права—в 1860 г.— в Европейской и Азиатской России, без Польши и Финляндии числилось 15.388 фабрик и заводов с 565.142 рабочими; преобладали среди этих фабрик мелкие и средние предприятия, но были и механические. В 60-ых годах в России было уже 42 бумаготкацких механических фабрики (первая ткацкая фабрика основана была в 1846 г.), на которых было занято $^3/_5$ всех ткачей, а к концу 70-ых годов $^3/_4$ рабочих бумаго-ткацкого производства было занято на механических фабриках. В 1881 г. было уже 31.173 фабрик и заводов с 770.842 рабочими. В 1886 г. рабочих насчитывалось 837.382 чел.; в 1890 г.—959.345 рабочих; 1893 г.—1.118.000 рабочих.

Это быстрое промышленное развитие неизбежно приводило к развитию рабочего движения. На протяжении всей второй половины XIX века мы присутствуем при непрерывном почти росте экономической борьбы русского рабочего класса.

Уже самый факт освобождения крестьян и вытекающее из него торжество принципа применения „свободного“ труда приводили к тому, что выражаясь словами В. Гриневича „на арене русской социально-политической жизни появляется оторванный от земли и лишенный орудий производства рабочий класс, а вместе с ним возникает впервые в России рабочий вопрос“.

Правительство, еще не вполне освободившееся от либеральной заразы „эпохи великих реформ“, пытается на первых же шагах вмешаться в отношения между капиталом и трудом. В выработанном в 1862 году проекте устава о промышленности оно устанавливает целый ряд ограничений эксплоатации труда, главным образом, малолетних и женщин, и старается смягчить столкновения между капиталистами и рабочими введением промышленных судов и фабричной инспекции [1]).

Благодаря сопротивлению промышленного капитала про-

[1]) См. К. Пажитнов. „Положение рабочего класса в России“. СПБ 1906 г. стр. 5—6.

екты правительства рушились один за другим, сама же государственная власть скоро превратилась в страстного защитника и покровителя российского капитализма. Для воплощения в жизнь разработанных в 1862 году проектов понадобилась длительная и упорная борьба рабочего класса. Стачечное движение 70-ых годов (первые забастовки произошли в мае 70 года в мастерских петербургских портных и на Невской бумагопрядильне) наряду с репрессиями по отношению к зачинщикам и рабочим массам вообще заставило правительство издать 1 июня 1882 г. закон, воспретивший труд детей, не достигших 12-ти лет, и ограничивший труд детей 12—15 лет 8-ю часами в сутки. Стачки первой половины восьмидесятых годов [1]) и особенно историческая забастовка в январе 1885 г. на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве (Морозовская стачка), в которой участвовало 7—8 тысяч рабочих, вынудили правительство урегулировать взаимные отношения предпринимателей и рабочих (закон 3 июня 1886 года) о найме рабочих на фабрики и заводы. Под влиянием продолжающихся волнений среди рабочих был издан в 1885 г. закон о воспрещении ночной работы женщин, а 2 июня 1897 г. был издан закон, впервые ограничивший в России рабочий день взрослых. Рабочий день был установлен в $11^1/_2$ часов, накануне праздничных дней в 10 часов, и для рабочих, занятых в ночное время, в 10 часов.

II.

Приказчики, будучи разобщенными между собою, не могли сорганизоваться и оказать влияние на правительство путем забастовок в смысле ограждения их интересов и сокращения рабочего времени, благодаря чему эксплоатация труда торговых служащих продолжала процветать и после освобождения крестьян от крепостной зависимости почти вплоть до 1917 г.

---

[1]) В 1882 году произошли крупные стачки на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, на пушечном заводе в Перми, в Петербурге, в Иваново-Вознесенске, и на Жирардовской мануфактуре, около Варшавы, в которой участвовало 800 человек и которая положила начало польскому стачечному движению. Все стачки с 1870 по 1885 г. носили экономический характер. Правительство круто расправлялось со стачечниками, арестовывая их, сажая в тюрьмы, высылая на родину, в отдаленные губернии в Сибирь, а в наиболее значительных случаях. как по делу обуховцев и др., применена была каторга и расстрелы.

В марксистской литературе не раз отмечалось большое значение, которое имело для рабочего движения происхождение российского пролетариата из крестьянской среды. На общем крестьянском фоне русского рабочего быта группа торговых служащих занимает самостоятельное место со своим особым бытовым укладом, с своим психическим строем, своими потребностями, стремлениями и способами борьбы за их осуществление.

Крестьянин, вчера только уронивший вековые крепостные цепи, еще не разучившийся падать ниц перед каждым начальником, каждым представителем власти и капитала, не знающий своих сил, не чувствующий новых потребностей, представлял из себя живую, довольно непродуктивную рабочую машину, служа в то же время об‘ектом самой крайней эксплоатации и самого наглого угнетения.

Непомерно длинный рабочий день, низкая заработная плата и „патриархальные“ (в смысле полной зависимости) отношения с купцами сохранились у нас не только в 70 и 80-х годах, но и вплоть до первой революции 1905 г., а в некоторых захолустьях и до революции 1917 г. В значительной мере способствовала закрепощению приказчика и конторщика пресловутая хозяйская квартира. Живя у хозяина, приказчик подпадал под рубрику домашней прислуги. Его жизнь складывалась и строилась по произволу хозяина. В свободное от службы по магазину или конторе время приказчик исполнял работы по дому, конюшне, скотному двору, огороду, саду хозяина. Приказчикам запрещалось держать на квартире гитары, балалайки, гармоники и пр. инструменты; запрещалось курить, принимать гостей и родных, отлучаться из дому без спроса хозяина, читать газеты или книги и т. д. Большинство купцов перед сном проверяли все ли приказчики дома и спят ли они. Очень часто в отсутствие приказчика его вещи просматривались в поисках книг или газет, табаку, папирос, водки.

Отсутствие точных данных о рабочем времени, заработной плате и других условиях труда, жизни и быта торговых служащих 1860—1890 г.г. лишает нас возможности нарисовать сочную картину того бесправного положения, в котором находились эти „белые невольники“ и после освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Этот пробел, впрочем, может быть восполнен рядом дан-

ных косвенного характера. Сопоставляя ряд фактов, вкрапленных в нашу литературу, легко притти к заключению, как жилось и служилось тогда приказчикам.

Профессор Янжул во введении к книге Озерова „Общества Потребителей“ дает следующую характеристику торговли и труда приказчиков: „До сих пор, — говорит проф. Янжул, — русская торговля по многим своим чертам сохранила еще совершенно азиатский характер. Обратно обычаю европейской торговли, наши, например, московские, петроградские лавки имеют целые толпы приказчиков (некоторые даже „зазывал“), „числом поболее, ценою подешевле“, для которых свободного времени не существует: изо дня в день, почти круглый год, не зная праздников, с утра (часто рассвета) и до глубокой ночи (12—1 ч. ночи) они прикованы к лавке своего хозяина, как сторожевой пес к воротам дома. Принцип этой торговли—„не надуешь—не продашь“; и вот при системе запрашивания и обмана покупателя, помогая хозяину наживаться на счет чужой неопытности или доверчивости, приказчик, в свою очередь, мстит ему за свои лишения надувательством уже на его счет; поэтому, едва ли где существует такая рознь между хозяевами и служащими, между нанимателями и наемниками и такой несказанный обман и хищения, как у наших торговцев. К этому присоединяется взаимная недобросовестность торговцев друг к другу“.

Гласный А. М. Черкассов в Московской думе в 1888 г. следующими словами характеризовал положение праказчиков: „Надо вспомнить, что приказчики получают в среднем вознаграждение 30 - 40 руб. в месяц и не могут, в особенности семейные, жить в центре города, а должны жить на окраинах. Большинство торговцев и купцов торгуют от 6 часов утра до 11 - 12 часов ночи, и бедняк приказчик, живущий на окраине, возвращаясь домой далеко за полночь (после закрытия магазина ему приходится убирать товары и помещение), должен на другой день вставать чуть свет, чтобы итти на ту же работу. Ради этого он лишается возможности видеть своих детей бодрствующими, а видит их всегда спящими, лишается человеческого права со-

вершать трапезу среди своей семьи. Перечислим все корпорации, все учреждения, и нигде мы не найдем, чтобы служащие и рабочие стояли в таком положении, в каком стоят приказчики. Возьмем военных — все они, начиная от высшего ранга и кончая рядовым, имеют праздники, кроме того, определенный равномерный отдых в будни. Чиновники, судьи, адвокаты, духовенство, рабочие, ремесленники, — все профессии имеют отдых, свободны и в праздники; одни только приказчики лишены этого и, главным образом, потому, что стоят в материальной зависимости от своих хозяев и до сих пор не могли отстоять своих прав“ [1]).

Если таково было положение торгово-промышленных служащих в Москве и Петрограде, то легко себе представить, сколько часов эти рабы работали в провинции и сколько денег они получали за свой чрезмерно длинный рабочий день.

По данным Розена [2]) приказчики работали в Баку—18, Костроме – 19, Чернигове—18, Елисаветграде – 17 ½ в среднем, Новочеркасске—17—21 часов (в зависимости от отрасли торговли). По газетным данным, опубликованным в свое время автором этой работы [3]), в Харькове рабочий день приказчиков продолжался 16—17 часов; в Чернигове, Полтаве, Екатеринославе и Кременчуге — в среднем 16 (с колебанием от 15 до 17 ч.), в Царстве Польском в среднем 15 ч., с колебанием от 14 до 18 ч., в зависимости от отрасли торговли; в Елисаветграде, Херсоне, Кишиневе, Каменец-Подольске, — в среднем — 17 час., с колебанием от 16 до 19 часов; в Новочеркасске, Архангельске, Орле и Саратове — в среднем 17½ часа, с колебанием от 16 до 20 часов в сутки и т. д.

Надо упомянуть о том, что к продолжительности рабочего дня необходимо прибавить время, затрачиваемое на переход из дому в магазин и обратно, в общем не меньше 1 часа.

Д-р Листов [4]), опираясь на личный опрос торговых служащих, определил это время для Ростова-на-Дону—в 62 минуты,

---

[1]) Труды бывшего в Нижнем-Новгороде в 1896 г. „С‘езда представителей обществ вспоможения частному труду приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели“ (стр. 237).

[2]) М. Розен „Очерки положения торгово-промышленного пролетариата“.

[3]) А. М. Гудван. „Приказчичий вопрос“.

[4]) Цитируем по статье „Очерк приказчичьего движения“. „Современник“, кн. 5 за 1911 г.

Ново-Черкасска — 68 мин., Казани—74 мин., Екатеринослава — 66 мин. и т. д.

Данных о заработной плате торговых служащих рассматриваемого нами периода нет, но судя по тому, что в Москве, Петрограде, Царицыне, Одессе, Киеве, Харькове и других крупных губернских центрах старые, многосемейные приказчики, прослужившие по 15 — 20 лет и жившие на отдельных квартирах, получали 25—40 руб. в месяц, можно себе представить, какое жалованье получали приказчики и конторщики в маленьких провинциальных городах. В большинстве случаев эти кадры „вольнонаемных рабов" служили только за стол и квартиру. В тех же случаях, где даже было обусловлено определенное жалованье, купцы им этого содержания очень часто не выдавали, грозя в противном случае уволить и лишить аттестата о беспорочной службе, что равносильно было тому, чтобы приказчика навсегда лишить возможности куда бы то ни было поступить на работу. Вспомним пресловутую 28 ст. уст. торг. (см. главу II, стр. 18), по коей „приказчик не мог быть принят другим хозяином", пока не представит письменного свидетельства последней службы.

Если к этим кратким сведениям о рабочем времени и заработной плате приказчиков и конторщиков добавить еще, что в свободное время не дозволялось не только сидеть, но и класть руки на витрину или облокачиваться, что у некоторых купцов не был отменен порядок, установленный при крепостном строе, по которому приказчики и конторщики должны были заниматься стоя, что приказчикам, живущим на хозяйских квартирах, не дозволялось выходить в переднюю или на улицу без „благословения" хозяина даже на вызов родных или знакомых, что стоять 5—10 минут без дела нельзя было (при отсутствии покупателя приказчики должны были сортировать и перекладывать товары, дабы, при появлении покупателя, последнему показалось, что магазин до того шибко торгует, что не успевают даже сложить товар) и т. д., и т. д. — то легко будет себе представить, как жилось и служилось торгово-промышленному служащему в шестидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия.

Само собою понятно, что все эти условия рабской, подневольной жизни и работы торговых служащих, при их разобщенности (один, два, три служащих на магазин) и жизни

большинства из них на хозяйской квартире под постоянным и непосредственным наблюдением хозяина и его семьи, не могли способствовать выработке определенных методов борьбы за лучшее будущее. Они ждали помощи извне, а в большинстве случаев торговые наймиты только и стремились скопить деньгу и самому превратиться в эксплоататора.

III.

Анализ законодательных актов показывает, как постепенно шаг за шагом у торговых служащих отнимался воскресный отдых, каковым они пользовались при Алексее Михайловиче.

В „Уложении“ Алексея Михайловича (гл. X, ст. 25) говорится: „против воскресных дней по всея субботы православным христианам от всякие работы и от торговли престати, и ряды затворити за три часа до вечера. А в воскресный день рядов не отпирать и ничем не торговать, опричь съестных товаров и конского корму“.

Именным указом 18 декабря 1682 г. правительница Софья Алексеевна подтвердила об отдыхе в воскресный день. „На торжки в воскресные дни, — читаем в означенном указе, — не съезжаться и не торговать, а торговать, вместо воскресного дня, в иной день“.

Петр Великий указом 17 февраля 1719 г. приказал: „В городах и селах, и в деревнях как в лавках, так и на площадях, никаким товаром в помянутые дни не торговать“.

Из этих постановлений видно, что воскресный отдых был известен рабочим и служащим как „вольнонаемным“, так и крепостным в XVII и в начале XVIII века. Благодаря же тому, что не издавалось новых указов, подтверждающих прежние, и не наблюдалось за исполнением 25-й ст. „Уложения“ Алексея Михайловича—воскресный торг мало по малу входил в жизнь. Вместо прежних строгих мер мы встречаем постановления, которыми устраняются только более резко выдававшиеся злоупотребления.

Ст. 14 „Уст. о пред. и пресеч. преступлений“ предписывала полиции „наблюдать, чтобы в воскресные или торжественные дни, или табельные, или в храмовые праздники (ст. 25) в городах и селениях прежде окончания в приходской церкви литургии не были начинаемы игрища, театральные представления и всякие иные общенародные забавы и увеселения,

а торговые лавки (исключая тех, в коих продаются с‘естные припасы и корм для скота) и питейные дома не были открываемы.

Ст. 23 предписывала, чтобы все „воскресные и праздничные дни церковные и гражданские посвящать отдохновению от труда и с тем вместе набожному благоговению. Посему в дни сии, воздерживаясь от беспутной жизни более, нежели в другие, надлежит праздновать с благоговением и чистотою и ходить в церковь к слушанию службы божией и особо к литургии“.

Ст. 24 предписывала, чтобы: „во все праздничные дни, в которые присутственные места свободны от собраний, а училища — от учения, нигде казенных и других публичных работ не производить как вольными или казенными мастеровыми, так и арестантами без особого на то высочайшего дозволения: 1) случаев чрезвычайных, когда от отлагательства может произойти вред постройкам, ущерб казне и остановка в сообщениях; 2) тех ведомств, кои руководствуются особыми уставами, силою коих работы по сим дням именно разрешаются или требуются“. И ст. 300 „Общего учреждения губернского“ (Свод законов т. II), по коей губернаторы имели надзор за точным исполнением постановлений о должном уважении в народе воскресных дней и особенно торжествуемых церковью праздников, наблюдая, чтобы в сии дни, кроме случаев, означенных в „Уставе о предупр. и пресеч. преступлений“, нигде не производилось казенных и публичных работ.

Ст. 108 „Городового Положения“ (Свод законов т. II) предоставляла городским думам составлять обязательные для местных жителей постановления. „О внутреннем распорядке на ярмарках, рынках и базарах, о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни, а также о торговле крепкими напитками, на основании правил, изложенных в уставе питейном“.

IV.

Отсутствие законодательной нормировки не мешало, однако, жизни создать свои собственные нормы, так или иначе регулирующие отдых торговых служащих в различных местностях России. Сами купцы тяготились очень часто жизнью вьючного животного и искали выхода из создавшегося положения, но

прекратить торговлю не решались, боясь конкуренции. Этим обстоятельством решили воспользоваться „купеческие сынки“, которым не хватало времени для прожигания жизни. Зная богомольное настроение купечества, их суеверие, любовь к церкви и преданность и любовь престолу и царю, молодые купчики стали добиваться закрытия торговых помещений по воскресным и праздничным дням, ссылаясь при этом на св. писание, на заповеди и гражданские законы, запрещающие производить торговлю по праздникам.

В 1851 году сызранское купеческое общество (в Симбирской губ.) в числе трехсот человек обратилось с ходатайством об отмене базаров по воскресным дням в пределах своего города.

В виду того, что означенное ходатайство, в случае осуществления, касалось и интересов сельских сословий, было заслушано мнение и управляющего симбирской удельной конторой.

Этот управляющий в своем отношении весьма энергично восстал против отмены воскресных базаров, ссылаясь при этом на то, что перенесение базаров на дни непраздничные отнимет часть рабочего времени и вредным образом повлияет на благосостояние вверенных его попечению крестьян. Таким образом, обозначились два совершенно противоположных мнения. Разрешение вопроса было перенесено на усмотрение Сената, которым ходатайство сызранцев было отклонено.

В 1857 г. в Пензе состоялся приговор купеческого общества о прекращении торговли в дни праздников с тем, что нарушавший этот приговор обязывался заплатить штраф в 30 руб. Приговор не был утвержден губернатором и торговля продолжалась по праздникам.

В 1860 г. киевское епархиальное начальство по просьбе купцов ходатайствовало перед начальником губернии о перенесении в киевской епархии ярмарок с воскресных и праздничных дней на дни будние; ходатайство было отклонено губернатором. Не было удовлетворено последним и ходатайство сельских обществ Киевской губ. о перенесении базаров с воскресных дней на будние.

Казанский архиепископ по просьбе казанских купцов возбудил перед министром внутренних дел в 1860 году ходатайство о запрещении воскресных базаров. Ходатайство архиепископа было переслано в синод. „Одновременно с этим в синод стали поступать в значительном числе (удостоверяет

Скроботов в своей брошюре „Об отдыхе в воскресные дни“) просьбы от частных лиц и целых обществ. а равно и приговоры по упомянутому вопросу, составленные жителями разных местностей губерний: Московской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Бессарабской, Виленской, Рязанской, Варшавской, Орловской и Черниговской“. „Особенное внимание обращала на себя в это время просьба купечества и других сословий Москвы“, говорит обер-прокурор синода в 1866 г. в своем отношении к министру внутренних дел“.

Ходатайства эти были оставлены без рассмотрения. До того ли в самом деле было министру внутренних дел после выстрела Каракозова?

В 1861 г. (читаем мы в журнале „Душев. Чт.“ за 1861 г., кн. IX) в Пензу был назначен новый губернатор. Купеческое общество, потерпевшее фиаско со своим ходатайством о закрытии торговли по праздникам перед прежним губернатором в 1857 г., поспешило возобновить свое ходатайство. Губернатор оказался сговорчивым и 15 июля 1861 г. утвердил приговор купеческого собрания о прекращении какой бы то ни было торговли в воскресные и праздничные дни“.

„Радость купеческих приказчиков, — добавляет корреспондент журнала, — не поддается описанию“. Это был первый и исключительной важности факт. О нем заговорили в печати. Но потребовалось целых три года, чтобы сдвинуть с мертвой точки алчное и жадное до наживы купечество. И только 14 января 1864 г. нижегородские куппы, собравшись на присягу перед выборами на общественные должности, выслушав горячую проповедь нижегородского епископа Нектария о необходимости отдаться молитвам в воскресные и праздничные дни, решили собраться для обсуждения этого вопроса снова. Собравшись вторично 28 января, купцы постановили: „отнюдь не открывать торговых заведений во время праздников двунадесятых и воскресных дней, до окончания божественной литургии и ранее 12 часов, применяясь к ст. 16 XIV т. Свода законов, кроме особых с‘ездов, в роде ярмарок; утверждая это подписом, просим господина городского голову наблюсти за исполнением сего приговора [1]).

[1]) Н. Скроботов. „Вопрос об отдыхе в воскресные дни“. Изд. 1889 г. Стр. 24.

Из этого постановления видно, что фактически нижегородские купцы ничего приказчикам не дали. Они им предоставили только тот отдых, которым приказчики имели право пользоваться и без их ласки по существовавшему тогда закону, на который сами купцы ссылаются в своем же постановлении. К этому постановлению, как и к ряду однородных с ним, мы еще вернемся в дальнейшем изложении, пока же отметим, что в том том же 1864 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, приказав перенести базары с воскресенья на будние дни, распубликовал для жителей своего генерал-губернаторства следующее распоряжение:

„В значительной части местечек и селений Новороссийского края торги и базары собираются в воскресные дни; приезжающие в эти дни на базары из окрестных мест употребляют все утро на переход в дальний пункт, присмотр на месте за подводами, привезенными на них продуктами и производством торга; а местные жители большею частью проводят также все утро в торге. Таким образом, и приезжие, и местные, при трудности уследить за исполнением закона, воспрещающего производство торга (за исключением лишь с‘естных припасов и корма для скота) прежде окончания литургии, отвлекаются от божественной службы, предаваясь часто с самого утра увеселениям и пьянству, поглощающим в один день заработок целой недели или цену всего привезенного на базар. Стечение народа на базары в воскресные дни обратило на себя внимание п р а в о с л а в н о г о д у х о в е н с т в а, справедливо указывающего на происходящий от сего вред для православного населения в нравственно-религиозном отношении. С‘езд на базары в воскресные дни несомненно вреден для наших сельских хозяйств и в экономическом отношении, способствуя напрасной трате денег при склонности простонародья вообще к попойкам и увеселениям в праздничные дни“.

Из этой части распоряжения черносотенного генерал-губернатора видно, что вся забота его направлена была не на защиту интересов трудящихся, нуждающихся в отдыхе, а исключительно на угождение духовенству. Кто не знает и не помнит альянса (союза) церкви с гражданской властью для поддержки престола, казнокрадства, внедрения невежества, угнетения и обирательства народных масс? Каждый архиерей, каждый епископ, как и каждый генерал-губернатор и губернатор, действуя по-

разному, били в одну точку — защищая „незыблемые основы самодержавной власти“.

Яркой иллюстрацией того, как русские губернаторы и градоначальники защищали интересы трудящихся, может служить следующий факт, опубликованный в „Сибирской Газете“ за 1882 г., № 175.

„Первое февраля 1882 г., — говорится в газете, — для приказчиков во Владивостоке ознаменовалось постановлением крупных торговцев, чтобы по воскресным дням магазинов не открывать, чему, конечно, приказчики обрадовались; но только чуть-чуть было эту радость не преложили в печаль об‘явлением, обращенным к публике, в котором согласившиеся между собою купцы и торговцы об‘являют, что „по воскресным дням магазины будут закрыты“; в этом предержащие власти (читай— приморский генерал-губернатор) усмотрели какую-то стачку, а потому приказали письмом на имя городского головы собрать подписавшихся и об‘явить им, что они не имели права на такое соглашение, а тем более на расклеивание его по городу на столбах, наподобие правителя кое-кого общего от всех согласившихся об‘явление, а поэтому подписной лист и об‘явление предали ауто-да-фе, т.-е. сожжению в здании городской управы в присутствии всех подписавшихся и гласных думы, а также в присутствии выборных от приказчиков (по одному приказчику от каждого крупного магазина). После сожжения соглашения отслужен был молебен с окроплением всех присутствовавших святой водой и трижды пропели национальный гимн „боже царя храни“. „Прошли уж 10 воскресений и торговцы, — прибавляет корреспондент газеты, — до сих пор магазинов по воскресеньям все-же не открывают“.

Читая об этом мудром приказе приморского генерал-губернатора, не знаешь, чему больше поражаться — его ли глупости и самодурству, или рабству, царившему среди гласных городской думы Владивостока, среди купечества, а главным образом, среди трудящихся. Вот образчик того цинизма, того издевательства, правильнее будет сказать,—надругательства, до какого доходили русские правители.

А вот еще образчик той защиты, которую трудящиеся могли найти в лице тогдашних правителей.

„Правление Общества приказчиков Одессы,—читаем в „Русских Ведомостях за 1880 г., — обратилось в мае месяце 1878 г.

в херсонскую консисторию с просьбой оказать содействие в отмене торговли по воскресным и праздничным дням. Архиепископ Платон сочувственно отозвался на ходатайство приказчиков и отнесся лично в одесскую думу об удовлетворении упомянутого прошения приказчиков; и, хотя в следующем году было препровождено консисторией в ту же думу письмо купца Федорова, действовавшего по полномочию одесских купцов и торговцев, о прекращении торга по праздникам, затронутый вопрос остался без ответа в виду того, что местная власть нашла несвоевременным и неуместным рассматривать заявления со стороны населения и принимать по ним определенные постановления".

Своим раз'яснением сей правитель уничтожил и ту возможность, которая была у думы для ограничения времени торговли по праздникам согласно 108 ст. Гор. Полож.

V.

И все-же, несмотря на эти препятствия, чинимые губернаторами, городские и земские самоуправления, начавшие функционировать в России после освобождения крестьян, в некоторых случаях ограждали интересы торговых служащих от чрезмерной эксплоатации торговцев и купцов, издавая обязательное постановление о воскресной и праздничной торговле. С начала шестидесятых годов и до конца прошлого столетия торговые служащие робкими, одинокими голосами заявляли о своих правах, но из этого ничего не вышло, пока к голосам приказчиков не стали присоединяться купеческие сынки, работавшие в предприятиях родителей и попавшие в городские думы в качестве гласных.

О прекращении праздничной торговли в Киеве находим в газете „Голос" за 1882 г. такого рода сообщение: „Киевская дума издала обязательное постановление и на нынешний год о закрытии всех вообще магазинов и лавок в праздничные дни. За закрытие магазинов и крупной торговли нужно думе сказать спасибо; но думское вето на мелочную бакалейную торговлю для двух третей киевского населения представляет большие затруднения, тем более, что после закрытия мелочной лавочки, месячный оборот которой состоит из 40—50 руб., растворен шинок, открыт трактир, где пропиваются семейные заработки и творятся безобразия. Закрытие

мелочных лавок вызвало общий ропот в бедном населении и петиция об отмене этого тягостного в экономии бедных людей постановления была подана в думу, но последняя отвергла петицию, ссылаясь на то, что в бакалейных лавках, вместе с предметами первой необходимости, есть предметы роскоши, и потому торговля ими может нанести ущерб тем, кому она не разрешена".

В заседании великолуцкой городской думы предложение священника Соловского об установлении праздничного отдыха для торговцев и служащих встретило сначала сильный отпор, но, по ближайшем и всестороннем рассмотрении этого вопроса, дума согласилась с мнением купцов и приказчиков, что они „обречены судьбой целую свою жизнь трудиться беспрерывно" и в заключение уважила ходатайство Соловского („Труды 1-го с'езда приказчиков", доклад Курнина, стр. 234).

К облегчению участи приказчиков владимирской городской думой было принято постановление о перенесении воскресных базаров на пятницу („Труды 1-го с'езда приказчиков", стр. 234).

Костромская дума постановила перенести базары с воскресенья на понедельник („Труды 1-го с'езда", стр. 242). Новгородская дума своему постановлению о воспрещении воскресной торговли сочла нужным предпослать следующее мотивированное об'яснение для жителей, расклеенное на стенах домов и на столбах: „предоставление решения вопроса о праздничном отдыхе самим торгующим не может повести к желательному результату, так как не имеется к этому никаких оснований, в виду неизбежной конкуренции и боязни потерять постоянных покупателей, которые могут перейти к другому, не закрывающему своей торговли: в прошлом году мануфактурная торговля, по взаимному условию торговцев, некоторое время не производилась по праздникам, но затем, видя ручной торг, открывали свои магазины" („Труды 1-го с'езда приказчиков", стр. 243—244).

Насколько купцы не доверяли друг другу в смысле соблюдения соглашения о праздничном отдыхе, видно из того, что торговцы г.г. Великие Луки, Пскова, Переяславля, Полтавской губ., Киева, Саратова, Севастополя и Херсона, достигшие соглашения между собой о праздничной торговле, все же обратились в городские думы с просьбой издать обязательные

постановления о прекращении торговли в воскресные и праздничные дни („Труды 1-го с‘езда приказчиков“, стр. 244).

Иркутская городская дума в ознаменование избавления царской семьи от опасности 17 октября 1888 г. издала обязательное постановление о прекращении торговли в воскресные и праздничные дни, а также в день 17 октября, за исключением лишь торговли на рынках необходимыми с‘естными припасами („Из истории общества взаимного вспоможения приказчиков в Иркутске“, стр. 123—5).

На постановлении думы Александр III по докладу Победоносцева написал: „искренне благодарю“. Эти два слова долго держали в страхе иркутских торговцев, не решавшихся нарушить постановления, санкционированного высочайшей властью.

Часть из них, однако, стала обходить постановление, заставляя своих приказчиков работать при закрытых для публики дверях магазинов [1]).

23 декабря 1901 года двадцать четыре члена иркутского общества взаимопомощи приказчиков подали в совет Общества заявление о том, что в воскресение указанного числа, вопреки обязательному постановлению городской думы, большинство магазинов было открыто и производило торговлю. Обращая на это внимание общества, подавшие заявление просили принять меры „в целях предупреждения на будущее время подобных нежелательных явлений“. При обсуждении этого вопроса на общем собрании 30 декабря 1901 года общество пришло к следующему заключению: „В продолжение более 10 лет высочайшее соизволение рассматривалось как особое высочайшее повеление, последовавшее вне обычного законодательного порядка, но имеющее полную силу закона. Такой взгляд разделялся и торговым сословием г. Иркутска, и местными властями. Правда, за те же десять лет со стороны некоторых из иркутских торговцев не было недостатка в попытках возобновить торговлю по воскресным дням, особенно перед великими праздниками, но все такие попытки или заблаговременно предупреждались местною властью или, по крайней мере, пресекались посредством привлечения открывших торговлю (в праздники) к ответственности. Во всяком случае факты нарушения дарованного государем праздничного отдыха до сего

1) Украшение витрин, сортировка товаров и т. п.

времени носили единичный характер и пример нарушителей не находил значительного числа последователей и только 23 декабря 1901 года большинство торговых фирм г. Иркутска не прекратило торговли и, нарушив высочайшую волю, отняло у своих служащих праздничный отдых и тем совершенно лишило их возможности приготовиться к встрече великого праздника Р. Х., который застал торговых служащих г. Иркутска утомленными и измученными усиленной праздничной работою, продолжавшеюся непрерывно долее недели“.

„Признавая, что фактом этим существенно нарушены интересы иркутских приказчиков, общее собрание, в предупреждение на будущее время подобных нарушений, единогласно постановило: 1) поручить правлению общества, совместно с особою депутацией от общего собрания обратиться к иркутскому губернатору с просьбою о принятии мер к точному исполнению высочайшего повеления, которым прекращено в Иркутске производство торговли по воскресным и праздничным дням; 2) опубликовать в местной печати об этом постановлении общего собрания, опубликовать вместе с тем список торговых фирм, которые 22 декабря [1]) 1901 года торговлю не производили [2]).

Обещание „принять меры“ было дано губернатором, но уже 4 июня 1902 года иркутское губернское управление уведомило правление общества, что „вследствие представления г. начальника губернии, по ходатайству правления общества приказчиков об установлении в городе праздничного отдыха, согласно выраженной в 1889 году высочайшей благодарности по поводу постановления городской думы 30 мая 1889 г. о воспрещении торговли в праздничные дни и 17 октября, хозяйственный департамент министерства внутренних дел отношением от 13 мин. июня за № 5546 уведомил губернатора, что высочайшая благодарность иркутской думе, об‘явленная по из‘ясненному случаю, не может быть рассматриваема, как отмена действующего закона о производстве торговли в празд-

---

[1]) Тут очевидно опечатка: в двух местах в тексте упоминается 23 декабря, а в одном 22 декабря. Трудно поэтому судить какая из этих двух дат соответствует действительности. Автор.

[2]) Фирмы эти следующие: Макушина, Дьяконова, Цымерского, Стахеева, Бревнова, „Мод-де-дам“ Брезлоказовы, Родионова и Залесова (отчет правления общества за 1901 г.).

ничные дни и что общий вопрос об ограничении праздничной торговли находится на рассмотрении святейшего синода и имеет получить разрешение в законодательном порядке".

Саратовская городская дума в марте 1882 года ограничила торговлю по воскресным и праздничным дням двумя часами от 12 до 2 час. дня, но уже в июне того же года дума сделала в своем постановлении довольно существенное изменение, допустив производство торговли хлебными, шорными, горянскими и др. товарами до 12 час. дня, т.-е. вместо 2 часов дума разрешила торговать 5 и более часов. В декабре же 1883 г. дума разрешила торговлю с 8 час. утра до 12 час. дня для лавок и магазинов на базарных площадях и улицах, выходящих на эти площади. В виду сделанных перемен, вера в прочность и неизменяемость думских постановлений у многих приказчиков ослабела, а у некоторых и совершенно утратилась. „Под влиянием этого недоверия явилась мысль,—читаем в отчете правления саратовского общества взаимного вспоможения приказчиков за 1883 г. — обратиться к правительству с ходатайством об издании закона, воспрещающего торговлю в воскресные и праздничные дни. Доклад об этом был предложен одному из общих собраний общества за 1882 г. и принята последним. Привести в исполнение это постановление не удалось в виду последовавшего от министерства внутренних дел указания на существующий закон, предоставляющий право ограничения торговли городским самоуправлениям. Но так как ни само указание, ни закон, в указании приведенный, не исключали возможности и права предполагавшегося ходатайства, то в 1883 г. вопрос о ходатайстве перед правительством был снова возбужден правлением в общем собрании вновь. Получив санкцию общего собрания, правление составило на имя г. министра внутренних дел докладную записку, но не отослало ее. О причинах, задержавших отсылку докладной записки, говорится в отчете общества за 1884 г. следующее:

„Саратовская городская дума в истекшем году продолжала итти путем отступлений от прекрасного начала, положенного в марте месяце 1882 г. В начале мая горсть (в числе 14) торговцев Пешего базара вошла в думу с ходатайством о разрешении торговли в праздники с 12 часов дня до сумерек. В июле месяце правление нашего общества представило думе контр-прошение 231 приказчика и 2 заявления 47 присоеди-

нившихся к ним торговцев об оставлении в силе действовавших правил торговли с 12 час. до 2 час. дня. Но дума, в лице присутствовавших в заседании 25 июля 17 гласных, не вняв голосу 278, предпочла удовлетворить просьбу 14“.

„В начале августа,—читаем далее в том-же докладе,—правление нашего общества обратилось в думу с новым ходатайством, в котором указало всю несообразность предпочтения просьбы 14 просьбе 278 и подчеркнуло, что 13 (из 14) ограничение торговли 1882 г. вовсе не касается и просило разрешение 25 июля отменить. Дума все же не отвергла ходатайства общества под предлогом предстоящего пересмотра всех постановлений думы о праздниках городскою управою совместно с представителями приказчиков и купцов.

В силу этого правление общества задержало отсылку в министерство внутренних дел готовой докладной записки, в которой необходимость издания для всей России закона об обязательном запрете воскресной и праздничной торговли мотивировалась главным образом тем, что постановления городских дум, состоящих преимущественно из купечества и заинтересованных в том, чтобы их служащие подольше работали изо дня в день, слишком неустойчивы“.

Возвращаясь в отчете за 1885 г. снова к этому вопросу, правление общества следующими словами характеризует положение вещей:

„Вопрос об отдыхе от занятий в праздничные дни, имевший в Саратове в 1882 г. благоприятное начало, окончился в 1885 г. весьма печально. 9 октября 1885 г. саратовская городская дума постановила: „изданные до сего времени обязательные постановления, ограничивающие торговлю в праздники, следует все отменить“. Решение это, по предложению начальника губернии, вследствии просьбы правления нашего общества, дума 18 ноября 1885 г. пересматривала вновь и оставила в силе“. Так закончилась попытка приказчиков прошибить совесть саратовских толстосумов и самодуров.

Казанское вспомогательное общество в ноябре 1882 г. обратилось в городскую думу с ходатайством о прекращении торговли в воскресные и праздничные дни. Дума передала ходатайство на рассмотрение управы, которая лишь спустя 3 года, в ноябре 1885 г. представила в думу доклад о том, что

„большинством 8 против 7 признано невозможным удовлетворить ходатайство приказчиков, так как вопрос слишком серьезен и требует осмотрительного решения; отношения приказчиков и хозяев устанавливаются взаимными соглашениями, почему труд приказчиков свободен, и они сами могут установить отношения свои к хозяевам“...,. Об условиях возможности самим установить отношения на основании свободы труда дает представление дальнейшее рассуждение казанской управы, „наивно или цинично поучающей“, как справедливо заметил т. Д. Антошкин в своих „Очерках движения служащих в России со второй половины XIX века“: „Кроме сего, предложение труда превышает спрос на него, в видах чего приказчики должны вполне подчиняться требованиям хозяев и не могут ставить им каких бы то не было условий под опасением лишиться занимаемых мест и через это лишиться всяких средств к жизни“.

„К чести городской думы,—говорит далее Д. Антошкин,—она не нашла нужным согласиться со столь убийственными аргументами против праздничного отдыха служащих и поручила управе составить проект обязательного постановления об ограничении праздничной торговли. На такое серьезное дело управе потребовалось 4 года и, наконец, в 1889 г. ею был представлен доклад в думу. К этому времени уже сами торговцы, по общему соглашению, прекратили производство торговли в воскресные и праздничные дни, а в 1884 г. пытались сделать обязательным для всех постановление о производстве торговли в воскресные и праздничные дни с 12 часов до 3 час. дня. Но очень скоро отдельные торговцы стали нарушать соглашение о прекращении для одних и о сокращении для других праздничной торговли, и все остальные торговцы, в видах конкуренции меньшинства, нарушившего соглашение, вернулись к старому порядку. А в 1889 г. переменила и это свое мнение, признав издание обязательных постановлений об ограничении времени торговли в воскресные дни „несвоевременным“.

А вот еще пример, как некоторые гласные относились к охране труда торговых служащих.

В июне 1881 г. 13 петербургских приказчиков подали градоначальнику прошение о закрытии торговых заведений в праздничные и царские дни. Градоначальник передал ходатай-

ство служащих в городскую управу. Так как заявление „13" осталось не рассмотренным в течение 6 м-цев, то на седьмой месяц петербургское о-во взаимопомощи обратилось с просьбой к министру внутренних дел ограничить время праздничной торговли изданием обязательного постановления в порядке законодательном. В прошении за подписью 171 челов., между прочим, говорится: „несмотря на отмену крепостного права, на Руси существует рабство" так как торговцы Петербурга и доселе держат своих служащих в некоторой крепостной зависимости, что приказчики лишены „присущей человеку свободы иногда распоряжаться самим собой и не могут хотя бы один день в неделю находиться в кругу семьи". Общество предлагало установить по праздникам торговлю в лавках с'естными припасами от 6 до 8 часов утра и с 2 до 6 час. дня, мануфактурными и т. п. товарами с 2 до 6 час. дня, крепкими напитками с 12 или 1 часу до 11 часов вечера.

Министр передал прошение городскому голове с предложением внести вопрос об издании соответствующего обязательного постановления в думу. В думе этот вопрос мариновался около 2 лет. В это время купцы, противники праздничного отдыха, не спали. Купец Макаров подал прошение министру внутренних дел с указанием, что праздничный отдых вызовет в народе „ропот и негодование", „умножит число празднолюбцев" и „настанет время, когда повар, кухарка и дворник откажутся совсем работать в эти дни". Не расчитывая на успех застращивания министра, купец Цветков—гласный думы,—подал заявление в думу, в котором доказывал, что введение праздничного отдыха дурно повлияет на нравственность служащих. „От закрытия торговых заведений (по праздникам)—пишет Цветков—можно потерять очень многое, особенно нравственность торгового сословия. В наше время в торговом заведении приказчик и его подручный знают, что им нельзя от торговли отлучаться—они об этом и не думают, а когда будут знать что завтра праздник, то поневоле запустят руки в хозяйский ящик и из него дадут деньги знакомым кухаркам, горничным, прачкам или дворникам, а завтра пойдут проживать хозяйские деньги; они до того напьются, что когда придет время открывать лавку, приказчика нет дома или пьян, подручные его также пьяны. У хозяев будут больше красть денег и товаров, а население города будет терпеть разные безобра-

зия от пьяной прислуги. Приказчики и их подручные вообще люди малограмотные и малообразованные. Закрытие торговли, которое даст им свободу, только их погубит. Мы видим, что мастеровой человек пользуется в праздник полной свободой от работы, но что хорошего из этого видно, кроме худого? От этой свободы большинство мастеровых совсем обнищало и обезобразилось, упало духом нравственно... Это оттого, что мастеровой не имеет над собой твердого нравственного фундамента, т.-е. хозяйской строгости“.

Столковавшись с другими гласными, Цветков добился того, что вопрос был поставлен на обсуждение думы 16 февраля 1883 г. и большинством 121 против 22 решен в пользу господ Цветкова, Макарова и их единомышленников („Извест. Петр. Гор. Думы“ за 1905 г.).

А вот еще пример. При рассмотрении вопроса о сокращении часов торговли по воскресным и праздничным дням в батумской гор. думе — свидетельствует Колычев („Русская Мысль“ 1905 г. II),— гласные купцы доказывали „что отдых необходимейшая потребность, в этом никто не может сомневаться, но отдых отдыху рознь. Чрезмерный отдых действует на человека губительным образом. И вот в таком-то губительном положении находится наша меньшая братия, наши приказчики, об интересах которых мы нравственно обязаны заговорить. Дума своим постановлением о праздничном отдыхе предоставила им такое широкое право на отдых, что приказчики решительно потеряли головы и не знают, *как употребить им дарованное право*. Поэтому-то совсем неудивительно, что драгоценное время убивается ими в гулянии на фаэтонах с резиновыми шинами и в разных других увеселениях, благодаря чему они могут сильно пострадать материально. Кроме того, *и мы в незавидных положениях. Праздничных дней в России много и через воспрещение торговли в эти дни и наши интересы пострадают*“ (курсив наш). По этим высоконравственным и гуманным причинам гласные-купцы просили думу отменить принятое постановление о запрете праздничной торговли и разрешить торговлю по воскресным дням с 11 час. утра до 1 часу дня, а по другим праздникам с отхода литургии до 11 час. вечера. К чести батумцев, остальные гласные воздали по заслугам

гласным купцам за их заботу „о нравственности меньшей братии“ и отклонили их просьбу.

Несколько лучше обстояло дело в Иваново-Вознесенске (Владимирской губ.), где ограничение праздничной торговли было введено городскою думою по инициативе одного местного купца, в Котельниче (Вятской губ.), где праздничная и воскресная торговля была ограничена думой по ходатайству торговцев и промышленников, в Тамбове, где праздничная торговля была сокращена в 1883 г. до 3 час. (с 10 час. утра до 1 часу дня), благодаря содействию городского головы, крупного купца Д. И. Тимофеева, и в ряде других городов.

Об установлении праздничного отдыха Кутаисской городской думой мы находим такое сообщение в „Русских Ведомостях“ от 4 марта 1903 г.:

„Так как состав местной думы по преимуществу интеллигентный и, кроме того, большинство (более 30-ти) местных наиболее крупных торговых фирм—говорится в „Русских Ведомостях“ от 4 марта 1903 г. за № 62—сами вошли в думу с заявлением о необходимости установления праздничного отдыха, то возражений против существа вопроса почти не было. Главное же внимание гласных было сосредоточено на том, чтобы точно определить права думы в этом вопросе. Примечание к ст. 108-й действующего „Городового Положения“, с одной стороны, и соответствуюшие раз‘яснения Сената — с другой, по мнению многих гласных, ясно устанавливают, что городские думы не в праве запрещать торговлю в воскресные и праздничные дни. В виду этого для думы является лишь единственным выходом в вопросе об установлении праздничного отдыха ограничение времени торговли в праздничные дни до самого крайнего минимума. Один из гласных предлагал даже установить торговлю в воскресные и праздничные дни только на 15 минут. Многие также предлагали соблюсти формальность и назначить для праздничной торговли такое время, которое было бы совершенно неудобно для торговцев, и таким образом de facto праздничный отдых для приказчиков будет установлен. Некоторые гласные юристы (один, например, член суда, другой—присяжный поверенный) указывали на то, что раз‘яснения Сената по вопросу о праздничном отдыхе еще не могут считаться, как окончательные; судебная практика показывает, что Сенат очень часто по одному и тому же вопросу

в разных случаях высказывается разноречиво; очень возможно, что и в вопросе о праздничном отдыхе он откажется от своего первоначального раз‘яснения, так что городские думы, не обращая внимания на последовавшие раз‘яснения, имеют полное право стучаться в дверь Сената. Между прочим, ораторами была сделана ссылка на устав о промышленности и торговле, в котором прямо указано, что торговля в течение недели может производиться только шесть дней, в седьмой же, т.-е. в воскресенье, названным уставом торговля безусловно воспрещается. Городской голова в возражение ораторам сослался на работы московской думской комиссии (под председательством проф. Герье) по тому же вопросу о праздничном отдыхе, которая, по заявлению головы, категорически после детального изучения вопроса признала отсутствие по действуюшему закону за городскими думами права прекращать торговлю в праздничные дни. В конце концов дума постановила ходатайствовать в установленном порядке об изменении ст. 108-й „Городового Положения“ в смысле предоставления городским думам неограниченного права в установлении праздничного отдыха. До разрешения же этого вопроса дума постановила разрешить производить торговлю в воскресные и праздничные дни в течение только одного часа, от 8-ми до 9-ти час. утра. Между прочим в этом заседании одним из гласных дана любопытная справка о том, что вопрос о праздничном отдыхе для приказчиков в течение последних двадцати лет поднимался в местной думе несколько раз; однажды даже дума высказалась за полное прекращение торговли в праздничные дни, но это постановление было отменено присутствием по городским делам. В последнее время здесь действовало обязательное думское постановление о разрешении производства торговли по воскресеньям и праздникам только от 12-ти до 3-х час. дня. Но на практике это постановление торговцами почти не исполнялось и недавно местные торговые праказчики обратились к кутаисскому военному губернатору с прошением принудить полицию к строгому надзору за исполнением обязательного постановления думы относительно праздничной торговли“.

VI.

Из приведенных данных видно, что городские самоуправления в некоторых случаях ограждали интересы торговых

служащих от чрезмерной эксплоатации торговцев, издавая обязательные постановления о воскресной и праздничной торговле [1]).

Такие постановления изданы были городскими общественными самоуправлениями в 99-ти городах.

Число обязательных постановлений, изданных в течение

1889 — 1884	г.г. — 9	. . .	19
1885 — 1889	„ — 10	. . .	
1890 — 1894	„ — 10	. . .	27
1895 — 1899	„ — 17	. . .	
1900 — 1904	„ — 24	. . .	51
1905 — 1906	„ — 27	. . .	

Из этой таблицы видно, что ограничение праздничной торговли началось в 80-х годах [2]), и с тех пор число городов, ограничивающих праздничную торговлю, постепенно возрастает. До 1894 г. этот рост числа постановлений еще не особенно заметен, но уже в пятилетие 1895—1890 г.г., число обязательных постановлений увеличивается почти вдвое, а в пятилетие 1900—1904 г. более чем в два с половиной раза против начала 80 годов.

В относительных числах этот рост по десетилетиям выразится так: в 1880 — 1889 г.г. издано было 20% всех обязательных постановлений; в 1890 —1899 г.г. — 27,2% всех постановлений и, наконец, за последний период—1900 — 1906 г.г., насчитывающий всего 7 лет — 50,2 /0, или ровно половина общего числа. Если из последних 7 лет выделить —

[1]) Значение и этих немногих ограничений было впоследствии ослаблено. В 1904 г. Государственный Совет, „озабочиваясь об уменьшении числа праздников в сельском хозяйстве и стремясь увеличить трудолюбие населения путем увеличения числа рабочих дней в году“, пришел к заключению что население неправильно понимает изложенное в ст. 24 Устава о предупреждении и пресечении преступлений запрещение производить публичные работы, считая последним всякую внешнюю работу, производимую на виду у всех Поэтому Государственный Совет постановил предоставить усмотрению каждого добровольное занятие работой в воскресные, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданские, исключив из ст. 24 Устава о пред. и прес. преступлении и ст. 300 общ. учрежд. губернского постановления о воспрещении публичных работ.

[2]) В Сибири первые случаи ограничения праздничной торговли относятся не к 80-м, а к 60-м годам. Об этом будет сказано ниже.

1905—1906 г.г. то окажется, что за последние два года, т.-е. в период революции и накануне издания закона 15 ноября 1906 г., количество изданных во всей России ограничений праздничной торговли достигло 27,2%, или несколько больше одной четверти изданных за все время обязательных постановлений, т.-е. далеко оставило за собой предшествующее пятилетие и сравнялось с десятилетием девяностых годов.

Картина получится еще рельефнее, если рассмотрим не все количество обязательных постановлений за определенный (часто неодинаково продолжительный) период времени, а возьмем среднее число ежегодно издаваемых постановлений и проследим в каком количестве городов вводилось ежегодно ограничение праздничной торговли в каждый из этих периодов времени. Это даст нам возможность более точно установить характер и размер постепенного роста числа городов с ограниченной торговлей из года в год.

Оказывается, что в первое по времени пятилетие 1880—1884 г.г. обязательные постановления вводились, судя по рассматриваемым данным, ежегодно не более, чем в 1—2 городах (в среднем 1,4 города); в 1885—1889 г.г. и в следующее пятилетие 1890—1894 г.г. праздничная торговля ограничивалась почти так же редко — в среднем — 1,9 города. В 1895—99 г.г. средняя доходит уже до 2,8, в 1900—1904 г.г. до 3,8 и, наконец, в 1905—1906 г.г. средняя сразу поднимается до 10,5 городов в год [1]).

Эта деятельность дум не могла, однако, удовлетворить запросов приказчиков. Во-первых, потому, что торговля производилась не только в городах, но и в торговых селениях и местечках; во-вторых,потому, что думы не имели права сокращать торговый день в будни, в-третьих потому, что думы не могли совершенно запрещать торговли в праздники. В-четвертых, наконец, потому, что постановления дум не распростра-

[1]) В данном случае интересны не абсолютные числа, так как несомненно, что, при сравнительно небогатом материале приведенная выше средняя значительно ниже действительного количества ежегодно издаваемых постановлений. Важно было подчеркнуть сравнительный рост этой средней по отдельным городам, так как этот рост показывает действительное отношение между отдельными периодами по числу введенных ограничений праздничной торговли.

нялись на торговлю с'естными припасами [1]), Поэтому, под давлением настойчивых требований торгово-промышленных служащих, городскими думами ряда городов были возбуждены ходатайства о расширении их прав в вопросе регулирования торгового дня.

В 1882 году вспомогательное общество купеческих приказчиков Москвы, собирая материал для ходатайства перед правительством о воскресном отдыхе для торговых служащих, обращалось за сведениями по данному вопросу в города: Курск, Воронеж, С.-Петербург, Нижний-Новгород, Харьков, Орел, Псков, Тамбов, Одесса, Ростов-на-Дону, Саратов, Иваново-Вознесенск, Ригу и Варшаву и получило ответы, из которых видно, что приказчики всех упомянутых городов давно уже ходатайствуют о прекращении праздничной торговли. В 1889 г. московская городская дума, получив ходатайства упомянутых только что обществ, постановила возбудить через губернатора соответствующее ходатайство перед правительством о запрещении воскресной торговли. В 1901 г. московским городским головою были поданы докладные записки по сему вопросу министрам внутренних дел и финансов и обер-прокурору святейшего синода. Не получив удовлетворительного ответа, московская городская дума в 1902 году повторила своё ходатайство 1899 года.

Подобного же рода ходатайства (о сокращении времени торговли или о совершенном закрытии оной в воскресные и праздничные дни) возбуждали следующие учреждения: в 1895 г. Большезнаменское сельское общество Мелитопольского уезда, Таврической губ., и банкиры г. Варшавы. В 1896 г. о том же ходатайствовал сход Ординской волости, Томской губернии. В 1898 г.—самарская городская дума, в 1897 г.—хозяева торгово-промышленных заведений Новочеркасска, в 1898 г.—жители станицы Верхне-Курмоярской 2-го Донецкого округа и г. Моздока, а равно наказной атаман Кубанского войска о сокращении торговли в станицах: Архангельской, Кавказской и Новолеушковской.

Киевская дума возбудила ходатайство в 1901 году о праве запрещать торговлю во все воскресные и праздничные дни.

---

[1]) Смотри „Труды 1-го с'езда представителей обществ вспоможения частному служебному труду приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и друг. однородных по идее и цели". Стр. 199, 241, 245 и др.

Старобельское земство в 1902 году возбудило ходатайство о праве регулирования торгового дня в селениях. Симферопольская городская дума в 1901 году тоже возбудила ходатайство о праве сокращать торговлю по воскресным и праздничным дням, при чем в этом же ходатайстве подчеркнула, что одним воскресным и праздничным отдыхом не ограничиться теперь уже в смысле урегулирования нормального отдыха трудящихся прилавка.[1])

VII.

Реже других ограничение праздничной торговли вводилось самими хозяевами помимо всякого вмешательства городских дум или администрации.

Характернее всего то, что поводом как для городских дум, так и для хозяев к установлению праздничного отдыха служили явления не чисто экономического характера и даже не религиозного, а скорее поводы политического свойства. Чтобы доказать царствующему дому Романовых свою беззаветную преданность престолу и любовь к царю, купцы в некоторых случаях обязались друг перед другом подпиской и клятвой на „кресте“ не торговать по праздникам.

Воскресный отдых для торговых служащих был впервые введен в России в 1866 г. таким взаимным друг перед другом обязательством купцов и торговцев г. Омска по случаю избавления императора Александра II от выстрела Каракозова. Вслед за Омском последовали купцы и торговцы Томской губ., где воскресная торговля была прекращена подпиской купцов в 1869 году.

---

[1]) При изложении нами фактов проведения праздничного и воскресного отдыха городскими самоуправлениями мы пользовались данными анкеты 1909 г. постоянной комиссии музея содействия труду при московском отделении Русского Технического Общества, собранными и опубликованными Г. А. Верховским под редакцией А. М. Никитина (см. „Отдых торгово - промышленных служащих“. Выпуск I, издание Русского Технического Общества, Москва, 1912 г.), данными С. Н. Прокоповича, опубликованными в его книге „К рабочему вопросу в России“, и данными А. М. Гудвана, опубликованными в его книге „В царстве тьмы и эксплоатации“, а также данными, опубликованными министерством торговли и промышленности в законопроекте „Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах“ (см. „Изложение дела“ законопроекта, 22 января 1896 года № 438, стр. 3, 4, 5 7, 8 и др.).

То же самое явление повторялось и после неудачного крушения поезда, в котором находилась царская семья, на станции Борки 17 октября 1887 года.

В Иркутске в 1889 г. приказчики, как нами уже отмечено на стр. 37, были освобождены от праздничной торговли „в увековечение проявления божественного промысла на царской семье во время крушения поезда в 1887 г.“. То же событие послужило стимулом к введению в 1901 г. праздничного отдыха в Кустанае, Тургайской области.

В Харькове крупные мануфактуристы постановили установить праздничный отдых в ознаменование этого события. Одновременно с этим городская дума сделала постановление об открытии магазинов с 9 часов утра до 1 часа дня (протоколы 3-го с‘езда торгово-промышленных служащих стр. 66).

В Казани была организована торговцами подписка об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни. Эта подписка была доложена императору и государь выразил благодарность за установление праздничного отдыха. Первое время подписка, как удостоверяет Грачев, соблюдалась, но потом купцы снова стали торговать. [1])

О надувательстве купцами „своего благодетеля и отца покровителя“ говорит и другой свидетель: „воскресного отдыха в Казани до 1905 г. не существовало, хотя купцы очень часто по поводу торжественных событий давали обещание не торговать по праздникам и посылали об этом телеграммы государю. Но проходил месяц, либо два, и купцы в конце концов начинали опять торговать попрежнему“ [2]).

Не всегда, однако, поводом к ограничению праздничной торговли служили какие-либо торжественные события. Нередко толчок давали такие явления, которые абсолютно никакого торжественного характера не носили. Купцы Алатыря, Симбирской губ., праздновали вплоть до 1917 года „день избавления от холеры“. Такой же случай был и во Владимире, где местное купечество ввело ограничение праздничной торговли под влиянием холеры.... Вот как передает эту интересную страничку из истории введения во Владимире праздничного отдыха член о-ва взаимопомощи приказчиков: „до 1893 г. в праздники

---

[1]) Грачев. „О воскресном и праздничном отдыхе торгово-промышленных служащих“, стр. 77.

[2]) Протоколы 3-го с‘езда торгово-промышленных служащих, стр. 24.

и даже в такие дни, как Пасха и Рождество, торговля производилась целый день. Но около этого времени в окрестностях Нижнего-Новгорода и Владимира появилась холера. Жители, особенно купечество, встревожились. В это самое время местный архиерей произнес в соборе речь, в которой указал на ненормальность положения торгово-промышленных служащих и предложил установить праздничный отдых. Купцы собрались и постановили с тех пор торговать в праздники с 12 часов дня до 10 часов вечера, т.-е. дали служащим утренний отдых. Только такое бедствие,—резюмирует свидетель,—могло подействовать на купечество. Но стоило ему пройти, все снова забывалось [1]).

Повидимому, для установления самого незначительного отдыха в 1—2 часа по воскресным и праздничным дням русскому купечеству нужны были иной раз какие-либо необычайные побудительные мотивы, имеющие очень отдаленное отношение к экономическому положению торгово-промышленных служащих, но зато сильно действующие на его собственную психику.

Торговля по воскресным и праздничным дням была также ограничена в некоторых случаях и по частному соглашению между хозяевами и служащими. В силу соглашения хозяев со служащими или по желанию самих хозяев был установлен, например, частичный праздничный отдых в гг. Витебске, Брянске, Орловской губ., Балакове, Самарской г., и Баланде, Саратовской губ. К этой же категории относится, повидимому, и г. Пернов, Лифляндской губ., в котором торговля в воскресные и праздничные дни официально не была ограничена думой но „по местному обычаю“ не производилась во время литургии.

Одесские купцы в 1896 г. обратились в одесскую городскую управу с просьбой издать обязательное постановление о полном воскресном отдыхе. Петицию тогда подписало 150 купцов. В 1899 г. одесские купцы вновь обратились в городское общественное управление с просьбой возбудить перед правительством ходатайство об издании торгового закона. Прошение на сей раз подписало 800 купцов и торговцев, в том числе и базарных. Не дождавшись, однако, благоприятных результатов от городской думы, одесские купцы по добровольному между собой соглашению, в каждой отрасли торговли

---

[1]) Протоколы 3-го с‘езда торгово-промышленных служащих, стр. 80-я.

отдельно предоставили своим служащим в летние месяцы—с 1 мая по 1 сентября ежегодно, а некоторые и круглый год—по воскресным дням, абсолютный отдых. Примеру одесских купцов последовали купцы: Николаева, Херсона, Елизаветграда, Ананьева, Кишинева, Бендер, Тирасполя, Киева, Кременчуга, Полтавы, Житомира, Каменец-Подольска, Бердичева, Евпатории, Симферополя, Севастополя, Феодосии и др.[1]).

VIII.

Приведенные выше данные наглядно показывают, что, несмотря на отсутствие определенных законодательных норм, воскресная и праздничная торговля была во многих городах фактически ограничена, регламентирована.

По сведениям министерства внутренних дел, заимствованным из обозрения свыше 300 [2]) составленных на основании пункта 2 ст. 108 „Городового Положения“ обязательных постановлений о времени открытия и закрытия торгово-промышленных заведений в воскресные и праздничные дни, изданных для городских поселений Европейской России, за исключением губерний Привислянских и Кавказских, видно, что:

1) Всякая вообще торговля из торговых заведений (в том числе иногда также с‘естными припасами и кормом для скота) воспрещалась в некоторые праздничные дни в городах: Астрахани (17 октября и все воскресные дни), Ахтырке (10 дней), Бахмуте (10 дней), Богородицке (5 дней), Болхове (7 дней). Брянске (19 дней), Виннице (9 дней), Вятке (5 дн.), Гомеле (5 дн.), Гродне (9 дн.), Екатеринославе (6 дн.), Елисаветграде (11 дн.), Житомире (10 дн.), Изюме (17 дн.), Кинешме (3 дн.), Киеве (11 дн.), Кременчуге (все воскресные и еще 8 дн.), Купянске (9 дн.), Малмыже (8 дн.), Малоархангельске (7 дн.), Миргороде (11 дн.), Нахичевани-на-Дону (14 дн.), Онеге (6 дн.), Острове (все воскресные дни и еще 7 дн.), Переяславле (3 дн.), Полтаве (11 дн.), Пскове (все воскресные дни), Ромнах (11 дн.), Смоленске (все воскресные дни и 19 праздничных дней), Севске (15 дн.), Таганроге (19 дн.), Умани (6 дн.), Фатеже (10 дн.),

---

[1]) А. М. Гудван „Приказчичий вопрос“, стр. 18, 19 и др.

[2]) Цитировано по законопроекту министерства торговли и промышленности „Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах“ от 22 января 1906 г. № 438, стр. 7 и 8.

Черкассах (5 дн.), Черни (5 дн.), Херсоне (7 дн.), Юрьеве-Польском (7 дн.) и в Феодосии (двунадесятые праздники).

2) Всякая торговля из лавок с'естными припасами и кормом для скота была ограничена наряду с прочей торговлей в городах: Акермане, Александрии, Балашове, Белебее, Бердичеве, Бобруйске, Богородицке, Богучаре, Болхове, Буе, Велеве, Вельске, Верхотурье, Владимире, Вологде, Воронеже, Галиче, Грязовце, Данилове, Евпатории, Ефремове, Зарайске, Зенькове, Иваново-Вознесенске, Изюме, Инсаре, Калуге, Камышине, Карачеве, Киеве, Козьмодемьянске, Константинограде, Керенске, Кромах, Купянске, Ливнах, Лубнах, Льгове, Любиме, Малоархангельске, Мезени, Минске, Мокшанах, Москве, Муроме, Мценске, Нижнем Ломове, Никольске, Новгород-Северске, Новой Ладоге, Новом-Осколе, Новосиле, Новой-Ушице, Одессе, Орле, Переяславле, Подольске, Полтаве, Пошехонье, Ростове, Сердобске, Слободске, Скопине, Соликамске, Соснице, Старобельске, Старом-Осколе, Севске, Тамбове, Тотьме, Трубчевске, Угличе, Усмани, Устьсысольске, Устюге, Устюжне, Уфе, Харькове, Хороле, Шацке, Шуе, Черкассах, Чухломе, Яренске и Ярославле.

Обычно это делалось, как мы уже знаем, путем издания городскими думами обязательных постановлений, и лишь в редких случаях нормы праздничного отдыха устанавливались губернской властью или самими хозяевами по взаимному между собою соглашению, или по соглашению купцов и торговцев со своими служащими. Ограничения праздничной торговли вводились в различных городах постепенно, начиная с 60 годов, при чем в одной части городов торговля была ограничена только в воскресные дни, в другой части городов — торговля была ограничена только в двунадесятые праздники, и в третьей части городов — торговля была ограничена в воскресные и праздничные дни.

Исключение из этого общего правила составляла Полтава, где, помимо того, что магазины были закрыты по воскресным и праздничным дням, согласно постановлению городского самоуправления, купеческое общество от себя постановило: праздновать помимо всех воскресных и двунедесятых праздников, также и дни особо чтимые населением - „19 февраля и 1 мая". Количество праздников, нерабочих и полурабочих дней в году, благодаря обилию храмовых и церковных праздников и табельных дней, колебалось от 69 до 96. Сравнительно значительное

колебание числа праздничных дней можно в данном случае об'яснить изменчивым элементом второстепенных праздников. В некоторых городах число их не превышало 2 — 4, в других, как, например, Пошехонье, Ярославской губ., или Усмани, Тамбовской губ., оно доходило до 15 — 17. При этом на-ряду с обычными для всей России праздниками, в роде „Казанской Божьей Матери“, „Петра и Павла“, „Покрова дня“ и др., в некоторых местах праздновались и свои местные, включая, например, такие праздники, (как уже упомянуто нами выше), как „в память избавления от холеры“ (Алатырь, Симбирской губернии) или по случаю крестных ходов. Числом именно этих праздников (более чем неопределенных по своему количеству) обусловливалось различие в числе полурабочих и нерабочих дней по отдельным группам и по разным городам.

Если откинуть в каждой группе праздников наравне с царскими днями и второстепенные праздники, то цифра праздников получится для всех групп удивительно однородная, колебавшаяся всего в пределах 71—63 и чаще всего равнявшееся 64 или 65. К этой цифре и приблизилась средняя, составлявшая 66 дней в году. Эти 66 дней обычно составлялись из 6 дней праздников Пасхи, Рождества и Нового года, 11 двунадесятых праздников (не считая 25 декабря) и 49 воскресений (не считая Пасхи и двух двунадесятых праздников выпадавших на воскресенья,—Троицы и Вербного Воскресенья). Небольшое нарастание числа праздничных дней за пределы этой обычной цифры зависело от увеличения числа нерабочих и полурабочих дней в течение пасхальной, рождественской и масляничной недель.

Обычным типом праздничного отдыха считалось, судя по нашим данным, отдых в воскресенье и праздничные дни — в общем в течение 75 дней в году. Так же часто наблюдался отдых в воскресенья, праздничные и царские дни, при чем число рабочих и полурабочих дней в последнем случае достигало в среднем 82 дня в году. Служащие губернских городов по числу нерабочих и полурабочих дней пользовались обычно несколько меньшим праздничным отдыхом, в виду празднования меньшего количества местных церковных праздников.

Благодаря отсутствию законодательных норм, воспрещавших праздничную торговлю, городским и земским общественным самоуправлениям приходилось придумывать такие тексты

обязательных постановлений [1]), по которым купцы волей или неволей должны были держать закрытыми свои торговые предприятия целый день. В тех городах, где купцы оказались податливыми и не опротестовывали думские постановления, последние входили в силу и праздники соблюдались целиком, т.-е. магазины не открывались совсем. Там же, где купцы протестовали против принятых постановлений, пришлось каждый раз удлинять в постановлениях число торговых часов по праздникам. Только этим обстоятельством и можно об'яснить чрезвычайное колебание в величине праздничного рабочего дня.

В некоторых городах: Смоленске, Пензе, Саратове, Полтаве, Архангельске, Екатеринбурге (Пермской губ.), Омске, Красноярске, Хабаровске, Сретенске, Порхове (Псковской г.) и ряде других — торговля в праздники и воскресные дни не производилась вовсе, и торгово-промышленные служащие пользовались полным праздничным отдыхом.

В других городах — (С.-Петербурге, Москве, Самаре, Костроме, Уфе, Симбирске, Минске, Курске, Твери, Новочеркасске, Иваново-Вознесенске, Брянске и др.) время торговли ограничивалось по праздникам определенным количеством часов.

В Вильне, Херсоне, Одессе, Могилеве, Чернигове, Астрахани, Орле, Симферополе и ряде уездных городов была введена смешанная система, т.-е. в некоторые праздники торговля не производилась вовсе, в другие—торговые заведения открывались на несколько часов.

Встречались также обязательные постановления, которые регламентировали только одну из сторон вопроса о воскресной работе, фиксируя только определенным временем ее начало или конец и не предрешая ее продолжительности [2]).

---

[1]) См. приложения.

[2]) Согласно раз'яснению Правительствующего сената, городским думам предоставлялось право, руководствуясь 108 ст. „Городового Положения", лишь устанавливать „время открытия и закрытия торговых заведений, в праздничные дни", и потому многие общественные самоуправления не считали себя в праве совершенно прекращать праздничную торговлю, предпочитая, в качестве компромисса, фиксировать заведомо такой незначительный срок торговли, который фактически сводил ее на - нет. Справедливость такого предположения подтверждается и некоторыми свидетельскими показаниями. В Пензе, напр., обязательным постановлением торговля была сокращена до получаса в день, а „торговцы согласились между собою не производить ее

В отношении установления часа открытия и закрытия торговых помещений различные города руководствовались самыми разнообразными нормами. В Екатеринбурге, например, торговля разрешалась с $4^1/_2$ до 5 ч. утра в Бирюче — $^1/_2$ часа. Тоже по получасу в Валуйках, Коротояке, Судже и Симферополе (в действительности она не производилась совершенно). В Двинске, Нижнедевицке и Новохоперске по $^1/_4$ часа. В Самаре с 6 до 7 ч. утра, в Новоржеве — 7 часов утра, в Вязниках, Владим. г., с 6 до $6^1/_2$ ч. вечера, Великих-Луках и Порхове с 8 час. вечера. В С.-Петербурге—с 1 до 5 дня, в одних городах только до обедни, в других — только по окончании обедни и т. п.

При первом взгляде на приводимую ниже таблицу бро-

Продолжительность рабочего дня в различны

Часы. / Дни.	Не производится.	Число городов, в которых																	
		$^1/_4$ ч.			$^1/_2$ ч.			1 ч.				2 ч.				3 часа.			
		9—$9^1/_4$ ч.	12—12 /4 ч.	Итого.	12—$12^1/_2$ ч.	6—$6^1/_2$ ч.	Итого.	6—1 ч.	12—1 ч.	2—3 ч.	Итого.	11—1 ч.	12—2 ч.	2—4 ч.	Итого.	11—2 ч.	12—3 ч.	1—4 ч.	3—6 ч.	3 часа.
Воскресенье . . .	8	--	—	—	1	—	1	1	—	—	1	1	3	-	4	4	—	1	—	1
Церковн. праздн .	8	—	1	1	1	—	1	1	—	—	1	1	2	2	5	4	1	2	—	1
Двунадес.	7	1	1	2	1	1	2	1	1	—	2	—	—	—	—	4	—	—	—	—
Пасха, Рожд.[1]) . .	9	1	1	2	4	1	5	1	1	1	3	—	—	2	2	2	—	—	1	—
Царск. дни . . .	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2	—	1	—	1	2	—	2	—	—
Гражд. празд. [1])	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Неопределен. . .	—	-	—	—	—	—	—	—	—	—	--	—	—	—		1	—	—	—	—

[1]) В эту категорию вошли, кроме праздников Пасхи и Рождества, еще другие праздники, обычно во всех обязательных постановлениях соединяемые вместе: Новый год, Крещение и Троица.

совсем". Еще определеннее выразился делегат приказчиков на 3 с'езде торгово-промышленных служащих: „Так как городская дума не имеет права прекращать торговлю—она может только ее сократить,—то купцы собрались

сается в глаза необыкновенное разнообразие в условиях праздничной торговли со стороны начала и конца работы.

Единственно, что является более или менее общим для всех городов — это время начала работы — с 11, 12 и 1 ч. дня, т.-е. после окончания церковной службы, как это требовалось законом [1]). Но из этого общего положения встречаются нередко исключения: в целом ряде городов торговля производилась, например, с 9—10 ч. утра, иногда, повидимому, после ранней обедни, но иной раз, вероятно, и во время богослужения. Заканчивалась торговля различно в зависимости от начала и общей продолжительности работы, иногда даже в 9—9½ час. вечера.

раздничные дни в городах Европейской России.

Таблица 1-я.

торговля производилась в течение:																										
4 часа.					5 часов.						6 часов.					7 ч.			8 ч.			9	10	10½	Неопредел. чис. ч.	Всего число гор.
10 - [illegible] ч.	11—3 ч.	12—4 ч.	1 - 5 ч.	Итого.	9—2 ч.	11—4 ч.	12—5 ч.	1—6 ч.	5 час.	Итого.	9 - 3 ч.	11—5 ч.	12—6 ч.	1—7 ч.	Итого	9 - 4 ч.	11 - 6 ч.	Итого.	9 - 5 ч.	1 - 9 ч.	Итого.	9 - 6 ч.	8—6 ч.	11 - 9½ ч.		
1	1	2	3	8	2	3	2	1	1	9	2	—	2	2	6	1	2	3	1	1	2	2	1	1	6	58
—	—	2	3	6	1	5	2	1	1	10	2	2	2	2	8	—	—	—	1	—	1	1	—	1	11	62
1	—	2	1	5	1	5	1	—	—	7	1	2	1	1	5	—	2	2	1	—	1	1	—	—	3	41
—	—	1	1	2	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	30
—	—	3	1	4	—	4	1	—	—	5	2	1	1	1	5	—	2	2	1	—	1	—	—	1	6	32
—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	7
—	—	2	—	2	1	1	1	—	—	3	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	5	13

[2]) К гражданским праздникам причислены такие дни, как: 19 февраля, 1 мая и др.

и постановили сократить торговлю до получаса... С тех пор прошел год, и думой фактически установлен полный праздничный отдых" (Протоколы III с'езда).

[1]) Уст. о предупр. и пресечении преступлений. Статья 14-я.

Сопоставляя отдельные итоговые графы таблицы, легко установить для всей России до некоторой степени общие и более или менее однородные положения относительно длины рабочего дня.

Преобладающим типом во все праздничные дни, кроме Пасхи и Рождества является 5-часовой рабочий день. Очень близко к нему подходил четырех и шестичасовой день и вместе они образовали группу 4—5—6 часов, наблюдавшуюся почти в половине всех городов (44—47%). Сравнительно часто наблюдается полный праздничный отдых и праздничная торговля в продолжение двух и трех часов. Торговля в течение одного часа встречалась уже значительно реже. Но бывали случаи, что торговые заведения по постановлению городской думы открывались еще на меньший срок—только на 1/4 или 1/2 часа в день. Свыше 6 часов торговля составляла уже сравнительно редкое явление.

Для отдельных категорий праздников (воскресные, церковные, двунадесятые, царские (эти общие положения варьировались очень мало) можно отметить только, что в воскресные дни чаще, чем в другие праздники, встречался рабочий день в 7, 8 и более часов, а в двунадесятые праздники сравнительно часто торговля ограничивалась 1/4—1 часом. Кроме того в царские дни почти не встречалось полное прекращение торговли. Но общие выводы остаются те же: наиболее обычна была для всех категорий праздников 4—5—6-часовая торговля.

В совершенно иных условиях находились праздники Пасхи и Рождества. Как общее правило, в эти дни торговля не производилась совсем или ограничивалась 1/4—1/2 часа. Но местами встречалась более продолжительная торговля. Так, например, в Самаре в эти дни торговали в течение 1 часа; в Могилеве и Вильно—2 часа; в городах: Проскурове (Подольской губ.), Грайвороне (Курской г.) и Луганске (Екатеринославской г.)— 3 часа. В Москве и Петрограде — 4 часа; в Белгороде (Курской г.) — 5 ч; в Усмани Тамбовской г. — 6 часов, а в одном случае — городе Боброве — даже 8 часов [1]).

---

[1]) Во всех перечисленных городах торговля в указанном выше размере допускалась обязательными постановлениями в первые два дня обоих праздников (примечание Г. А. Верховского, материалом которого я пользовался при составлении этой главы).

IX.

Так обстояло дело в Европейской России.

В Сибири, как видно из приводимой тут таблицы, по 16 городам,—картина была совершенно иная:

Таблица 2-я.

Часы. / Дни.	Число городов, в которых торговля: Не производит. соверш.	Производится в течение: ½ ч.	1 ч.	2 ч.	3 ч.	4 ч.	Всего городов.	Средний рабочий день в часах.
Воскресенье.	10	1	—	1	1	1	14	3,2
Церковн. праздн. . . .	7	—	—	2	2	2	12	3,0
Двунадесятые.	5	1	—	—	—	—	6	0,5
Пасха, Рождество и др.	4	—	—	—	—	—	4	—
Царские дни	3	1	—	—	1	3	8	3,1
Гражд. праздники . . .	2	—	—	—	—	—	2	—

При первом взгляде на эту таблицу бросается в глаза, что она заканчивается графой—„четыре часа праздничной работы". Оказывается, что продолжительность рабочего дня в праздники в Сибири не превышала 4 часов. Но и эти 4 часа, как показывает та же таблица, составляют сравнительно очень редкое явление.

За исключением разве только царских дней, в течение которых торговля чаще всего не прекращалась совершенно, а производилась только в течение ограниченного количества часов, для всех остальных праздничных дней наиболее типичен полный праздничный отдых.

В праздники Пасхи, Рождества и примыкающие обычно к ним Троицу, Новый год и Крещение—торговля нигде не производится; 4 города—Омск, Барнаул, Томской губ., Пишпек, Семиреченской губ. и Тюмень, Тобольской губ.—оговаривают это специально, остальные говорят о полном праздничном отдыхе вообще, включая в число праздничных дней, конечно, и такие, как Пасха, Рождество и близкие к ним. По воскресеньям полный праздничный отдых установлен почти в $^3/_4$ всех городов (71,4%); в двунадесятые праздники не торгуют совер-

шенно 83,3% всех городов, в местные храмовые и второстепенные церковные—58,3%.

Цифры эти станут еще рельефнее, если мы сопоставим их с таблицей, относящейся к Европейской России.

В Европейской России полный праздничный отдых даже в такие дни, как Рождество и Пасха, встречается сравнительно редко — в 9 случаях из 29, иначе говоря, в 31,1% всех городов [1]). Почти так же часто наблюдается в эти дни торговля в течение получаса (7 случаев или 24,1%). Местами торговые заведения открываются на больший срок: обе столицы торгуют, напр., 4 часа; некоторые города — 5,5 часа, но бывают даже и такие медвежьи углы, где, как в Боброве, Воронежской губ., на Пасху и Рождество работают по 8 часов. Иначе обстоит дело в Сибири. Там даже мелкие города,— не говоря уже о более крупных, — не производят в эти дни никакой торговли.

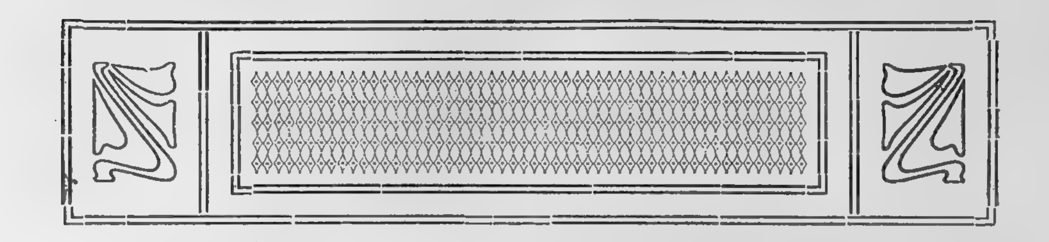
В остальные праздники в Европейской России полный праздничный отдых встречается, конечно, еще реже: в воскресенье всего 15,4% всех городов; в двунадесятые — 18,4%, в церковные праздники—15,8%.

Чтобы нагляднее показать разницу между Европейской Россией и Сибирью относительно размеров воскресной и праздничной торговли, приведем еще одно очень интересное сопоставление: в Европейской России, как мы уже указали выше, даже в такие праздники, как Пасха и Рождество, закрывают магазины на целый день только 31,1% всех городов. В Сибири же даже в царские дни, когда торговля вообще сравнительно редка, прекращалась совершенно. Полный праздничный отдых, таким образом, существовал в 37,5% всех зарегистрированных нами городов. Одного этого примера достаточно чтобы показать, что полный праздничный отдых составлял в Сибири несравненно более распространенное и обычное явление, чем в Европейской России.

---

[1]) Процент городов Европейской России, в которых совершенно не производится торговля на Пасху и Рождество, определены Верховским исключительно на основании прямых указаний, имеющихся на этот счет в обязательных постановлениях и в ответах корреспондентов. Если присоединить сюда те города, в которых отмечается „полный праздничный отдых“ вообще, то процент городов, не торгующих на Рождество и Пасху, повысится до 45,9%. Но и в таком случае он будет все же ниже, чем в Сибири. („Отдых торгово-промышленных служащих по данным анкеты 1909 г.“, стр. 48).

Первое время изменения в установленные условия праздничной торговли вносились, повидимому, крайне редко, и раз принятая норма продолжала действовать из года в год. Но с течением времени изменения стали встречаться все чаще и чаще, внося иной раз довольно значительные улучшения в условия труда. В Астрахани, напр., торговля в 1885 г. производилась 5 часов, через 2 года (в 1887 г.) она сократилась до 4 часов, в 1890 г. она была запрещена совершенно во все воскресные дни и допускалась в течение 4 часов только в двунадесятые и царские дни, и, наконец в 1905—6 гг. торговые служащие стали освобождаться от работы и в двунадесятые праздники, и торговля производилась с этих пор только в царские дни и второстепенные церковные праздники. В Белгороде праздничный рабочий день, продолжавшийся в 1884 г. 9 часов, в 1901 г. сократился до 5 часов. В Симферополе торговля во все без исключения праздники производилась в 1888 г. в течение 5 часов, в 1902 г. она сократилась до 4 час., а на Пасху, Рождество и другие крупнейшие праздники — до получаса и т. п. То же произошло в Саратове, где вместо 2-часовой торговли установлен был полный праздничный отдых, в Костроме, где вместо 4 часов, установленных в начале 80 годов, стали работать только $^1/_4$ часа, в Екатеринбурге, где вместо бывшей в 1885 г. 2-часовой работы установлена была торговля на $^1/_2$ часа, в Пензе вместо 3 часов—$^1/_2$ часа и т. д. и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общества взаимопомощи.

Первые организации служащих. Возникновение приказчичьих обществ. Количество обществ периода 1860 — 1900 г.г. Численный состав обществ. Количество членов: действительных, соревнователей и почетных. Деятельность обществ. Роль купечества в обществах взаимопомощи. Развитие промышленности, торговли и техники. Рост населения. Возникновение универсальных магазинов, фабричных складов. Развитие розничной торговли. Число лиц, занятых в торговле в 1890 годах. Средний оборот на предприятиях. Покупная способность одного жителя. Изменение положения торговых служащих. „Пролетарии в крахмальных воротничках“. Тяга к организованной деятельности и выступлениям. Стремление обладать обществами. Изгнание из обществ купцов и их ставленников. „Непредвиденные обстоятельства“. Солидарность купцов. „Конвенции“ и „синдикаты“ торговцев. Организация кружков.

I.

Первыми организациями, в которых проявилась профессиональная самодеятельность торгово-промышленных служащих были общества взаимопомощи.

Приказчичьи общества в России начали возникать вскоре после освобождения крестьян,—если не считать первого общества приказчиков, организованного в Риге в 1859 г., — сначала в столицах, а потом и в других крупных городах.

60-ые годы явились, как известно, эпохой оживления общественной жизни. Полоса „общественных реформ“ и широкое общественное движение интеллигенции не прошли мимо сознания приказчиков. Приказчики, смутно понимая на первых порах и не отдавая себе ясного отчета в том, что произошло и во что выльется в дальнейшем эта „свобода“ и прогрессивное движение всего общества, в свою очередь, как свидетельствует один из современников, П. М. Дуфнер [1]), „так себе,

[1]) „Очерк пятидесятилетней деятельности Вспомогательного Общества купеческих приказчиков в Москве“. 1863—1913 гг., стр. 12.

на всякий случай, стали стремиться к тому, чтобы общими соединенными силами улучшить свое положение и выйти из тяжелой зависимости купцов, от которых зависело их существование [1]).

Осенью 1861 г. был утвержден устав петербургского купеческого общества взаимного вспоможения. Московские приказчики, узнав об этом из газет, горячо взялись за создание общества и у себя, в Москве. Идея самого общества и будущая его деятельность тогда сознавались весьма смутно, не знали, как и за что приняться, тем более, что под руками не было ни одного устава, который хотя в некоторой степени мог бы служить указанием. Рижское общество приказчиков с капиталом в 200.000 руб. рисовалось уже идеалом, к которому можно было придти.

Мысль об образовании общества впервые приняла совершенно конкретную форму и была поставлена на практическую почву в конце 1861 г. 15 декабря 1861 г. в „Московских Ведомостях“ и в газете „Акционер“ был напечатан „вызов к образованию общества коммерческих приказчиков и конторщиков в Москве“. Вызов был подписан четырьмя приказчиками: Александром Ушаковым, Павлом Дуфнером, Николаем Бобылевым и Василием Переплетчиковым.

В задачи организуемого общества, судя по вызову, входило „составление собственных средств, которые уменьшили бы или ограничили бы эксплуатацию приказчиков хозяевами и дали бы возможнось наблюдать за точным исполнением между хозяином и приказчиком условий, как бы они ни были учинены—на словах или на бумаге“, кроме того, различные торговые обороты и операции, делаемые на капитал общества

---

[1]) От ред. Необходимо отметить, что движение интеллигенции не одним только косвенным образом содействовало организации обществ взаимопомощи приказчиков. Во многих случаях именно инициатива создания обществ исходила непосредственно из рядов интеллигенции, отдельные представители которой принимали активное участие в создании и деятельности строившихся организаций. В своей работе „Развитие промышленности и рабочее движение в России“ Л. Мартов даже считает необходимым подчеркнуть, что „особенно кассы типографщиков и приказчиков обязаны инициативе и материальной поддержке предпринимателей и представителей интеллигенции“ (курсив наш) (указ. соч., стр. 36). Это подтверждается и теми многочисленными данными, которые приводит автор о членском составе обществ.

комиссионные дела; литературные поощрения среди членов общества; развитие наших торговых сношений с Азией; проложение дороги к более самостоятельным сношениям с иностранцами и т. д. [1]).

Несмотря на такое обилие предложений, заставивших многих смотреть на существование самого общества как на химеру, мысль об учреждении общества была встречена приказчиками и конторщиками с увлечением.

16 декабря, на другой день после напечатания „вызова" к образованию общества, в квартире П. М. Дуфнера собралось 30 человек поговорить о деле, которому они сочувствовали.

Любопытно отметить, что в этом же первом собрании нашлась черная ворона, которая стала каркать о содружестве и сожительстве с купцами: „главный бухгалтер одной из значительных фирм, А. П. Мякишев,—читаем в упомянутом уже „Очерке пятидесятилетней деятельности купеческих приказчиков Москвы",—энергично доказывал, что приказчики одни, без хозяев, сделать ничего не могут". К чести приказчиков все доводы господина Мякишева были отвергнуты; „приказчики продолжали утверждать, что они сами должны все сделать, и что только такая постановка дела может обещать успех". На этом же собрании была избрана редакционная комиссия по выработке устава, в составе 7 приказчиков и конторщиков: С. К. Басова, Н. К. Бобылева, П. М. Дуфнера, М. Н. Кузнецова, П. В. Осипова, В. С. Прянишникова и А. С. Ушакова. Ни Мякишев, ни выдвигаемые им купцы и купеческие сынки в комиссию не попали. Все присутствовавшие были объявлены учредителями общества.

Потерпев фиаско на собрании торговых служащих, купцы через своих „верных и преданных холопов" предприняли газетную кампанию за „направление деятельности общества". В газете „Акционер", в № 3 за 1862 г., появилась статья за подписью „Приказчик Петров". В своей статье Петров говорит: „мы с большим удовольствием узнали, что наконец явились люди, взявшиеся устроить вышеназванное общество, и за это считаем себя обязанным благодарить учредителей. Но при чтении вызова нам пришло несколько мыслей, которые считаем не лишним сообщить учредителям и членам общества. От об-

---

[1]) «Очерк пятидесятилетней деятельности Вспомогательного Общества купеческих приказчиков в Москве. 1864—1913», стр. 14.

щества можно ожидать много хорошего, если оно будет основано на здоровых началах, и наоборот, если начала будут шатки, то не только оно принесет вред для своих членов, неразумно затративших свой капитал, но даже всем вообще служащим будет вредно тем, что отобьет охоту вступить в другую ассоциацию, основанную хотя-бы и на более обдуманных началах и основаниях. *Из слов учредителей мы узнаем, что они ставят главною задачей общества устранение эксплоатации приказчиков хозяевами. Мы думаем, что общество никогда не устранит эксплоатации там, где она существует. Приказчик, нужный для хозяина, всегда у него в почете, а те, которых считают сотнями, всегда могут быть заменены новыми сотнями, не участвующими в обществе. Хозяин, который хочет эксплоатировать служащего и видя из публикации общества, что оно будет мешать этому, просто запретит своим приказчикам вступать в члены общества*“ (курсив наш).

Из этой статьи видно к чему клонил защитник купечества и миротворитель. Изучив психологию трусливого и загнанного раба прилавка, этот „старшой“ холоп стремится, с одной стороны, запугать приказчиков и конторщиков предстоящей борьбой общества для защиты своих членов от эксплоатации хозяев и их ставлеников — господ Мякишевых, Петровых и др., имя которым вплоть до революции 1917 г. было легион, грозя приказчикам лишением службы, купцов же поучал „просто запретить“ приказчикам вступление в члены общества.

Письмо Петрова разбудило купечество и оно стало „обрабатывать общественное мнение“. В № 9 „Акционер“ за 1862 г., возвращаясь к затронутому Петровым вопросу, „Приказчик из Шуи“ письмом в редакцию призывает к благоразумию служащих, которых поучает не путаться с изданием своей газеты и вообще держаться купечества. „Не под силу учреждающемуся обществу издание газеты: это дело трудное и притом потребует большого расхода, который легко может и не возвратиться или возвратиться с ущербом. Сверх этого нелишним считаем прибавить несколько слов о *направлении общества* к гг. *хозяевам*. Наше мнение: *Общество должно итти рука*

об руку с купечеством, как со своими самыми близкими помощниками" (курсив наш).

Этот поход купцов и их ставленников против организации торговых служащих еще больше спаял между собою сторонников об'единения только торговых служащих без участия хозяев. Уже на второй день после появления анонимного письма „Приказчика из Шуи" в № 10 газеты „Акционер" один из членов редакционной комисии по выработке устава общества, охарактеризовав образными, простыми словами условия жизни и работы торговых служащих, окончил свою статью, озаглавленную „К крепко уснувшим", горячим призывом к об'единению „без хозяев и против эксплоатации капитала". „Мы с радостью встретим, — пишет он, — общество бедных тружеников, пред'явившее своим явлением надежду на развитие самостоятельности в том общественном слое, который до сих пор едва только не был крепостным, если не прикрепленным к земле, то зато не менее прикрепленным к чужому капиталу. Только путем дружной, совместной работы в нарождающейся организации можно облегчить тяжесть гнета давящего капитала" (курсив наш).

Стремясь к популяризации идеи организованной борьбы и не имея возможности другим путем расшевелить массу, учредители продолжали ежедневно писать о нарождающемся обществе в газете „Акционер".

Напечатав в №№ 13 и 14 газеты за 1862 г. проект устава общества, учредители обратились к торговым служащим со следующим обращением: „Вновь образовавшееся общество, публикуя проект своего устава, ждет гласных обсуждений проекта и считает нелишним об'яснить, что сто человек уже записалось в члены-учредители, которые ревностно взялись служить обществу и исполнять возложенные на них обязанности. В настоящее время заявлений от служащих, из'явивших желание вступить в члены общества, поступило от 130 человек, в числе их имеется до 10 человек, пожертвовавших по 300 руб. сер. в основной капитал общества. Вся же подписная сумма этих 130 служащих простирается до 8.000 руб. сер. Приняв с благодарностью ряд заметок и статей местных газет, мы считаем необходимым представить на общественный суд самый проект и, по мере возможности, прислушиваться ко всем отзывам

о нем тех именно лиц, для защиты интересов коих от эксплоатациии капитала общество учреждается".

Этот призыв к широкому гласному обсуждению проекта устава общества вызвал ряд замечаний со стороны приказчиков, как лиц, наиболее заинтересованных в учреждаемом обществе.

Приказчик Каменский в статье, помещенной в № 19 газеты „Акционер", высказываясь против членов почетных и соревнователей вообще, выражает свое недоумение, почему учредители общества на первых же порах деятельности общества стремятся внести раскол в ряды торговых служащих. „Зачем,— возмущенно вопрошает Каменский,—устранять от звания действительных членов общества иностранцев, не русских подданных? Поставляем на вид учредителям, что еще недавно дарованы все права торговые иностранцам. Иностранцы-приказчики так же служат капиталу, как и мы, и бозусловно могут принесть нам несомненную пользу, что научат русских порядку и в нашем кровном деле, и в приятном и полезном препровождении свободного времени. Должно сознаться, что мы, русские, того... не сумеем без них сделать. Иностранцы-приказчики, внесшие по 300 руб. каждый в основной капитал, должны быть зачислены в число действительных членов общества, а не в число членов соревнователей".

Приказчики Ф. Журов и С. Лихачев, в № 26 газеты „Акционер", перечислив ряд дефектов устава, обращаются в конце своих „писем в редакцию" к торговым служащим со следующим кратким воззванием: „Общество уже зародилось, только от нас приказчиков зависит, чтобы оно было нам полезно, только от нашего сочувствия и активной работы зависит, чтобы цель общества, цель благая доставлять честным труженикам складов и магазинов нужную помощь в несчастии и при недоразумениях с хозяевами осуществилась. Нам кажется, что это учреждение возымеет большое влияние на нравственное отношение приказчиков к лучшему и неминуемо благотворно повлияет на лиц, от которых часто зависит их участь".

Помещая это письмо Журова и Лихачева, редакция газеты „Акционер" в лице ея редакторов-издателей И. К. Бабста и Ф. В. Чижова, сочла нужным отметить, что приказчики оказались самыми самодеятельными не только среди трудящихся, но и среди всего общества. „Мы жалуемся,— говорится в ре-

дакционном примечании,—на малое сочувствие к общественным делам всех слоев населения, в том числе и трудящихся, и жалобы наши действительно имеют основания и опираются на неопровержимые ежедневные явления жизни. При таком несочувствии ко всему общественному приятно видеть, что на проект нового учреждения общества приказчиков отзывались и отзываются от разных краев России и присылают свои замечания люди такого разряда, к которому наше общество вообще не питало большого уважения, по крайней мере не считало их на той ступени образованности, которая ясно высказывается, как в самом их сочувствии общественному учреждению, так и во многих подробностях, напечатанных в нашей и других газетах статей и заметок".

Было бы, однако, ошибкой думать, что благие намерения учредителей московского общества купеческих приказчиков о профессиональной защите интересов торговых служащих удалось воплотить в жизнь. В утвержденном министерством внутренних дел 9 января 1863 г. уставе общества мы не находим уже ни одного слова об открытии при обществе газеты и о многом другом, что значилось в первоначальном проекте устава. Цель и деятельность общества с легкой руки министерских чиновников одним росчерком пера была сведена исключительно к благотворительности. И члены общества во главе с учредителями,— об'ективное изложение истории профессионального движения торговых служащих требует отметить это,— не пробовали даже бороться за изменение некоторых пунктов утвержденного устава; они сразу подчинились произволу и раболепно стали плясать по дудке администрации, а впоследствии и хозяев, которых, как мы это сейчас увидим, ввели в члены общества с первого момента открытия. Это доказывает, что „новые" веяния освободительной эпохи не очень сильно волновали „общественников-приказчиков". Поговорили, пошумели, пока была мода и возможность, и успокоились. „Защита правового и экономического положения торгово-промышленных служащих - говорится в 50-летнем очерке—считалась основной задачей организации приказчиков еще учредителями нашего общества. Однако, отрицательное отношение к этой идее патронов и недостаточное сочувствие самих приказчиков заставили остановиться на идее вспомогательной, по которой и организовано общество. Само собой разумеется, что вспомогатель-

ные цели общества должны были в его действиях доминировать; вопросу же о выступлениях профессионального характера отводилась уставом второстепенная роль. Лица, ставшие во главе общества, так и поняли ее задачи; поэтому до начала девятидесятых годов прошлого столетия они сосредоточили все свои заботы на собирании средств и организации всех видов вспоможения“ [1]).

В раз‘яснении к уставу, опубликованному правлением первого созыва, мы находим выражение, характеризующее как члены правления понимали свои непосредственные задачи по улучшению быта и труда приказчиков.

„Улучшение быта приказчиков значит,— глубокомысленно замечает правление,— утвердить самую тесную связь и благоприятные отношения „между хозяином и лицом, состоящим у него на службе“.

В очете же за первый год существования общества правление выражает радость по поводу вступления многих хозяев в число членов общества. Вступление хозяев „пока в число членов соревнователей будет способствовать осуществлению целей общества“. И далее „В недалеком будущем наше общество достигнет,—подчеркивается в отчете,—своего нормального развития, и тогда *прольется истинный свет на отношения приказчиков к хозяевам,— отношения, основанные на взаимной пользе* (курсив наш)“.

„Прольется истинный свет и установятся нормальные отношения“, благодаря сожительству самодура-крепостника с трудящимися, которых он эксплоатирует и над которыми он безнаказанно издевается! Из этих немногих слов легко себе представить, как впоследствии развернулась деятельность этого общества и какую пользу оно могло принести торговым служащим Москвы вообще и своим членам в частности.

II.

За Москвой последовали приказчики Одессы, Курска, Воронежа, Нижнего-Новгорода, и др. городов. Устав одесского общества приказчиков-евреев был утвержд. 26 марта 1863 г.; устав

---

[1]) „Очерк пятидесятилетней деятельности вспомогательного общества купеческих приказчиков в Москве 1863—1913 гг.“, стр. 250—251.

курского общества купеческих приказчиков был утвержден 5 августа 1865 г.; в том же году утвержден и устав петербургского общества приказчиков и сидельцев; 29 сентября 1869 г. утвержден устав общества вспоможения частному служебному труду в Нижнем-Новгороде; в том же 1869 году утвержден был устав воронежского общества приказчиков и т. д., и т. д.

Всех приказчичьих обществ в России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) за вторую половину XIX века по данным С. Н. Прокоповича[1]) было основано 74, в том числе:

в 1863—65 гг.	4
„ 1866—70 „	6
„ 1871—75 „	2
„ 1876—80 „	4
„ 1881—85 „	7
„ 1886—90 „	11
„ 1891—95 „	22
„ 1896—99 „	14
Неизвестно когда	4
	74

Эти даннные несколько преуменьшены. Прокоповичу, очевидно, не были известны данные: об утверждении уставов петербургского купеческого общества для взаимного вспоможения (устав утвержден был в 1861 г.)[2]), об утверждении устава курского общества купеческих приказчиков (устав утвержден 5 августа 1865 г.)[3]) и о других обществах. По нашим данным к 1900 г. в России было действующих обществ взаимного вспоможения приказчиков и сидельцев 97, в том числе основанных:

в 1861—65 гг.	6
„ 1866—70 „	7
„ 1871—75 „	4
„ 1876—80 „	6
„ 1881—85 „	8
„ 1886—90 „	14

[1]) С. Н. Прокопович. К рабочему вопросу в России, стр. 12.

[2]) Очерк пятидесятилетней деятельности взаимного общества купеческих приказчиков в Москве (1863—1913 гг.), стр. 12.

[3]) А. М. Гудван. „Законодательная охрана труда приказчиков“, стр. 26.

в 1890—95 г.г.	20
„ 1896—99 „	18
Неизвестно когда	14
Всего	97

Что касается количественного состава общества, то по подсчету В. И. Грачева [1]) в 1895 г. на одно общество приходилось 275 членов. На первом с‘езде представителей обществ вспоможения частному служебному труду (Нижний-Новгород, 1896 г.) число членов в каждом обществе определялось в 100 и лишь отдельные члены с‘езда принимали число членов обществ равным около 130, а число членов во всех обществах около 10.000. На 2-м с‘езде (Москва 1898 г.) число обществ принималось равным 100, а число членов равным 20.000 [2]).

Большинство приказчичьих обществ имело большое количество почетных членов, членов соревнователей и учредителей. По данным В. И. Грачева в 32 обществах их было: на 8802 действительных члена было 1131 благотворителей и учредителей. Следовательно, на одно общество приходилось 35 „благотворителей“ или 1 „благотворитель“ на каждые 8 человек действительных членов.

Что общества взаимопомощи приказчиков XIX века были почти исключительно благотворительными обществами подтверждается и рядом других фактов: одесское общество приказчиков-евреев явилось в жизнь, как выделение молельщиков из молитвенных собраний „Поэле Эмуна“ и при деятельном участии раввина д-ра Швабахера, который сам составил первый устав общества на немецком языке. Вспомогательное общество русских приказчиков в гор. Риге основано хозяевами и доверенными фирм, при чем хозяев-учредителей было 46 человек. „Мысль о создании какого-либо учреждения для оказания помощи торговым служащим — читаем в юбилейном отчете витебского общества приказчиков за 25 лет (1886—1911 г.г.), впервые зародилась в кругу интеллигентных хозяев и обеспеченных служащих“.

---

[1]) „Труды I-го всероссийского с‘езда представителей обществ вспоможения частному служебному труду“, Нижний-Новгород. 1897 года, стр. 28, 43, 153.

[2]) „Труды II-го всероссийского с‘езда представителей обществ вспоможения частному служебному труду и других однородных по идее и цели“. 1900 г., стр. 122, 171, 198.

Томское общество в отчете за 1902 г. (общество открыто было в 1892 г.) подчеркивает, что 38% всех членов общества занимают должности доверенных, управляющих, главных бухгалтеров. Среди же остальных членов общества было очень много купцов и купеческих сынков. Саратовское общество, открытое в 1879 г., к 1 января 1886 года имело 180 действительных членов, из коих почти половина состояла из хозяеев, агентов, комиссионеров, доверенных, бухгалтеров и т. д.

Харьковское общество взаимного вспоможения приказчиков в своем отчете за 1915 г.—33-й год своего существования—показывает, что на 664 действительных членов общества на 1 января 1916 г. было 36 купцов и 137 доверенных, управляющих, главных бухгалтеров, комиссионеров и т. д. Независимо от этого в обществе принимало участие в качестве почетных членов 56 купцов и торговых фирм и в качестве членов-соревнователей 73 купца и торговых фирм.

Итого, значит, на 491 человек приказчиков, состоящих в 1915 г. действительными членами харьковского общества, приходилось: 165 купцов (36 купцов, состоящих действительными членами общества, 56, почетными членами и 73 купца, состоящие членами-соревнователями) и 137 доверенных, управляющих, директоров и т. д., в общем 338 купцов и их ставленников.

То же самое явление наблюдалось и в других обществах. В николаевском обществе приказчиков-христиан на 422 действительных члена числилось по отчету 1902 г. 128 купцов и доверенных, в иркутском обществе взаимного вспоможения приказчиков (по отчету за 1897 г.) на 307 действительных членов общества числилось 98 человек доверенных, управляющих, директоров и т. д. В „обществе взаимного вспоможения приказчиков и служащих в частных коммерческих учреждениях г. Екатеринодара“ всех действительных членов на 1 января 1914 г. числилось (по отчету 1913 г.) 567; купцов же и доверенных среди действительных членов было 178 человек. В казанском вспомогательном обществе приказчиков (отчет за 1913 г.) на 677 действительных членов числилось 149 купцов, управляющих, доверенных и др. ставленников господ хозяев. В киевском обществе взаимного вспоможения приказчиков (отчет за 1913 г.) на 1-е января 1914 г. состояло действительных членов 441 человек, в том числе купцов было 50 человек, управляющих фирмами, доверенных—75 человек. На 76 пожизнен-

ных членов того же общества мы насчитали 13 приказчиков и 63 купца и их доверенных. В „обществе взаимной помощи приказчиков и служащих-евреев города Вильны“ на 1 января 1914 г. (см. отчет за 1912—1913 гг.) на 666 действительных членов общества числилось 328 приказчиков и служащих и 288 купцов, доверенных и управляющих фирмами.

На ряду с купечеством в обществах всегда находились господа министры, митрополиты, епископы, губернаторы и т. п. защитники трудящихся. Петербургское „общество взаимопомощи приказчиков и сидельцев“ имело среди почетных членов всесильного К. П. Победоносцева, Трепова; московское общество приказчиков — великого князя Сергея Александровича; „симферопольское общество взаимного вспоможения приказчиков“—шталмейстеров двора Лазарева и Трепова, генерал-майора Ильина. Среди членов киевского общества взаимного вспоможения приказчиков находим фамилии: генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова, генерал-майора Саввича, жандармского полковника Сокола и 24 купцов 1-й гильдии (отчет за 1913 г.); екатеринбургское общество взаимного вспоможения приказчиков избрало почетными членами общества 4 епископов: Христофора, Симеона, Афанасия и Митрофана, одного губернатора и 79 купцов 1-й гильдии (отчет за 1913 г.); „общество вспоможения частному служебному труду в Нижнем-Новгороде“ избрало почетным членом быв. губернатора сенатора Баранова, губернатора Дельвига и 129 купцов первой гильдии (отчет за 1913 г.); „тульское общество взаимного вспоможения торгово-промышленных служащих“ избрало почетным членом епископа Питирима, 2 губернаторов, одного вице-губернатора и 18 купцов первой гильдии (отчет за 1911 г.); „общество взаимного вспоможения приказчиков и служащих в частных коммерческих учреждениях гор. Екатеринодара“ избрало почетными членами начальника Кубанской области Бабыча, генерал-лейтенанта Одинцова, начальника Забайкальской области Кияшко и др., в общем 17 человек. Любопытно отметить, что наряду с этим общество имело 3 пожизненных благотворителей (Богарсуков, Коровянский и Малкин) и 4 годичных благотворителей (Черачев, Шаповалов, Курдюков и Еремеев) (отчет за 1914 г.).

Ростовское-на-Дону общество взаимного вспоможения приказчиков имело среди почетных членов: генерал-лейтенанта Драчевского, окружного инспектора по учебной военной части

Верховского и ряд других лиц в числе 29 человек (отчет за 1916 г.).

Омское общество приказчиков, прослывшее одним из боевых в Сибири, и то не могло удержаться от соблазна и избрало почетным членом общества известного пьяницу и человеконенавистника преосвященного Григория.

Самарское общество избрало почетным членом митрополита Владимира и небезызвестного черносотенца протоиерея Иоанна Кронштадского; астраханское общество имело среди других почетных членов целых три губернатора. Одесское общество приказчиков-христиан имело среди почетных членов трех градоначальников: самодура Зеленого, известного далеко за пределами своего градоначальства и погромщиков Толмачева и Нейдгарта.

Любопытно отметить, что наряду с этим „высокопоставленными лицами" в общества взаимопомощи приказчиков принимались и другие лица, никакого отношения к торговым служащим не имеющие: учителя, чиновники, штурманы и люди различных других профессий. Прием этих лиц в общества не противоречил уставам, а вполне согласовался с ними. Как на пример общества с весьма смешанным и разнородным составом можно указать на воронежское общество приказчиков, где на 500 членов в 1912 г. числилось лишь около 100 торговых служащих, а остальные 400 человек были люди разных других профессий. Воронежское общество, конечно, не исключение. Справедливость требует отметить все-же, что в других обществах посторонний элемент в составе членов был в сравнительно незначительном количестве. Но в данном случае „важна не количественная сторона вопроса, — как справедливо отметил Непряхин в своей брошюре „Общества взаимопомощи торговых служащих",— а самый факт допущения в свой состав чуждых элементов. Этими фактами общества лишний раз подчеркнули, что они не профессиональные организации, а просто благотворительно-вспомогательные учреждения." Из этих данных видно, что вокруг обществ группировались по преимуществу аристократическая часть приказчичьего сословия, купцы и их защитники.

Многие из них не пытались даже расширить свои рамки, в которые они были втиснуты полицейско-бюрократическим строем, но как будто чувствовали еще и благодарность за тот

унизительный облик, который им был придан, удостоив своих угнетателей почетным званием. Оно и понятно. Раз в обществе находились в неестественном сожительстве труженик и капиталист, при чем последний всегда в роли благодетеля, бросавшего по минутному капризу подачки, а служащие с благодарностью их принимали, то ничего другого от таких обществ и ждать нельзя было.

Способствовало этому обстоятельству также и то, что приказчичьи общества основывались в то время, когда купеческий мир России носил на себе черты патриархального прошлого, и когда торговые служащие были закрепощены этим своеобразным укладом, который усыплял их самостоятельность одинаково как гнетом произвола, так и лаской его и возможностью из наковальни самому стать молотом.

Приказчичье сословие верхами своими слишком близко соприкасалось всегда с хозяйскими интересами; втягиваясь и развращаясь близостью этих интересов, верхи чувствовали необходимость выступать на их защиту.

Отсюда понятно, почему в уставах приказчичьих обществ часто встречались фразы, в роде следующих: „В общество принимаются лица, не стоящие на степени рабочего или ремесленника",

или

„членами почетными и соревнователями могут быть лица обоего пола, без различия сословий и вероисповеданий, кроме евреев", [1])

или

„в состав об'единения желательно включить только одинаково верующих". [2])

В уставе рижского общества, после переработки его в 1908 г., остался неизменным первоначальный пункт устава, по которому „в число членов общества принимаются лица преимущественно русского происхождения, других же национальностей только православные", и т. д.

Для рабочего класса, ведущего свою борьбу против капиталистов, „несть ни эллина, ни иудея", капитал не знает национальности, всех без различия верований капитал эксплоатирует

---

[1]) Устав ярославского общества приказчиков.

[2]) Николаевское общество приказчиков-христиан.

и угнетает и об'единение рабочих не ставит национальных или вероисповедных перегородок в деле защиты своих интересов и в деле взаимной помощи.[1])

III.

Само собою понятно, что общества при таком составе ничего хорошего не могли дать массам торговых служащих. И фактически, знакомясь с отчетами обществ, мы видим, что вся деятельность обществ взаимопомощи сводилась только к выдаче мелких пособий на случай болезни, смерти, безработицы, пенсии вдовам и сиротам, вспомоществования невестам при замужестве и пр., устройство лечебной помощи, богаделен, моленен.

Профессиональные нужды: нормировка рабочего дня по будням, установление воскресного отдыха, регулирование взаимоотношений хозяев со служащими, борьба за увеличение заработной платы торговых служащих, приискание занятий безработным, выдача дорожной помощи и т. д., совершенно не входили в круг задач обществ взаимопомощи. Но и материальная помощь, оказываемая обществами своим членам, была в большинстве случаев ничтожна.

Пензенское общество, учрежденное в 1892 г., в течение первых двух лет своей жизни совершенно не выдавало пособий, в 1894 же году общество выдало пособий в сумме

---

[1]) От редакции. Из изложения автора вытекает, что ограничения, проводившиеся рядом обществ торговых служащих по отношению к „рабочим" или лицам иных национальностей, были обусловлены специфическим, отличным от прочей рабочей массы, составом приказчиков. Автор даже подчеркивает, что рабочие об'единения таких ограничений не знают.

Это исторически неверно. Укажем, хотя бы на христианские союзы рабочих в Германии и нек. др. странах, об'единяющие рабочих на основе, кроме всего прочего, и религиозных признаков; на союзы квалифицированных рабочих в Соед. Шт. Сев. Америки и др. странах, не допускавших в свои ряды неквалифицированных; на ограничения, проводившиеся теми же американскими союзами по отношению к рабочим-неграм. и т. д., и т. п.

Такие ограничения история знает в очень многих случаях и встречаются они обычно в организациях более квалифицированных работников и особенно на первых стадиях развития движения и оформления классовой борьбы.

Это и дает основание утверждать, что ограничения, проводившиеся обществами торг. служащих, вызывались их характером, как организации наиболее квалифицированных верхов приказчиков.

39 руб. 5 членам (речь идет о безработных), т.-е. по 7 р. 80 к. каждому члену в течение всего года, в 1895 г. — 42 р. 50 к. 7 членам — в четырех случаях сиротам 31 р. 75 к., в двух случаях — вспомоществование на похороны 8 р., т.-е. по 4 рубля на покойника, и 2 р. 75 к. одной вдове; в 1896 г. это общество выдало... 3 безработным — 3 рубля и в помощь на похороны 2 руб., а всего 5 р. за весь операционный год.

Тамбовское общество за первые 15 лет своего существования выдало пособий 3942 р., при чем в первые три года ничего не выдавало. В среднем это общество выдавало ежегодно, считая все 15 лет по 260 — 325 р. Если считать только 12 лет, то выходит, считая даже в среднем по 325 р. в год, что и тогда каждый нуждающийся мог получить максимум рубль — рубль двадцать пять коп. в месяц. „Саратовское общество первые два года не выдавало пособий. За третий же год своего существования это общество выдало 65 руб., потом выдавало в год по 120 руб., 218 р. 18 коп. и т. д.“. Цифры относительно этого общества, заимствованные у Непряхина, — у меня нет под руками отчетов саратовского общества, — к сожалению, ничего не говорят. Неизвестно за какой именно год и какому количеству членов, вдов и сирот эти суммы выдавались. Они только показывают, что максимальная выдача в год равнялась — 218 р. 18 коп.

Томское общество за первые два года своей жизни также не выдавало пособий, за следующие 8 лет выдало 2305 р., т.-е. около 290 р. в год, что нельзя не признать мелочью, если принять во внимание, что пособия выдавались не одному нуждающемуся, а нескольким.

Уставом симферопольского общества предусмотрены как пособия единовременные, так и длящиеся, ежемесячные. После смерти действительного члена право на пособие имеют вдова, сироты, родители и малолетние братья и сестры, находившиеся на попечении умершего члена и лишенные средств к жизни. На похороны выдавалось единовременное пособие (50 р.). За 15 лет существования общества выдано пособий на похороны 650 руб., прочих единовременных и длящихся 3271 р. 10 к., итого 3921 р. 10 к., т.-е. в среднем около 260 руб. в год (отчет за 1896 — 1911 г. г.).

Иркутское общество приказчиков за 25 лет своего существования выдало разные пособия своим членам и их семей-

ствам на сумму 4.533 р., т.-е. ежегодно выдавало в среднем около 180 руб. (отчет за 1883 — 1908 г. г.).

Даже очень богатые общества, как московское общество купеческих приказчиков, петербугское общество приказчиков и сидельцев, одесское общество приказчиков-евреев, одесское общество приказчиков-христиан и др. выдавали своим членам, впавшим в нужду, гроши, по 5 — 10 р. в месяц, и то не больше 12 месяцев под ряд. Уже в первом уставе 1863 г. московского общества купеческих приказчиков мы читаем, что нуждающиеся члены имеют право на получение ежемесячных пособий в течение года, от 5 до 20 р. „Стремясь увеличить капитал, правление общества в 1885 г., — читаем мы в юбилейном отчете за 50 лет, — изменило упомянутый параграф устава в том виде, что стало выдавать от 5 до 10 руб. в месяц членам, пробывшим в обществе 7 лет; членам со стажем от 7 до 12 лет выдавало 15 р. в месяц и, наконец, пробывшим в обществе свыше 15 лет, выдавало по 20 руб. в месяц". За 50 лет общество выдало 2678 членам 162.346 руб. или в среднем каждому члену ежемесячно за все время по 5 р. 50 к. Такую же почти сумму (5 руб. в месяц) выдавали нуждающимся членам петербугское, одесское и др. общества взаимопомощи приказчиков.

Ничего удивительного нет поэтому в том, что в первые десятилетия, почти вплоть до девятидесятых годов прошлого столетия, все общества целиком состоят из одних купцов, доверенных, управляющих, коммивояжеров, директоров различных фирм и т. д. Рядовые служащие редко - редко записывались в члены общества. Общества не были доступны им ни по чрезвычайно большому „вступительному" взносу, колеблющемуся от 15 до 25 руб., ни по столь же большому ежемесячному взносу, составлявшему от 6 до 15 р. в год. Да и деятельность обществ, как мы это сейчас показали, мало кого привлекала. Вносить по целому ряду лет такие крупные взносы и потом, в случае нужды, получать гроши: „проценты на затраченный капитал, — говорили многие приказчики, — дадут больше, нежели эта помощь"[1]).

Благодаря упомянутым причинам количество членов во

[1]) См. статьи А. М. Гудвана, „Среди приказчиков", напечатанные в „Южном Обозрении" за 1899 г., №№ 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944 и другие.

всех обществах взаимопомощи очень медленно росло. Вспомогательное общество купеческих приказчиков в Москве, открывшееся в 1863 г. при 132 действительных членах, за первый год существования, несмотря на широкую агитацию, привлекло всего на всего 52 человека. Постепенно увеличиваясь в количественном отношении, общество в 1870 г. насчитывало в своих рядах 1529 чел., но начиная с 1871 г. члены общества, убедившись в том, что общество ничего не дает и не даст при неуклонном стремлении правления привлечь как можно больше хозяев, стало выбывать из состава общества. К 1879 году в обществе числилось уже всего 1239 членов, т.-е. за 10 лет выбыло 290 человек исключительно приказчиков-середняков (мелким служащим, как нами уже выше замечено, общество было недоступно из-за больших вступительного и членского взносов). Так, падая и поднимаясь, общество к концу пятидесятилетия своего существования, т.-е. к началу 1913 г., имело 2946 членов.

К тому же 1913 году петербургское общество имело 900 членов, симферопольское после 15 лет существования 282 члена. Иркутское общество на двадцатом году своего существования имело 390 действительных членов, вспомогательное общество приказчиков в Казани за 40-летний период успело навербовать 707 членов, общество взаимного вспоможения приказчиков за тридцать три года привлекло 664 члена, екатеринбургское общество взаимного вспоможения приказчиков за 30-летний период успело привлечь 206 членов, киевское общество взаимного вспоможения приказчиков за 30-летний период — 441 члена, общество вспоможения частному служебному труду в Нижнем-Новгороде за 44 года — 316 членов.

Количество членов в обществе взаимного вспоможения приказчиков и служащих в частных и коммерческих учреждениях г. Екатеринодара после 15-летнего существования равнялось — 485, в обществе приказчиков и служащих евреев гор. Вильна за 25 лет привлекло 616, в омском обществе приказчиков было 102, в ростовском обществе приказчиков — 455 и т. д., и т. д.

Рост количества членов до девятисотых годов был совершенно ничтожен. Так, томское общество имело в 1892 г. 151 члена, в 1893 — 140, в 1900 — 224; в саратовском обществе в 1880 г. насчитывалось 180 членов, а в 1900 — 220; в пен-

зенском обществе насчитывалось в 1892 г. — 130 членов, а в 1900 — 182; в астраханском — в 1886 г. — 447, а в 1900 — 259.

Приведенные цифры показывают общее количество действительных членов (купцов, различных доверенных и служащих). Было бы чрезвычайно интересно знать, сколько во всех 100 обществах было среди членов настоящих тружеников, мелких и средних приказчиков, конторщиков и т. д. Данных об этом нет. Помимо попыток подсчета состава обществ, сделанного нами выше (стр. 71), мы приведем еще в подкрепление наших выводов, сделанных на основании данных, взятых из отчетов, авторитетное заявление томского общества, проливающего достаточный свет на состав обществ взаимопомощи почти вплоть до начала XX века.

„Мелкие приказчики, служащие мелких фирм, лавочек, скудно обеспеченные материально и обремененные многочисленным семейством, вступают неохотно в общество, — читаем в юбилейном отчете за 10 лет (1892 — 1902), — благодаря высоким взносам, которые не под силу большинству служащих ниже I-го класса приказчика и благодаря тому, что общество еще недостаточно развило свою деятельность и относительно немного дает выгод своим членам“. В других обществах, просуществовавших не 10, а 30 — 50 лет, мы видели то же самое явление.

Не помогли увеличению количества членов до девятисотых годов и многочисленные школы, библиотеки, организуемые при обществах.

Вступлению в общества „мелких служащих“, как отмечено было на I-м всероссийском с‘езде обществ вспоможения частному служебному труду приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели обществ, мешали также и хозяева.

Прения по этому вопросу более подробно переданы не в трудах I-го с‘езда (цензура выкинула), а в статье *Д. Д.* об этом с‘езде в „Новом Слове“ (март 1897 г. стр. 107). Почти все члены с‘езда указали, что „развитию обществ мешает прямое или косвенное хозяйское запрещение приказчикам вступать в общество взаимопомощи, где рассматриваются и обсуждаются вопросы о рабочем времени, заработной плате, договоре и т. д. В лучшем случае, хозяева косо смотрят на своих приказчиков, состоящих уже членами общества взаимопомощи;

в худшем — они обращаются с угрозами к тем, которые склонны вступить в общество; нередко случается, что поступление приказчиков в общество взаимопомощи помимо воли хозяина влечет за собой увольнение с места. Вполне понятен отрицательный взгляд купечества на общества взаимопомощи: это то единение, та сила приказчиков, проявление которой рано или поздно отнимет у хозяев возможность безнаказанного произвола над служащими и бесцеремонного выжимания из них соков, что составляет теперь хозяйскую привилегию. Уже в настоящее время, когда деятельность обществ взаимопомощи, вследствие недостаточности средств и по „разным другим причинам", пока еще весьма незначительна, хозяевам приходится с ними считаться" [1]).

Резкий перелом в сторону изменения состава обществ, увеличения количества членов из среды „мелких приказчиков и конторщиков", по выражению „томского отчета", и направления деятельности обществ в смысле защиты профессиональных интересов торгово-промышленных служащих произошел только в начале 1900-х годов этого столетия.

Об этой новой эпохе будет сказано дальше, пока же отметим, что на-ряду с обществами взаимопомощи в России вплоть до революции 1917 г. существовали и различного наименования похоронные кассы и кассы взаимопомощи, обслуживающие торговых служащих.

Русское купечество, как известно, любило выступать часто в роли „радетелей и добродетелей". Доводя эксплоатацию труда служащих и рабочих до крайних пределов, купечество вместе с тем охотно жертвовало служащим то, что им не нужно было. Долгие годы существовал в России обычай, по которому каждый купец, отбирая на фабрике или у представителя иностранной фирмы нужный ему товар, ставил условием при заключении сделки „жертвовать в кружку служащих". Сумму пожертвования купец почти всегда сам указывал. В эту же кружку поступали и деньги, вырученные служащими от продажи

---

[1]) В числе „других причин" автор очевидно имел в виду большое количество почетных членов купеческого сословия.

От редакции. Раз'яснение автором „других причин" вряд ли верно. Здесь скобки очевидно открываются иначе: под „другими причинами" нужно понимать общие условия для деятельности обществ, которые существовали в общественно-политической обстановке России того времени.

многочисленных ящиков, рогож, веревок и др. материалов упаковочного характера. Собранные таким путем деньги, плюс небольшое пожертвование самой фирмы служащим к Пасхе, Рождеству или какому-нибудь семейному празднику (при замужестве дочерей, женитьбе сыновей, смерти основателя фирмы), составляли в большинстве случаев фонд похоронной кассы или кассы взаимопомощи служащих данного предприятия. Не было почти ни одной крупной торговой фирмы в России, где бы не было похоронной кассы, кассы взаимопомощи или какой-нибудь другой кассы. Купцы гордились этими кассами и козыряли ими служащим при приеме их на службу или при оставлении последними добровольно своих мест.

Согласно существовавшему положению, кассы могли учреждаться и открываться только в том случае, если хозяева предприятия принимали на себя ответственность и гарантию о состоятельности кассы или, если „в управлении делами участвовали представители от предприятия и от служащих в числе пропорциональном суммам взносов их на образование кассы“ (ст. 9 „Положения о пенсионных кассах“).

Уже одни эти указания „Положения“ достаточны для того, чтобы составить себе понятие о физиономии этих касс и деятельности их, сводившейся к выдаче процентных, а в редких случаях и беспроцентных ссуд во время похорон, свадьбы или на другие надобности членам семьи участников кассы.

IV.

В первой главе мы подчеркнули, что в торговле до 90-х годов прошлого столетия не происходило почти никаких заметных перемен ни в самой организации ее, ни в отношениях между хозяевами и служащими. Технические условия торговли сами по себе способствовали этой медлительности в ее развитии. „Собирая и концентрируя продукты различных мест производства, торговля передает их, — говорит Гильфердинг, — окончательным потребителям. Чем ближе торговля к потребителю, тем более раздробляются акты продажи в пространстве и времени. В виду этого, величине торгового предприятия ставятся известные границы. Чем больше развивается розничная торговля, тем больше количество предприятий и тем больше ограничено каждое отдельное предприятие. Рассеянность отдельных покупателей в пространстве создает разбросанность

значительного количества торговых предприятий, работающих рядом друг с другом“ (Гильфердинг, „Финансовый капитал“). Развитие торговли находилось, таким образом, в непосредственной зависимости от развития путей сообщения, от распределения населения, от общего социального характера страны.

Общее промышленное и техническое развитие девяностых и девятисотых годов коснулось и торговли. Рост населения, сосредоточение его в городах, массовое производство, достигшее огромных размеров, и массовое потребление в связи с развитием путей сообщения, почтовых и телеграфных сношений способствовали, с одной стороны, возникновению крупных магазинов, складов и специальных предприятий в городских центрах для оптовой торговли, а с другой стороны — организации розничной продажи в крупных универсальных магазинах. Первоначальная естественная необходимость в децентрализации продажи в пространстве продолжается, правда, и теперь, но в значительном количестве случаев это сводится уже к устройству филиальных отделений одного и того же крупного предприятия.

В отношении торговой техники в торговле становится очевидным превосходство крупного капитала над мелким. Тенденция к сосредоточению торговли в крупных магазинах становится все более определенной и решительной. В качестве регулярных потребителей, приобретающих все продукты в большом количестве и из первых рук, крупные универсальные магазины получают товар от фабрикантов и оптовых торговцев по более дешевой цене. Значительный оборотный капитал, широкий банковый кредит, строго проведенный личный расчет со стороны покупателей и возможно более быстрый оборот дают возможность таким торговым предприятиям делать большие сбавки на цене товаров. Издержки по транспорту и по администрации значительно сокращаются благодаря централизации продажи. Массовый и быстрый сбыт дает возможность удачнее использовать колебания в ценах различных товаров. Облегчая и поощряя массовое потребление, крупные универсальные магазины в свою очередь зависят от потребления и потому получают возможность легче и проще учитывать все колебания и изменения на рынке товаров. Посредники, в виде оптовых торговцев, вытесняются, потому что для фабрикантов становится возможным направлять свои массовые партии това-

ров таким универсальным магазинам непосредственно или просто открывать свои торговые заведения. Крупные торговые предприятия: Цинделя, Жирардовских мануфактур, Морозовых, Коншина, механического производства обуви, резиновых изделий и галош Проводника и ряда других, создают сеть фабричных магазинов в Москве, Петрограде с отделениями в крупных губернских центрах. Магазины эти наряду с универсальными магазинами, базарами и т. п. становятся обыкновенными капиталистическими предприятиями. В них проявляется общая тенденция к сосредоточению, присущая всему современному капиталистическому развитию.

Чем дальше идет капиталистическое развитие, чем больше растет народонаселение, чем сильнее сосредоточивается оно в городах, а вместе с ним растет и массовое потребление, тем больших размеров достигает и розничная торговля. Вместе с этим развитием увеличивается и число лиц, занятых в торговле, растет количественно и служебный персонал, увеличивается армия торговых служащих. И вполне понятно, что это изменение в положении торговли не могло остаться без влияния и на условия труда в торговле и на общем положении торговых служащих.

„По переписи 1897 г. число лиц, занятых в торговом деле, составляло 4.995.387 человек... в том числе самостоятельные составляли 1.319.575 чел. или 26,3⁰/₀. На одного торговца приходилось в среднем 94,4 души населения [1]). По данным министерства торговли и промышленности, количество торговых предприятий равнялось 520.128; средний оборот на предприятие составлял 12,6 тысяч рублей; покупная способность одного жителя равнялась в среднем 750 р. (в 39 наиболее торговых центрах)“ [2]). Общая армия трудящихся по торговле стала все более и более расслояться, терять свой прежний

---

[1]) От редакции. Здесь очевидная ошибка. Под „самостоятельными занятыми в торговле“ следует понимать всех тех, которые работали в торговле, т.-е. как торговцев, так и торговых служащих. Поэтому в среднем на каждые 94,4 души населения приходилось не по одному торговцу, а по одному занятому в торговле. Число же самостоятельных торговцев было значительно меньше.

Вообще же на цифровых данных о количестве торговых служащих мы подробнее останавливаемся в предисловии.

[2]) С. О. Загорский, „Право торговых служащих“.

однообразный состав, отдельные разряды стали претерпевать экономические и социальные изменения.

При незначительных размерах предприятий, где количество служащих было невелико, необходимость в большом капитале отсутствовала, зато существовали своеобразные, как мы увидим дальше, отношения между хозяевами и служащими.

Содержание за счет хозяина взрослого приказчика и конторщика, покупка в собственность торговых учеников пользовались правом гражданства. Служащий тесно связан с предприятием и хозяином. Он живет интересами предприятия, живо заинтересован в его преуспеянии и отдает ему намеренно и добровольно свои силы. Ему нужно выдвинуться из числа других служащих, нужно завоевать к себе доверие и хозяина и покупателей, хорошо изучить их вкусы и желания. В нем постоянно сильна надежда на открытие в будущем самостоятельного предприятия, и многочисленные случаи осуществления этой надежды другими его товарищами[1]) постоянно поддерживают в нем сознание своего будущего положения в качестве хозяина.

Эта неизменная психология торговых служащих в мелких предприятиях, содержание за счет хозяина и на его квартире, вводящие ученика в семью владельца предприятия, отсутствие различия как в общем культурном уровне между хозяином и служащими, так и в их обязанностях и работе затушевывали существовавшую противоположность интересов и положения между хозяевами и служащими и придавали их отношениям некоторую видимость патриархальности и соглашения.

С развитием торговли изменилось это положение служащих. В крупных торговых предприятиях, не говоря уже об огромных универсальных магазинах, торговые служащие низведены были на положение простых рабочих и хотя материально они поставлены были иногда в лучшие условия, чем в мелких предприятиях, но за то общее их экономическое и социальное положение претерпевало сильные изменения к худшему. О надежде на открытие собственного предприятия в будущем не могло быть и речи. Условия введения крупного торгового

[1]) В другой нашей работе („Приказчичий вопрос“) нами уже доказано, что громадное большинство российского купечества 60—80 годов рекрутировалось из приказчичьего сословия.

предприятия в большом городе делают его совершенно непохожим на тот небольшой магазин, из которого он, может быть, некогда развился. Необходимость в значительном капитале, знании рынка, представляемого уже не одними только местными кварталами города, делает возможным основание крупного торгового предприятия лишь для немногих. Во главе такого предприятия стоит обладающий крупным капиталом предприниматель (безразлично, будет ли это единичный предприниматель, товарищество, или акционерное общество), который из простого продавца, прежде нередко лично отпускавшего за прилавком товары покупателям, превратился теперь в „шефа" торгового предприятия, управляющего, руководящего и повелевающего над десятками, сотнями, а нередко и тысячами служащих. Между хозяевами и служащим выросла та же непроходимая пропасть, какая давно уже существовала между фабрикантами и рабочими. „Должность приказчика, служившая раньше часто лишь переходной ступенью к самостоятельному торговому предприятию, с девяностых годов в большинстве случаев — утверждает С. О. Загорский, — остается пожизненной, а нередко и потомственной. Образуются постоянные кадры приказчиков и определенные общественные слои, откуда эти кадры рекрутируются. На сцену выступает резервная армия безработных приказчиков,—явление прежде мало знакомое торговому миру. Зависимость и необеспеченность стали уделом и приказчиков, этих „пролетариев в крахмальных воротничках" [1]).

Превращаясь из домашнего служащего купца в современного пролетария, живущего лишь продажей своей рабочей силы, приказчик хотя и медленно, но все же начинает замечать и ощущать разницу между интересами торговых служащих и хозяев.

Работая рука об руку в универсальном магазине с десятками, сотнями таких же загнанных, эксплоатируемых пролетариев прилавка, приказчик воочию убеждается, что ему никогда не „выйти в люди" и поскольку изменялись его конкретные условия жизни и деятельности, постольку развивались и формы его общественной деятельности [2]).

---

[1]) С. О. Загорский „Право торговых служащих", стр. 12, 16 и др

[2]) От редакции. Было бы значительным упрощением представлять себе дело так, что развитие экономики торговли непосредственным образом, и только оно единственно, содействовало известному внутреннему оформлению дви-

Перед служащими стал вопрос об улучшении условий жизни и труда и так как других профессиональных организаций тогда еще не было даже в зародыше, то вполне естественно, что со стороны приказчиков начали предприниматься попытки изменить направление деятельности существовавших обществ, что в большинстве крупных городов [1]) провинции и было осуществлено в 1900—1904 гг.

Записавшись в члены какого-либо общества, приказчики и конторщики сразу стали образовывать группу прогрессивных и активных членов, сочувствующих служащим в смысле направления деятельности обществ на защиту интересов трудящихся по торговле, как наиболее эксплоатируемых. В группу, названную „прогрессивной" входили все „мелкие служащие" и сочувствующие им: адвокаты, врачи, журналисты и др. лица свободных профессий [2]). Девизом этой группы была „борьба со всем старым". Хозяева, доверенные и им сочувствующие образовали свою группу, окрещенную „консервативной". Девизом этой группы было: „сохранение всего старого".

V.

Борьба этих двух групп на тусклом фоне общественной жизни провинции приковывала к себе внимание всего населения. Общества торговых служащих превратились в арену борьбы классов. Свирепствовавшая тогда „бешеная цензура", при которой даже искушенный в боях русский журналист не мог на своем эзоповском языке коснуться крупных социально-политических проблем, приводила к тому, что целый ряд провинциальных изданий вынужден был занимать своих читателей почти ежедневно фельетонами, статьями, заметками о борьбе этих двух групп и о положении торговых служащих вообще.

жения в конце девяностых — начале девятисотых годов, о котором дальше говорит автор. Здесь огромную роль также сыграли как социал-демократическая агитация, так и общее оживление рабочего движения 90 гг., которые не могли пройти мимо сознания некоторых передовых элементов приказчичьей массы. Именно для восприятия уроков этой агитации и борьбы приказчиками и создавалась благоприятная обстановка, поскольку русская торговля становилась торговлей капиталистической.

[1]) Варшава, Вильна, Киев, Екатеринослав, Кишинев, Симферополь, Иркутск, Тифлис и др.

[2]) В обществах взаимопомощи торговых служащих, как обществах благотворительных, состояли членами, как нами уже отмечено выше, лица различных свободных профессий.

И сугубо прав был В. Жаботинский, подчеркнувший в „Одесских Новостях“ от 5 декабря 1903 г., что 50% всех расходов в крупных провинциальных газетах юга России, Поволжья, Царства Польского и Сибири падала в 1901—1903 г.г. на оплату материала, посвященного борьбе „нового“ со „старым“... в приказчичьих обществах.

Для иллюстрации взаимоотношений между трудом и капиталом в стенах обществ и для указания методов борьбы служащих с кулачеством хозяев приведем несколько примеров об исключении купцов из состава обществ приказчиков.

. . . „35 приказчиков, состоящих членами общества взаимопомощи „Опора“, — читаем в корреспондеции из Елисаветграда [1]),—подали в правление заявление, в котором предлагают общему собранию исключить господина Физделя из состава общества, как человека, который своим образом действий причиняет вред всему сословию служащих. В заявлении Физдель обвиняется в том, что по его инициативе в Елисаветграде между хозяевами организован синдикат, в силу которого служащий, оставивший службу в одном магазине, не может быть принят в другой. Факт заявления, разумеется, вызвал в торговых сферах большую сенсацию, и разрешение этого вопроса ожидается с большим интересом. Демократическая часть населения, враждебно настроенная против Физделя, начала бойкотировать его магазин. Несколько десятков врачей, учителей, юристов, банковских служащих специально записалось в члены общества, чтобы своим голосованием помочь приказчикам изгнать Физделя из среды общества“.

„Сначала правление „Опоры“, как мы слышали, имело в виду предложить общему собранию избрать особую комиссию для разбора конфликта, возникшего между Физделем и его служащими. Но в настоящее время правление общества вынуждено отказаться от своего первоначального решения в виду некоторых привходящих обстоятельств „совершенно особого свойства“, явившихся для правления и общества полной неожиданностью. Всех, в том числе и лиц непричастных к обществу „Опора“, сильно интересует вопрос о том, как общее собрание выйдет из „непредвиденного положения“ в котором оно нежданно-негаданно очутилось“.

[1]) См. „Одесские Новости“ от 1 марта 1903 года.

А обстоятельства, „совершенно особого свойства“, не упомянутые в корреспонденции по цензурным условиям, были вот какие. Как только купцам стало известно о заявлении „35 приказчиков“ члены упомянутого выше „синдиката“ подали два заявления: одно елисаветградскому полицеймейстеру, а другое жандармскому ротмистру, в котором писали: „С некоторого времени вокруг общества „Опора“ стали группироваться все находящиеся в Елисаветграде политически неблагонадежные лица, высланные сюда из других губернских и университетских городов. Деньги общества тратятся на помощь этим политическим и на организацию рабочих и служащих против существующего строя и нас хозяев. В городе циркулируют упорные слухи, что общество закупило много шрифта для организации своей тайной типографии и ассигновало двести рублей на подготовку первомайской демонстрации. Сообщая об этом вашему высокородию, просим принять срочные меры к закрытию общества, члены коих терроризируют все население города“. На заявлении, помеченном „22 февраля 1903 г.“, значатся подписи купцов: „М. Я. Физдель, И. Д. Кулаковский, С. А. Державин, С. Рабинович, Х. Науменко, Степан Иванов и Фед. Куликовский“ [1]).

Насколько факты, сообщенные в этом доносе, не соответствовали действительности, видно из того, что даже по тому времени власти не только не сочли возможным закрыть общество, но даже не сделали обыска в помещении общества, а ограничились лишь угрозой закрыть общество при рассмотрении заявления „35 приказчиков“ в общем собрании.

В другой корреспонденции из Елисаветграда, помещенной в „Одесских Новостях“ 5 марта 1903 г. дается отчет общего собрания общества „Опора“, на котором исключены были из состава общества М. Я. Физдель, И. Д. Кулаковский и С. И. Державин.

„Старожилы не запомнят столь многолюдного и бурно настроенного собрания, какое происходило в воскресенье 2 марта 1903 г. в обществе взаимопощи приказчиков „Опора“. Членов общества явилось свыше 200 чел. Разбившись на группы,

[1]) Копия заявления, поданного полицеймейстеру, была переслана в марте 1903 г. в редакцию „Одесских Новостей“ и передана мне И. Р. Бродовским, которому выражаю свою признательность. *Автор.*

собравшиеся весьма оживленно, даже ожесточенно беседовали по поводу проникших сведений о мерах, принятых с целью воздействия на собрание в смысле стеснения свободы обсуждения „гвоздя“ собрания—заявления 35 действительных членов общества об исключении из состава последнего купца М. Я. Физделя в „виду крайне оскорбительного и грубого обращения его со служащими.

По открытии заседания председатель общества, доктор С. С. Рейсер, об'явил, что „в виду непредвиденных обстоятельств, а также в виду поступления заявления от М. Я Физделя об отказе его от звания члена общества — „заявление 35“ должно было снято тотчас же, так как обсуждение его по существу не может быть допущено без риска для мирного существования общества“.

После некоторого обмена мнениями, председатель огласил заявление Физделя, в котором говорится:

„Руководствуясь 10 и 12 параграфами устава и имея в виду, что, принадлежа к числу членов 1-го разр., я обязан был вносить в кассу общества ежемесячно по одному рублю, что, начиная с марта 1902 г., я не делал означенных взносов, а потому должен считаться выбывшим из числа членов общества, о чем должно было бы быть сделано постановление еще 1 августа того же года, я заявляю, что не делал упомянутых взносов именно потому, что не желаю более считаться членом общества и потому прошу считать меня выбывшим из числа членов общества елисаветградских приказчиков под названием „Опора“, начиная с марта пр. года, при чем заявляю, что и впредь не буду домогаться быть членом вышеозначенного общества“.

Это несовсем грамотное и бестолково написанное заявление,—сообщает дальше корреспондент,—вызвало сильное движение среди собрания. Записавшиеся ораторы требовали постановления относительно г. Физделя в самых резких выражениях, будучи возмущены его образом действий.

Указано было на то, что лишь 9-го февраля, уже после поступления „заявления 35“ Г. Физдель принял приглашение в общее собрание и не делал никаких заявлений относительно своего нежелания считаться членом „Опоры“. Страсти, несмотря на напоминание председателя о благоразумии, вспыхнули ярким пламенем негодования против антиобщественных

приемов давления на собрание. Однако, более спокойные элементы убедили собрание в необходимости прежде всего заботиться о сохранении общества. После ряда речей о недостойном поведении Физделя и его единомышленников, собрание приняло предложенную присяжным поверенным Погребецким резолюцию:

„Общее собрание, принимая во внимание, что Физдель своим отказом от звания члена общества идет навстречу желаниям большинства членов, принимает с полным удовлетворением его отказ и выражает пожелание не видеть впредь Физделя и его единомышленников среди членов общества“!

„Под гром аплодисментов Физдель с позором был выброшен за порог собрания“.

„Но этим инцидент не был исчерпан. Два других члена общества купцы И. Д. Кулаковский и С. А. Державин, в магазине которых Физдель состоял главноуправляющим и компанионом, обидевшись за Физделя, также сложили с себя звание членов общества. Заявление Кулаковского, как вполне корректное по форме, было просто принято к сведению, хотя и раздались отдельные голоса о том, чтобы принять не только к сведению, но еще с благодарностью вытолкнуть его вон. Иное отношение проявило собрание к заявлению купца Державина, который пишет следующее:

„В виду неприличных интриг, возникших между некоторыми членами общества, считаю для себя невозможным с такими лицами состоять более членом общества, а потому прошу считать меня выбывшим“.

„Указание на существование якобы интриг, да еще неприличных, особенно возмутило собрание. Ораторы, основываясь на изречении: кому больше дано, с того нужно больше взыскать,— Державин челоеек с высшим образованием,—настаивали на особенно резком осуждении поступка Державина. Правление со своей стороны тоже предложило строже отнестись к Державину. И поэтому предложило перенести рассмотрение вопроса на другое собрание. Против этого предложения единодушно протестовали все присутствующие, потребовав немедленного разрешения вопроса, так как в случае отложения дела, обществу, пожалуй, придется проглотить оскорбление без всякого ответа. После об‘явленного перерыва была принята боль-

шинством всех присутствовавших против 2-х воздержавшихся следующая резолюция:

„В виду того, что обвинение, пред‘явленное Державиным обществу, никем и ничем не доказано, в виду оскорбительной формы его заявления, общее собрание постановило: считать Державина изгнанным из среды членов общества и выражает желание, чтобы вместе с Державиным, Физделем и Кулаковским были изгнаны из членов общества и все остальные купцы и их ставленники.

Другие купцы—члены общества, испугавшись пощечины, нанесенной общим собранием Физделю, Кулаковскому и Державину, сами стали заявлять о своем выходе из состава общества. На второй же день после общего собрания,—сообщается в той же корреспонденции,—25 купцов и доверенных и управляющих магазинами подали заявления о выходе из состава общества. Наконец-то,—с радостью заключает корреспондент—и мы избавились от незаконного и неестественного сожительства волков с ягнятами“.

„Отныне ничто не помешает обществу „Опора“ выступать, где и когда понадобится, в защиту интересов трудящихся как членов общества, так и вообще служащих г. Елисаветграда. Избранное вновь правление исключительно из состава служащих на второй же день после избрания в экстренном заседании постановило добиваться: всеми разрешенными мерами сокращения рабочего времени служащих по будням, прекращения воскресной и праздничной торговли, увеличению заработной платы. Независимо от этого постановлено: пересмотреть и дополнить комплекты книг по политической экономии, общественным вопросам; устроить ряд лекций по интересующим членов общества вопросам“.

Радость членов общества, как легко себе представить, была преждевременна. Общество было взято под надзор всесильной жандармерии и до 1905 г. деятельность его была такой же, как и всех почти других обществ того времени.

Мы позволили себе так подробно остановиться на борьбе, протекавшей в обществе „Опора“, не останавливаясь перед перепечаткой обстоятельных газетных корреспонденций, рисующих перипетии ее, так как история этой борьбы весьма характерна для того времени. В тех же „Одесских Новостях“

мы находим описания замены членов правления—купцов рядовыми служащими в обществе приказчиков-евреев г. Одессы.

„В результате четырех бурных общих собраний, посвященных отчетам правления и ревизионной комиссии о деятельности общества за предыдущий год, — подчеркивает газета,—избрано новое правление, в которое вошли все лица, выставленные по списку „демократической группы“: Зусман, Ройзман, Переплетник, Лизаревич, Клейнер, Розенфельд, Могилевский, Шмуклеровский“ [1]). Долголетние председатель и секретарь общества Д. Тарнополь (председатель) — крупный фабрикант обоев и домовладелец и О. Сафир (секретарь) — директор Бессарабско-Таврического земельного банка, активные члены и руководители консервативной группы были забаллотированы.

В корреспонденции из Варшавы в „Биржевых Ведомостях“ (апрель 1903 г.) сообщается, что „в итоге двухлетней упорной и интенсивной борьбы членам общества взаимопомощи приказчиков удалось, наконец-то, очистить общество от купцов и доверенных. Новое правление общества, состоящее исключительно из приказчиков и конторщиков, значительно оживило деятельность общества. Мелкий служащий, стоявший десятками лет в стороне, ныне охотно записывается в члены общества. За отчетный год в общество записалось около 300 новых членов. У всех служащих города бодрое, хорошее настроение. От общества много ждут. При таком составе членов, а главное при таком настроении их, — добавляет корреспондент, — правление общества может многое сделать, если только „какие-нибудь непредвиденные обстоятельства этому не помешают“. Непредвиденные обстоятельства — т.-е. всесильная полиция, инспирируемая и подталкиваемая купцами, конечно, и этому обществу мешали развернуть свою деятельность до 1905 г.

В корреспонденции из Кишинева в „Одесских Новостях“ (март 1903 г.) мы читаем: „Среди кишиневских приказчиков мануфактурных и галантерейных магазинов заметно сильное брожение, вызванное последними экстраординарными мерами владельцев к вящему закрепощению своих „белых негров“.

[1]) Демократичность многих из них и тогда уже подлежала большому сомнению, но, чтобы сбросить старое правление, возглавляемое Д. Тарнополем, пришлось составить и проводить комбинированный список во главе с небезызвестным М. Г. Зусманом. *Автор.*

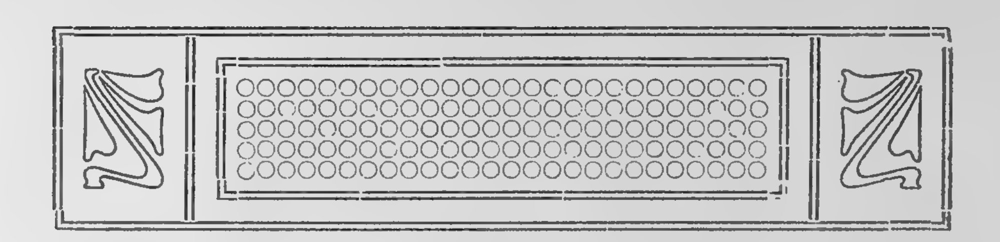
Между хозяевами уже давно существует конвенция, в силу которой никто из них не в праве принимать к себе на службу приказчика, оставившего почему бы то ни было службу у другого. Но с месяц назад в конвенции была сделана значительная брешь открытием двумя крезами двух крупных магазинов. Белые невольники один за другим кинулись в эту брешь, пока заполнили штаты новых магазинов, конечно, на более выгодных для себя условиях, чем у прежних хозяев. Затем в городе стали циркулировать слухи, вскоре оправдавшиеся, что здесь открывается крупная торговля лодзинского фабриканта Познанского с штатом служащих человек в 30—40. Понятно, что магазиновладельцы переполошились и потеряли голову. Стали придумывать выход и... придумали: залучив к себе представителя Познанского до открытия им торговли, они обязались перед ним распространять исключительно фабрикаты Познанского, но с условием, чтобы для торговли своей он навербовал приказчиков не в Кишеневе, при чем все убытки, которые будут вызваны этим, они готовы возместить ему. Сделка состоялась, и те неосторожные приказчики, которые уже успели повести переговоры с новой фирмой, остались без службы и не могут пристроиться до сих пор. Один из таких неудачников, получавший 40 рублей в месяц, договорился с представителем Познанского за 100 руб. в месяц, но „новая сделка" выбросила его вовсе за борт. Понятно, что положение приказчиков стало еще хуже".

„45 приказчиков подали в правление общества заявление, прося созвать экстренное общее собрание для рассмотрения конфликта и принятия мер воздействия на купцов. На состоявшемся 1 марта общем собрании под председательством прис. поверенного Кенигшаца постановлено было об исключении из состава общества всех купцов и доверенных, подписавших конвенцию".

Общество взаимопопощи служащих и приказчиков-евреев г. Вильны тоже избавилось в 1902 г. от долголетняго хозяйничания купцов — членов правления общества и заменило их рядовыми служащими: приказчиками и конторщиками („Русские Ведомости" март 1903 г.). Точно также были выгнаны купцы и доверенные из состава обществ Лодзи, Витебска, Херсона, Николаева, Екатеринослава, Минска, Бобруйска, Смоленска,

Екатеринодара, Баку, Новороссийска, Кременчуга, Александровска и ряда других городов.

К началу 1904 г. старые члены правления, в большинстве своем состоявшие из хозяев и доверенных были почти повсюду замещены новыми из состава прогрессивных групп. В правления различных обществ медленно, но систематически проводится ряд партийных товарищей. Новые члены правления, находясь под двойным контролем — администрации и старых членов правления, действуют сначала осторожно, но бьют всегда в одну точку: выкидывают под различными предлогами хозяев и их ставленников из различных комиссий и подсобных учреждений, прекращают прием в члены общества неслужащих по торговле и промышленности, начинают все чаще и чаще,— придравшись к самому ничтожному, мелкому случаю, — устраивать частные совещания и общие собрания членов общества. Библиотеки начинают пополняться книгами и журналами исключительно социально-экономического характера. В члены „кружков“ начинают пропускать лиц определенного политического мировоззрения, которые усердно и систематически всюду выдвигают вопросы об улучшении условий труда, увеличении заработной платы и т. д., и т. д.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дореволюционные с'езды торговых служащих.

Ходатайство о созыве первого с'езда. Разрешение и утверждение положения о с'езде. Открытие с'езда, его состав, программа и работа. Резолюции и постановления, принятые с'ездом. Открытие второго с'езда. Его программа и работа. Резолюции и постановления, принятые с'ездом.

Отсталые формы торгового капитала, раздробленность торговых предприятий в огромной деревенской России,, рекрутирование приказчиков из крестьянской массы, родство их психологии с мелко-буржуазной (хорошо бы иметь свою собственную, маленькую торговлю), все это вместе взятое создало значительный слой торговых служащих, которые оказались чуждыми классовой борьбе. Эта категория приказчиков не только не пыталась сбросить с себя ярмо рабства и угнетения, но, наоборот, во многих случаях явилась надежным оплотом своих хозяев в деле порабощения и эксплоатации меньшей братии — торговых учеников, подростков и молодых приказчиков.

Упомянутые условия, как нами уже отмечено в предыдущей главе, привели также к тому, что в существовавших тогда обществах взаимопомощи как в столицах, так и в крупных городах об'единялись наиболее обеспеченные, консервативные элементы торговых служащих, совместно с хозяевами. Умеренность членов этих обществ не могла, конечно, не отразиться на их деятельности. Вот почему от первых двух с'ездов торговых служащих, состоявшихся в 1896 и 1897 гг., веет реакционностью и черносотенством. Что ни заседание, то „благодарственное господу богу молебствие с водосвятием“, после которого следует традиционное исполнение гимна „боже царя

храни“, выражение верноподданических чувств, благодарность губернаторам, министру внутренних дел, великому князю Сергею Александровичу и т. д. Словом, члены с‘езда из кожи лезут, чтобы доказать свою лойяльность и преданность своим непосредственным эксплоататорам — купцам и самой царской власти.

Первый приказчичий с‘езд, или, как официально он назывался, „с‘езд представителей обществ вспоможения частному служебному труду, приказчиков и сидельцов, взаимопомощи и других однородных по идее и цели“ состоялся в Нижнем-Новгороде в августе месяце 1896 г., а второй в Москве — в июле 1898 года.

Первый с‘езд был разрешен министром внутренних дел по ходатайству правления общества вспоможения частному служебному труду в Нижнем-Новгороде. 21-го апреля 1896 г. общее собрание действительных членов общества уполномочило правление общества „возбудить ходатайство перед министром внутренних дел о разрешении во время всероссийской выставки 1896 г. в Нижнем-Новгороде „с‘езда представителей обществ вспоможения частному служебному труду приказчиков, сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели обществ“, для обсуждения вопроса об устройстве взаимного общества страхования жизни членов сказанных обществ, а также и других вопросов, имеющих общий интерес по отношению к быту лиц, занятых частным служебным трудом“.

В докладной записке, поданной нижегородскому губернатору, правление общества писало:

„Докладывая о вышеизложенном постановлении общего собрания, правление имеет честь почтительнейше просить ваше превосходительство оказать ваше просвещенное содействие к осуществлению с‘езда представителей сказанных обществ, для разработки многих насущных и неотложных вопросов, выяснения коих одинаково важны, как для пользы служащих, так и хозяев; обсуждение же тех вопросов возможно только при личном и живом обмене мыслей лиц, заинтересованных в улучшении быта частно-служащих. Поводом к ходатайству перед вашим превосходительством о разрешении с‘езда послужили следующие мотивы: одна из ближайших задач в деятельности обществ приказчиков — есть материальная помощь своим членам и их семействам в виде вспоможений, пособий (пенсий)

и т. д., но в силу существующих ограничений в уставах общества, поименованные разновидности пособий далеко не могут удовлетворить во время нужды самым скромным требованиям впавшего в несчастье того или другого члена его семьи. Более чем четвертьвековая деятельность нашего общества с достаточной ясностью доказала на существующий в этом отношении пробел. Без сомнения такое же явление имеет место и в других однородных обществах. По тщательному и многолетнему обсуждению данного вопроса члены нашего общества пришли к заключению, что выходом из ненормального и малообеспеченного положения их может служить учреждение общего для всех обществ приказчиков вспоможения частному служебному труду, взаимопомощи и т. д. „Общества взаимного страхования жизни"; отделениями его имеют быть все те общества, задачею коих стоит обеспечение быта лиц, занятых частным служебным трудом, полагая в основу учреждения общества страхования жизни принцип многочисленных обществ взаимного страхования имущества от огня, т.-е. с развитием дел общества и накоплением материальных средств, стремиться к постоянному понижению премий".

„Изложив перед вашим превосходительством нашу насущную потребность и зная постоянное ваше глубоко гуманное отношение к быту лиц, занятых частным служебным трудом, что вами и было выражено в согласии принять звание почетного члена общества, мы осмеливаемся почтительнейше просить ваше превосходительство быть нашим ходатаем перед высшим правительством о разрешении сказанного с'езда, который мы предлагали бы осуществить по возможности в августе м-це. Программа с'езда нами намечена очень ограниченная а именно: 1) разработка вопроса об учреждении общего для всех обществ „Общества взаимного страхования жизни" и 2) обсуждение других вопросов, имеющих общий интерес по отношению к быту лиц, занятых частным служебным трудом".

Уже одно это заявление, в мотивах которого подчеркивается, что главная цель существования и ближайшие задачи деятельности обществ взаимопомощи есть материальная помощь своим членам и их семьям (в главе „Общества взаимопомощи" нами указано, к каким грошам сводилась эта помощь) плюс программа самого с'езда, сведенная нижегородским обществом, главным образом, к учреждению „Общества взаимного стра-

хования“ и чрезвычайно унизительная рабско-угодническая форма изложения ходатайства („и зная ваше глубоко гуманное отношение к быту лиц, занятых частным служебным трудом, что вами и было выражено в согласии принять звание почетного члена общества“) ясно показывает, что мог дать этот с‘езд торгово-промышленному пролетариату России.

С соблюдением разных полицейских условий с‘езд был разрешен „с тем, однако, условием, — читаем в отношении нижегородского губернатора на имя правления общества вспоможения частному служебному труду в Н.-Новгороде, от 13 июня 1896 г. за № 3342, — чтобы к обсуждению на с‘езде допускались только такие предметы, которые относятся непосредственно к определенной уставами деятельности сказанных обществ“.

По утвержденному губернатором „положению“ о с‘езде, „к участию на с‘езде приглашены были: а) представители обществ вспоможения частному служебному труду, приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели; б) по три представителя от биржевых комитетов: нижегородского и ярморочного, а также: 1) владельцы торгово-промышленных предприятий, присутствие коих будет признано председателем полезным и 2) представители печати.

Приглашение представителей биржевых комитетов и допущение хозяев к участию в с‘езде ясно показывают, что это был с‘езд благотворительно-филантропических обществ, но отнюдь не с‘езд для защиты профессиональных интересов трудящихся.

О таком характере с‘езда свидетельствуют и многочисленные речи, произнесенные на с‘езде при обсуждении докладов пензенского общества о выработке нормального устава и о способах, которыми можно было бы заинтересовать хозяев в развитии деятельности обществ взаимопомощи.

И. В. Горчаков (представитель екатеринодарского общества) прямо заявил, что „все общества взаимопомощи есть в сущности учреждения филантропические и потому все они имеют один общий характер; в них могут быть различны только некоторые детали, но это различие во всяком случае неважно“.

А П. И. Лельков (представитель нижегородского общества) еще более углубил эту характеристику деятельности

обществ, определенно и ясно заявив, что помощь, оказываемая обществами своим членам, носит характер подаяния, а не помощи. „Наши общества взаимопомощи, в самом деле, — как сказал один из ораторов, — носят характер филантропических учреждений. Эта форма помощи весьма неудовлетворительна. Идея именно взаимопомощи должна лечь в основу их деятельности. Теперь многие члены не прибегают к помощи общества, чтобы не пользоваться подаянием, сопряженным к тому же с большими затруднениями: иной нуждающийся член десять раз пройдет мимо правления и все-таки не протянет руку за помощью. Нужно, чтобы не подаянием он пользовался, а имел законное право на помощь. Вот при выработке нормального устава и может быть устранена вся эта тягостная филантропия“ [1]).

В докладе же пензенского общества „О способах, которыми можно было бы заинтересовать владельцев торгово-промышленных предприятий в развитии деятельности обществ“, правление общества говорит:

„Желательно бы, во-первых, привлечь на помощь к упрочению обществ владельцев фирм торгово-промышленных заведений, которые своим бы участием тем или другим путем к увеличению состава действительных членов в обществах и через что дали бы возможность создать более быстрое приращение капиталов. Общества же, в свою очередь, могли бы гарантировать перед г. г. хозяевами служебные обязанности своих членов и установившееся положение могло послужить к тому, чтобы иметь надежных исполнителей службы хозяевам и способом исправления служебных лиц, впадающих в те или другие пороки, которые влекут за собой презрение общества и хозяев“.

Как ни безграмотны эти выражения — мысли понятны. Полная приниженность человеческого достоинства и полнейшее отсутствие профессионального чутья.

С‘езд состоял частью из хозяев, частью из верхов профессии торговых служащих, т.-е. доверенных, управляющих и т. д. В этом отношении первый с‘езд точно отразил купеческо доверенческий состав обществ.

---

[1]) „Труды с‘езда представителей обществ вспоможения частному служебному труду, приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели“, стр. 68 — 69.

С‘езд был созван во время ярмарки. На ярмарку, обычно, приезжают хозяева или их доверенные и старшие приказчики, иногда и те и другие вместе. Созыв с‘езда был искусственно подогнан к концу ярмарки, дабы члены разных обществ взаимопомощи, будучи по торговым делам на ярмарке, могли попутно сделать с‘езд. Просматривая список обществ, принявших участие в первом с‘езде, мы видим, что в с‘езде приняли участие, главным образом, общества, экономически связанные с ярмаркой; из 19 обществ, участвовавших в с‘езде, Поволжье, как наиболее близкое к ярмарке, дало 7 обществ, что составит немного более $^1/_3$ (37%) всех участников с‘езда. Отсюда понятно, что поездкой приказчиков на ярмарку воспользовались для с‘езда. Проще говоря, на с‘езд выбирали таких делегатов, которые все равно должны были быть на ярмарке по своим коммерческим делам, т.-е. хозяев или доверенных и старших приказчиков, а не таких лиц, которым нужно было бы специально ехать на с‘езд. В те времена, можно с уверенностью сказать, ни один хозяин не дал бы служащему отпуска на такое „баловство“.

Что участники с‘езда смотрели на занятия с‘езда, как на бесплатное приложение — своего рода развлечение — к ярмарке, видно из многочисленных речей, произнесенных на с‘езде при обсуждении различных докладов, в том числе и доклада смоленского общества об устройстве периодических с‘ездов представителей обществ взаимопомощи.

При обсуждении этого вопроса представитель самарского общества Валле-де-Барр заявил: „по моему мнению второй с‘езд нужно назначить через год, во время Нижегородской ярмарки, когда с‘езжается сюда много купцов и приказчиков, могущих *между делом принять участие в с‘езде*“ [1]) (курсив наш).

Представитель же нижегородского общества Лялькин, высказываясь против замечания одного из участников с‘езда, что 2-й с‘езд должен быть созван в Москве, как наиболее центральном пункте, отчеканил:

„Я против Москвы. Мы видим теперь на с‘езде представителей из таких отдаленных местностей, как Иркутск, Кавказ, Варшава. И это потому, конечно, что время с‘езда совпало

---

[1]) Там же стр. 78.

с ярмаркой. При всем желании привлечь на с'езд возможно большее число членов мы не достигнем этого, назначивши с'езд в Москве" [1]).

Шишов же задал президиуму и участникам с'езда очень ядовитый вопрос: „Интересно бы выяснить, какое число членов приехало специально на с'езд и какое попало на него по случаю, пользуясь ярмаркой?"

Не дождавшись ответа, Шишов продолжал: „Если рассчитывать, что часть членов поедет на с'езд с ярмарки и по случаю ярмарки, то надо назначить с'езд в первой половине июля: флаги на ярмарке поднимаются 15 июля, а торговля начинается с 25-го. Лица, желающие участвовать в с'езде, могут приехать несколько раньше, 15 июля и до 25-го во всяком случае могут быть на с'езде, а потом уже под'ехать на ярмарку" [2]).

Помимо поволжских обществ на с'езде приняли участие одно петербургское, одно московское, одно бакинское, пензенское, борисоглебское, тамбовское, варшавское, иркутское, томское, екатеринодарское, смоленское и тульское общества, что вместе с 7 поволжскими и составляют 19 обществ. Из этого списка явствует что с'езд был „сделан" едва ли одной пятой частью всех существовавших тогда в России обществ. Старейшие общества,—рижское и одесское,—отсутствовали; отсутствовали вообще общества западных, юго-западных и южных городов.

В работах с'езда приняли участие 39 представителей от 19 обществ взаимопомощи, 4 представителя от нижегородского биржевого комитета и 2 купца, допущенные согласно ст. 8 „Положения о с'езде". В числе „39 представителей" было, судя по приложениям к отчетам обществ взаимопомощи: в которых ежегодно публиковались списки действительных членов обществ — 15 доверенных, 8 управляющих и 5 приказчиков, пробывших членами общества от 8 до 23 лет, что безусловно доказывает, что эти 5 человек уже не были рядовыми служащими. Итого, значит, из 45 участников на с'езде было: 6 купцов, 23 доверенных и управляющих и 5 старших приказчиков. Сведений о социальном положении остальных участни-

---

1) „Труды с'езда", стр. 78.
2) Там же, стр. 79.

ков с‘езда у нас нет, но мы не на много ошибемся, если скажем, что и остальные 11 делегатов с‘езда, за редким разве исключением, тоже были доверенными, управляющими или, в крайнем случае, старшими приказчиками, но отнюдь не рядовыми служащими магазинов, складов или контор.

Но даже и этот состав с‘езда не мог ограничиться программой с‘езда, предложенной нижегородским обществом вспоможения частному служебному труду. С‘ехавшись на ярмарку, делегаты до открытия с‘езда выработали следующий перечень вопросов, подлежащих обсуждению на с‘езде, и только после утверждения губернатором представленного ему перечня вопросов участники с‘езда приступили к занятиям.

Во вновь выработанную программу были внесены следующие вопросы:

1) Об обеспечении лиц, занимающихся частным служебным трудом, на случай болезни, старости и смерти, путем взаимного страхования или иными средствами.

2) О повсеместном установлении воскресного и праздничного отдыха для лиц, служащих в торгово-промышленных предприятиях.

3) Об учреждении при обществах взаимопомощи ссудо-сберегательных касс.

4) О выработке нормального устава, общего для всех обществ взаимопомощи, как существующих, так и могущих возникнуть в будущем, в видах об‘единения действий этих обществ.

5) Относительно учреждения пенсионных касс: общих для всех однородных по идее обществ взаимопомощи и частных для каждого общества отдельно, с выработкой в последнем случае нормального пенсионного устава.

6) Об устройстве центрального справочного бюро для содействия членам общества взаимопомощи в приискании занятий и сосредоточении всякого рода сведений и справок, касающихся деятельности этих обществ и будущих периодических с‘ездов.

7) О возможности и желательности учреждения печатного органа, который служил бы исключительно интересам и нуждам лиц, занятых частным трудом.

8) Об урегулировании отношений между служащими и их хозяевами, в целях ограждения произвола с обеих сторон.

9) О приеме в члены обществ лиц женского пола, занятых торгово-промышленным и вообще частным служебным трудом.

10) Об устройстве периодических с‘ездов представителей однородных по идее обществ взаимопомощи.

11) Об основании общего капитала для общеобразовательных нужд членов обществ взаимопомощи.

12) О возможности ограничения известным числом часов торговли в магазинах, складах и т. п. торговых заведениях и занятий в частных конторах.

13) Об обязательном установлении для всех служащих в торгово-промышленных предприятиях лиц расчетных книжек или иного вида документов, с обозначением в них оклада жалования, срока службы и других, существующих между нанимателем и нанимаемым обязательств.

14) О привлечении хозяев торгово-промышленных предприятий к удовлетворению жалованием в течение известного времени служащих у них лиц в случае болезни или ликвидации дел.

15) Об учреждении разного рода коммерческих учебных заведений.

16) О возбуждении перед правительством ходатайства о приеме на службу при казенной продаже питей лиц, состоящих членами обществ взаимопомощи в тех губерниях, где с введением казеной монополии многие служащие по винной торговле у частных лиц остались или останутся без должностей.

17) *О способах, которыми можно было бы заинтересовать владельцев торгово-промышленных заведений в развитии деятельности обществ взаимопомощи* (курсив наш).

Из этой программы видно, что наряду с вопросами взаимопомощи в нее входили вопросы чисто профессиональные: об установлении воскресного и праздничного отдыха, о сокращении рабочего дня по будням, об организации бюро по приисканию занятий, о профессиональной печати, о периодических с‘ездах, о расчетных книжках для служащих и т. д. Вместе с тем участники с‘езда, что для них очень характерно, не забыли выдвинуть в особый вопрос повестки обсуждение способов того, как можно „заинтересовать“ хозяев в развитии деятельности обществ взаимопомощи.

С‘езд открылся речью нижегородского городского головы,

барона Дельвига, который указал на некоторую ненужность с'езда, напоминал о рамках законности, предупреждал, что „напрасны будут ваши цветы красноречия“, и по вопросу об урегулировании взаимоотношений между служащими и хозяевами выразился в том духе, что лучше бы с'езд этим вопросом не занимался. Словом „пужал“. Прения с'езда показали, однако, что „пужать“ было некого: разговоры велись довольно робкие и были достаточно бессодержательны.

Из пяти заседаний с'езда два (26 и 27 августа) были целиком посвящены вопросу об обеспечении лиц, занимающихся частным трудом, на случай болезни, старости, смерти путем взаимного страхования или иными средствами, т.-е. тем же вопросам благотворительности, какими приказчичьи общества почти исключительно занимались вплоть до первой революции.

Любопытные сценки, характеризующие косность и отсталость участников с'езда, разыгрались при рассмотрении докладов о приеме в число членов обществ взаимопомощи женщин, о воскресном и праздничном отдыхе и др.

Доклад саратовского общества взаимопомощи о допущении в число членов женщин, служащих в банках, конторах, магазинах и различных учреждениях (до 1896 г. женщины в число членов обществ, за редким исключением, не принимались), вызвал горячие дебаты.

К. К. Блотнер (представитель нижегородского общества), протестуя против приема в члены общества женщин, доказывал, что „везде, где есть женщины, имеют место разные неприятности, нарушающие правильное течение дня, всюду они вносят с собой раздор, разврат и несогласие“ [1]).

А. Е. Байер (представитель варшавского общества) заявил: „У нас в Варшаве состоят членами общества 74 женщины и никаких неприятностей от их присутствия не замечается, но я должен сказать, что женщины у нас не пользуются правом голоса и не могут быть избираемы в правление — потому только, — глубокомысленно замечает оратор, — у нас тихо“ [2]).

Еще более характерно выступление В. Г. Иконникова (представитель нижегородского общества). Этот делегат по-

---

[1]) „Труды с'езда“, стр. 76.
[2]) Там же, стр. 76.

просту, без об‘яснения причин, стал кричать: „Женщины везде производят сумятицу, долой их!“ [1]).

Правда, были и такие делегаты, как И. Д. Мягков (Тамбов), С. И. Коробов (Москва) и многие другие, которые горячо защищали женщину вообще и женщину-труженницу в особенности. Да и сам с‘езд большинством голосов решил рекомендовать всем приказчичьим обществам открыть доступ в свои ряды для женщин, служащих в учреждениях, банках, конторах, складах и магазинах. Но все же разговоры на с‘езде наглядно показали всю плесень, которой были покрыты общества взаимопомощи.

Убожество мысли, дух крепостничества, запуганность—все это в полной мере оказалось при обсуждении вопросов, наиболее близко задевающих интересы приказчичьих масс.

При обсуждении вопроса о повсеместном установлении воскресного и праздничного отдыха делегат Ф. А. Губченко (Рыбинск) просил с‘езд „ходатайствовать о прекращении торговли во всех торговых заведениях, кроме торговли с‘естными припасами“ [2]).

С. И. Коробов (Москва) пошел еще дальше. Этот делегат хотел в корне вырвать засевшую „в безумных головах мысль о полном воскресном отдыхе“ и, забегая вперед, просил с‘езд принять следующее постановление: „на тот случай, если наше ходатайство не будет удовлетворено в полной мере, просить о сокращении торговли в воскресные и праздничные дни и, в таком случае, назначить часы, в которые должна производиться торговля“ [3]).

Проще говоря, Коробов стремился к тому, чтобы с‘езд сам указал правительству тот путь, по которому всю затею с воскресным и праздничным отдыхом можно свести к нулю.

Если Коробов, числившийся в либералах (в 1905 г. он даже записался в конституционно-демократическую партию), постарался замаскировать затаенную мысль хозяев и правительства, то прославившийся своим черносотенством Н. Н. Шишов (Нижний-Новгород) распоясался во всю.

„Наши дебаты едва ли удобны и едва ли к чему-нибудь приведут, — заявил этот делегат. — Мы высказываемся одно-

---

[1]) „Труды с‘езда“, стр. 76.

[2]) Там же, стр. 49.

[3]) Там же, стр. 49.

сторонне, принимая в расчет только интересы приказчиков. Правительство при рассмотрении нашего ходатайства, несомненно примет в расчет не одни только наши интересы, но также и интересы торговцев и потребителей. Поэтому мы должны ограничиться одним только постановлением: ходатайствовать о сокращении торговли в воскресные и праздничные дни (курсив наш)[1].

А вот еще картина того, как делегаты с'езда понимали и защищали интересы торговых служащих.

При рассмотрении докладов томского общества и Курнина о рабочем дне для магазинных приказчиков и конторщиков ряд делегатов из кожи лез, чтобы помешать принятию постановления о сокращении торговли до 12 часов в сутки, включая сюда 2 часа на прием пищи.

Председатель с'езда, упомянутый нами Коробов (Москва), произнес длинную речь, в которой доказывал, что рассматриваемый вопрос практически неосуществим: „Вопрос этот весьма серьезный и к нему, — предостерегал председатель, — надо относиться крайне осторожно. Я боюсь, как бы поспешным решением не вызвали мы в ком-нибудь иронической улыбки, не назвали бы нас наивными людьми. Тяжесть длинного рабочего дня мы все носим на своих плечах и вполне естественно желать нам облегчения бремени. Но не нарушим ли мы тем самым установившихся форм торговли, не слишком ли сильно заденем интересы потребителей. Вот, в чем надо нам разобраться". И не выждав, пока участники с'езда „разберутся" в поставленных им самим вопросах, Коробов тут же поучительно закончил свою речь следующими словами: „Мы должны только ходатайствовать о том, чтобы правительство взяло нас под свое покровительство" (курсив наш) [2].

Речь Коробова вызвала, правда, несколько робких замечаний двух—трех делегатов, но за то все остальные участники с'езда глубоко сочувствовали председателю и вопрос был принят в редакции последнего.

Возражая Коробову, И. А. Мягков (представитель тамбовского общества) указал делегатам, что председатель запугивает

---

[1]) „Труды с'езда", стр. 50 и др.

[2]) Там же, стр. 50.

с‘езд и дает неверное освещение вопроса. Обратившись потом непосредственно к председателю, Мягков заявил ему: „Вы указываете на отсутствие данных, характеризующих положение приказчичьего труда в Западной Европе. Но какое же особенное значение могли бы иметь для нас эти данные? Положим, что во Франции рабочий день дольше нашего, следует ли из этого, что мы должны быть довольны 19 часовым рабочим днем? Должны ли мы быть довольны тем, что у нас нет времени ни на отдых, ни на самообразование, ни на что-либо другое? Я полагаю, что отечественная торговля нисколько не пострадает оттого, если мы получим возможность человеческого существования“. Поэтому Мягков просил председателя поставить на баллотировку вопрос о 10 часовом рабочем дне [1]).

И. Ф. Горностаев [2]) (делегат ссудо-сберегательной кассы служащих по московскому городскому управлению) заявил: „совершенно присоединяюсь к мнению Мягкова и, в свою очередь, хотел бы спросить: почему почтенный наш председатель полагает, что в данном деле мы должны идти позади Европы“ [3]).

Е. А. Валле-де-Барр (самарское общество приказчиков) подчеркнул, что „человеческий организм имеет определенные рамки работоспособности. Исходя из этого, мы и должны просить, чтобы рамки труда были установлены нормальные, а таковыми нам пока представляется 10 часовой рабочий день“ [4]).

Коробова горячо поддержали Горчаков, Лялькин и другие, требуя, чтобы делегаты образумились и не зарывались слишком вперед: „Мы только должны ходатайствовать, чтобы правительство, если оно найдет возможным уважить наше ходатайство, по своему усмотрению установило продолжительность торговли“ (И. Л. Лялькин, Нижний-Новгород).

„Надо ходатайствовать, чтобы рабочий день продолжался 12 часов, от 8-ми часов утра до 8-ми часов вечера“ (И. В. Горчаков, Екатеринодар). „Надо, чтобы рабочий день был не ме-

---

1) „Труды с‘езда“, стр. 103.

2) От редакции. И. Ф. Горностаев в 1905 г. был секретарем правления Музея содействия труду, около которого было создано первое Московское Центр. Бюро профес. союзов.

3) „Труды с‘езда“, стр. 102.

4) Там же, стр. 103.

нее 12 часов“ (В. Г. Иконников). Знаменитый же Шишов предлагал с‘езду „ходатайствовать перед правительством, чтобы последнее, буде оно вообще найдет возможным сократить торговлю по будням, установило различный рабочий день не только для различных родов торговли, но и для различных возрастов приказчиков“ [1]) (курсив наш). (Читай — для доверенных и старших приказчиков рабочий день должен быть покороче, а для младшей братии — подлиннее).

В итоге всех этих дебатов с‘езд большинством 39 голосов принял постановление: „ходатайствовать перед правительством, чтобы число часов будничной торговли и занятий во всех торгово-промышленных предприятиях было ограничено до такой нормы, какую правительство найдет возможной“. Представление по принадлежности мотивированного ходатайства по настоящему предмету, по собрании необходимых материалов, постановлено было возложить на нижегородское общество, причем срок для представления этого ходатайства, в виду сложности дела, с‘езд не ограничил, но выразил надежду, что „нижегородское общество выполнит эту задачу во всяком случае до начала будущего с‘езда“ [2]).

Нижегородское общество, как легко себе представить, ходатайства не возбудило и вопрос этот, как и многие другие, рассмотренные на с‘езде, был похоронен на долгие годы.

Любопытные дебаты возникли и при обсуждении доклада саратовского общества по вопросу об урегулировании отношений между служащими и хозяевами, и томского общества, по вопросу об уплате жалованья служащим во время болезни и при увольнении по случаю ликвидации дела.

И здесь председатель с‘езда Коробов, пользуясь своею властью, свел на-нет обсуждение первого вопроса, предложив сразу же после оглашения доклада (в нем подчеркивается мысль о необходимости организации инспекции для наблюдения за исполнением хозяевами договоров, заключенных со служащими) свою стереотипную форму просить правительство „чтобы оно само нашло наиболее удовлетворительную форму попечения о служащих“.

---

[1]) „Труды с‘езда“, стр. 102.

[2]) Там же, стр. 145.

Не помогла изменению настроения делегатов с‘езда и речь К. Н. Сибрина (саратовское общество), настаивавшего на необходимости возбуждения ходатайства о введении инспекции.

„Урегулировать отношения, по-моему, возможно. Приказчик в настоящее время является по отношению к хозяину слабой стороной, зачастую он и заикнуться не может о своих правах. Служащие находятся в таком же положении, в каком не особенно давно находились фабричные рабочие. Там тоже царили бесправие и произвол, а вот теперь с введением надзора фабричной инспекции, о таком произволе уже не слышно. Точно также и мы, Пусть будет учреждена правительственная инспекция, и я уверен, что наши отношения к хозяевам будут узаконены и урегулированы, наши права, значащиеся теперь в договорах и условиях, при надзоре инспекции перестанут быть мертвой буквой“ [1]).

С‘езд внял все же призыву председателя и постановил: „просить правительство распространить на служащих в торгово-промышленных предприятиях свои попечения в ограждение их интересов в той форме, какую оно найдет наиболее удобной“ [2]).

Доклад томского общества по вопросу о выдаче хозяевами жалованья служащим за время болезни или ликвидации требовал трехмесячного вознаграждения в обоих случаях.

Председатель с‘езда со свойственной ему энергией горячо спорил против этого предложения и предложил „ходатайствовать не о трехмесячном вознаграждении, как предлагает томское общество, а о месячном, в виду того, что для чиновников, напр., установлен месячный отпуск, а не трехмесячный, по крайней мере, кроме исключительных случаев“. На замечание же Загибалова (томское общество), что „отпуска чиновников не имеют никакого отношения к болезни, в нашем же докладе речь идет именно о болезни приказчиков. Надо ходатайствовать о трехмесячном вознаграждении“, председатель огрызнулся следующей речью: „Приказчик может заболеть, прослуживши всего две недели. Странно было бы, если бы он и в этом случае требовал себе трехмесячного отпуска или вознаграждения. Что касается ликвидации дел, то ведь ликви-

---

[1]) „Труды с‘езда“, стр. 75.
[2]) Там же, стр. 143.

дируемые фирмы обыкновенно заранее сокращают весьма значительно штат служащих. Так что едва ли наше ходатайство в этом случае принесет какие-либо практические результаты“[1]). Это циничное заявление председателя развязало язык остальным делегатам.

И. Горчаков (екатеринодарское общество), недоумевая, воскликнул: „Но за что, я вас спрашиваю, хозяин будет платить, если он увольняет приказчика: за его непригодность, что ли?“

А. Дубов (самарское общество) пошел еще дальше и заинтересовался вопросом о нравственности приказчиков. „Не создадим ли мы нашим постановлением, — вопрошал он, — разумеется в случае утверждения, затруднения для самих приказчиков: не разовьем ли мы профессионального надувательства со стороны негодных служащих и не подорвем ли тем самым репутацию честных работников. Ведь это, на самом деле, возможно и даже весьма. Положим, что негодный приказчик поступает к хозяину и за свою негодность скоро увольняется, получая вознаграждение, поступает к другому, третьему и там то же самое. После этого хозяева будут относиться подозрительно и к действительно знающим и честным приказчикам“ [2]).

Не могли спасти положение и заявление Шурова (московское общество) доказывавшего, что „служащие часто увольняются без всякого с их стороны повода, по одному лишь капризу хозяина и потому, отстаивая свои права и интересы, мы должны чем-нибудь оградить себя от произвола, или, по крайней мере, вознаградить за него“ и Иконникова (Нижний-Новгород), отмечавшего, что „для хозяина заплатить служащему месячное или трехмесячное вознаграждение составляет сущие пустяки, тогда как для приказчика это вознаграждение составляет единственное средство существования до приискания места“ [3]). Председатель, не дав никому больше высказаться, поставил на голосование следующую резолюцию: „С‘езд выражает пожелание:

1) чтобы правительство вменило хозяевам в обязанность удовлетворять своих служащих во время болезни или ликви-

[1]) „Труды с‘езда“, стр. 106.
[2]) Там же, стр. 107—108.
[3]) Там же. стр. 107.

дации дел месячным окладом жалованья, без различия времени нахождения их на службе.

2) чтобы правительство точно также сделало для владельцев торгово-промышленных заведений обязательным удовлетворение жалованием в размере не менее, как за один месяц, в случае увольнения от должности без уважительных причин лиц, прослуживших не менее одного года, и

3) чтобы во время призыва служащих в учебные сборы хозяева сохраняли за ними право возвращения на прежние места" [1]).

Само собою понятно, что царское правительство, если бы даже эти постановления и были доведены до его сведения в свое время, ничего не сделало бы по ним, но центр тяжести в том, что делегаты с'езда раз'ехались немедленно по окончании работы с'езда, не составив определенной докладной записки на имя правительства по рассмотренным вопросам. Время, таким образом, было потрачено для развлечения на время ярмарки. Конец каждого заседания сопровождался чаепитием с легкой закусочкой, а закрытие с'езда — товарищеским обедом" всех участников с'езда совместно с представителями биржевого комитета и других купцов, а также хора певчих под управлением Кривавуса. Даже в этом закрытии с'езда сказалась широкая натура русского купечества кончать каждое дело выпивкой и закуской. А поторговав вдоволь на ярмарке и наговорившись досыта на с'езде, отчего и не кутнуть всласть.

Второй с'езд представителей приказчичьих обществ, созванный в Москве в июле 1898 г., был значительно менее интересен, чем первый. Председатель второго с'езда С. И. Коробов в своей вступительной речи отметил разницу между программами двух с'ездов: „Предлагая к обсуждению намеченную программу, я должен заявить, что московское общество (приказчиков), взяв на себя инициативу выработать таковую ко второму с'езду, долго и много ходатайствовало о том, чтобы утвердили для нас программу, выработанную в Нижнем. Теперь у нас в программе осталось лишь одиннадцать вопросов [2]) из 17-ти первого с'езда. В числе других московский

---

[1]) „Труды с'езда", стр. 147.

[2]) „Труды 2-го с'езда", стр. 14.

обер-полицмейстер, на утверждение которого была представлена программа с‘езда, вычеркнул вопросы: 1) о праздничном отдыхе, 2) о сокращении торгового дня в будни, 3) об устройстве периодических с‘ездов представителей приказчичьих обществ, 4) об урегулировании отношений между приказчиками и хозяевами и т. д.“

Но и помимо указанной программы с‘езд оказался хуже первого, благодаря составу участников с‘езда (помимо купцов в нем приняли участие и чиновники) и благодаря разлагающему влиянию, которое оказали на членов с‘езда „хлебосольные москвичи“, взявшиеся за организацию и прославившиеся своим черносотенством. С‘езд открылся под звуки гимна „боже царя храни“, исполненного троекратно „по единодушному требованию публики“ и тут же послал телеграмму великому князю Сергею Александровичу и мин. внутр. дел с просьбой принять „искреннюю и глубокую благодарность за содействие к разрешению с‘езда“ (первому) и „за разрешенне“ (второму) [1]).

Открывая с‘езд, представитель правления вспомогательного общества купеческих приказчиков в Москве Д. И. Филатов напомнил присутствующим историю приказчичьего движения: „тридцать пять лет тому назад, в начале 60-х годов, начали боязливо скромно нарождаться наши корпоративные учреждения. Большинство *нашего уважаемого купечества* смотрело тогда с недоверием на затеи приказчиков, но постепенно с годами медленно поворачивало руль в пользу расположения и доверия к взаимовспомогательному обществу. Пользуясь настоящим случаем, *московское общество приносит особую благодарность нашим уважаемым принципалам* за внимание и доверие к нему и за их всегдашнюю готовность помочь в его нуждах“ [2]). (Курсив везде наш).

Среди вопросов, обсужденных на с‘езде, был, между прочим, вопрос об организации всероссийского союзного банка обществ взаимопомощи, который мог бы исполнять всевозможные поручения по комиссионным операциям, транспорту товаров, по страхованию и т. п. Иначе говоря, предлагался какой-то странный переход общества торговых служащих в общество мелких предпринимателей-барышников.

---

[1]) „Труды 2-го с‘езда“, стр. 14.

[2]) Там же, стр. 13.

Мысль, чтобы общества занялись коммерческими делами, принципиальных возражений не встретила; идея создания банка была отвегнута только из-за боязни обществ рисковать своими капиталами.

Рассмотренное и принятое с'ездом предложение о „капитале — гарантии" состояло в том, чтобы общества составляли капитал, которым они могли бы гарантировать добросовестную службу своих членов. Дело в том, что и до этого многие общества занимались рекомендацией своих членов на службу, причем они брали на себя только моральную ответственность за добросовестную службу их у хозяина. Но купцы требовали, кроме этого, и материальных гарантий. Идя навстречу своим благодетелям-членам почетным и соревнователям, с'езд принял резолюцию о создании при каждом обществе взаимопомощи купеческих приказчиков, сидельцев и торговых служаших — капитала, из которого общества *обязаны были возмещать хозяину ущерб, в случае недобросовестной службы члена общества* (курсив наш).

Лучшим материалом для характеристики второго с'езда могут служить прения по вопросам о нормальном уставе для обществ и о расчетных книжках. Вопросы эти возникли еще на первом с'езде, который поручил московскому обществу выработать проект нормального устава и представить этот проект для обсуждения и утверждения второму с'езду, а также возбудить ходатайство перед правительством о введении в жизнь расчетных книжек. Московское общество первое поручение исполнило, исходя из принципиального определения обществ, как „обществ взаимопомощи лиц торгово-промышленного труда", а второе снова внесло на обсуждение данного с'езда. Названием устава уже определялась принадлежность обществ именно к торговым служащим, а не вообще ко всем „нуждающимся во вспоможениях". Но это-то название показалось второму с'езду неправильным.

В речах, раздававшихся на с'езде по этому вопросу, определенно подчеркивалось, что общества взаимопомощи, как организации благотворительные, могут и даже должны об'единить всех нуждающихся, но ни коим образом не лиц одной профессии.

Представитель петербургского общества служащих путей сообщения Л. В. Пиотровский заявил: „у нас существуют пра-

вила плавания по внутренним водам; они санкционированы высшей властью и названы „временные правила“. Таким образом, если мы вычеркнем слово „устав“ и заменим его словами „временные правила“ нормальных положений, то такой труд будет пригоден для организации других корпоративных учреждений и может служить основанием при выработке всякого другого устава. Такие правила нормального положения сослужат службу не одному коммерческому миру, и благая идея войдет на точку своего высокого признания“.

Вот этого безграмотного заявления было достаточно для того, чтобы свести на-нет работу комиссии по выработке нормального устава профессиональных обществ служащих в торгово-промышленных заведениях.

И. Ф. Горностаев (ссудо-сберегательная касса служащих по московскому городскому управлению), поддерживая Пиотровского, заявил: „Очень желательно выработать такой нормальный устав, но, к сожалению, московское общество приказчиков слишком узко поняло свою задачу и, разрабатывая проект устава, имело в виду только торгово-промышленное сословие. Профессиональный труд в уставе отсутствует так же, как и другие категории работников—лица, не причастные к торговой промышленности: сельские учителя, доктора и т. д., для которых, таким образом, должен быть выработан другой устав. Название „торгово-промышленный труд“ упомянутое в проекте устава, не соответствует фактическому положению вещей, потому я предлагаю заменить его „служебным трудом“ [1]).

Представитель бакинского общества, Миронов, перечислив ряд обществ взаимопомощи, в коих наряду с купцами, доверенными, приказчиками, бухгалтерами, уживаются врачи, капитаны пароходов, мастера, фабриканты, чиновники и лица других профессий, потребовал, чтобы заголовок был изменен другим названием.

Заслуживают быть отмеченными и некоторые пункты проекта нормального устава. Параграф 26-й гласит: „Поводом к исключению действительного члена служит злоупотребление доверием лиц и учреждений, у которых он состоял на службе, и сознательное нанесение вреда обществу“. Параграфом же 20-м для получения членом общества пособия в случае

[1]) „Труды 2-го с‘езда“, стр. 47.

потери места требуется „*представить аттестат от лица или учреждения, в котором он служил, с указанием причины увольнения*“. Параграф предписывает обществам взаимопомощи „*выдавать своим членам премии за долгосрочную службу у хозяев*“ (курсив наш).

Не менее любопытны и прения, развернувшиеся на с‘езде при обсуждении этих и некоторых других параграфов устава. Председатель московского общества купеческих приказчиков Филатов, отстаивая редакцию приведенных выше параграфов, отчеканил: „На практике мы видим, что долголетняя служба очень ценится *нашим московским купечеством*. Так, в прошлом году мы чествовали одно лицо по случаю 50-тилетия его службы. Общество гордится такими членами и относится к ним с сочувствием. Мы посылали этому лицу поздравления, выбрав из своей среды депутацию... Московское общество оказало внимание лицам за долголетнюю службу“ [1]).

В этом духе высказался целый ряд ораторов и после непродолжительных прений по этому вопросу с‘езд принял резолюцию о том, что „общество поощряет своих членов за долголетнюю службу наградами в виде адресов, звания почетного члена, жетонов и т. п.“.

Щадя место, мы ограничимся только приведенными выписками из протоколов с‘езда, но эти краткие замечания наглядно показывают, что в сознании самих участников с‘езда общества взаимопомощи были ни чем иным, как обществами филантропическими, с одной стороны, и поставщиками хозяевам вымуштрованной, покорной рабочей силы, с другой стороны.

Интересные прения, рисующие самодурство и чванство не только купцов, но и других участников с‘езда, развернулись при обсуждении вопроса об обязательном установлении рассчетных книжек для всех лиц, служащих в торгово-промышленных предприятиях.

Застрельщиком обструкции, устроенной делегатами с‘езда Курнину за его гуманное отношение к торговым ученикам и рядовым приказчикам, явился Лялькин (нижегородское общество).

„Я совсем не понимаю, — недоумевал Лялькин, — почему

---

1) „Труды 2-го с‘езда“, стр. 52.

этот вопрос попал в программу второго с'езда. До мельчайших деталей и со всеми тонкостями он рассматривался на первом с'езде, на котором последовало постановление, выразившееся в пожелании, чтобы правительство обязало хозяев выдавать всем своим служащим расчетные книжки [1]).

Представитель же воронежского общества И. П. Хандомиров просто потребовал снять доклад. „Доклад Курнина касается резко хозяев, и совсем умалчивается о том, что должны дать им служащие. Я думаю, что надо принять во внимание интересы как той, так и другой стороны; нежелательно, чтобы вопрос обсуждался односторонне, это несправедливо. Нам нужно знать условия хозяина, но необходимо также и хозяину знать обязательства, которые принял на себя служащий. Если я нанялся, напр., писать вывеску и, вместо того, чтобы работать, как следует, я мажу только, то неужели, хозяин не может мне отказать или взять хоть с меня штраф. Необходимо выяснить обоюдные обязательства" [2]).

И. Г. Казачков (ростовское общество) пошел еще дальше, заявив, что не позволит так обсуждать вопрос. „Выслушав доклад Курнина, приходится притти к заключению, что хозяева какие-то вампиры; от них служащим непременно нужно взять до мельчайших подробностей обязательства, а между тем, докладчик ни слова не говорит о том, что дадут хозяину служащие. Так обсуждать вопрос нельзя. Я представитель крупной фирмы и заявляю, что мы должны итти с хозяевами рука об руку; мы должны поддерживать не только свои интересы, но и хозяйские. Если мы будем любить только себя, то от нас отвернутся, как от чумных" [3]).

Лельков (Нижний-Новгород), выслушав Казачкова, просто стал кричать: „Верно! совершенно верно! доклад очень односторонен, снять его с обсуждения немедленно".

На робкое замечание Курнина, что его не поняли, что в докладе он, наоборот, ясно подчеркнул, что необходимо только сохранить в книжке точное определение занятий и др. условия, при которых служащие могли бы вести мало-мальски порядочный образ жизни. Казачков стал кричать: „хозяину невыгодно

[1]) „Труды 2-го с'езда", стр. 104.

[2]) Там же, стр. 104—105.

[3]) Там же, стр. 105.

определять время обеда служащих: в книжке будет указан известный час обеда, в это время может притти покупатель; кто же будет заниматься с ним? Я хорошо знаю это, так как мне приходится иметь дело с расчетными книжками. Затем я хотел еще добавить: Курнин утрирует, говоря, что служащим приходится оставаться без обеда до 11 час. вечера, а, утрируя, создает для хозяев драконовский закон“ [1]).

И. С. Кукин (московское вспомогательное общество приказчиков) спокойным деловым тоном, как и подобает „солидным общественным деятелям первопрестольной“, заявил: „прося правительство об установлении книжки, мы рискуем, что желательные пункты не будут уважены, а условия книжки будут такие, что всем нам свяжут руки. Возьмем хоть пункт о времени для обеда: едва ли кто согласится дать для этого 1½ часа, и едва ли мы имеем шансы на это рассчитывать. Вот, напр., если мы спросим нашего уважаемого председателя, возможно ли, чтобы банк отпускал на 1½ часа своих служащих от 2 до 4 час., то он ответит, конечно, нет: все заняты неотложным делом. Так и у частных лиц. *Не лучше ли нам сохранить хорошие отношения с хозяевами и остаться с ними друзьями.* Вот и относительно летнего времени. Наш хозяин дает служащим отпуск, а *на других местах этого не принято, и ничего нельзя сделать.* Что же сделаем мы путем нашего ходатайства. Благодаря нашим книжкам, *нас нигде не будут брать*, а это очень рискованно для человека труда, поэтому *лучше будем держаться того, что имели до сих пор*“. (Курсив везде наш) [2]).

На замечание же Курнина, что все рабочие пользуются временем для обеда, знакомый уже нам по 1 с‘езду, черносотенец Шишов отчеканил: „условия фабрики и торговли различны: торговля находится в зависимости от публики. *Поэтому нет возможности отпускать приказчика на обед и обязать хозяина держать для этого двойной штат служащих*“ [3]). А представитель лодзинского общества приказчиков Дунович, стуча кулаком по столу, про-

---

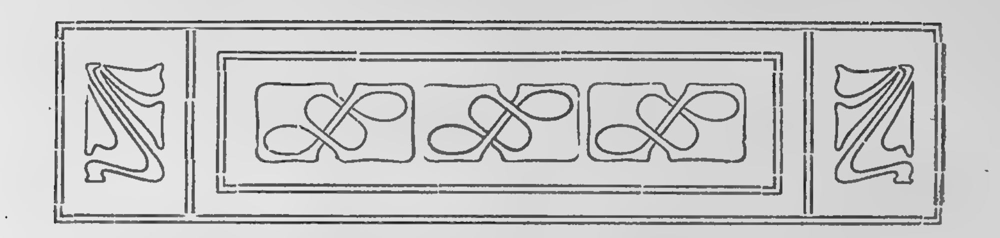
[1]) „Труды 2 с‘езда“, стр. 107—108.

[2]) Там же, стр. 110.

[3]) Там же, стр. 110.

кричал: „ссылка на рабочих малодоказательна: у них праздничный отдых давно существует, а у нас вопрос о праздничном отдыхе снимают с очереди“.

Если к сказанному добавить еще, что во время голосования вопроса демонстративно покинули зал заседаний П. И. Лельков, Н. Н. Шишов, О. Е. Пермяков, И. Г. Казачков, М. А. Сушков, Е. А. Валле-де-Барр, И. Л. Лялькин, И. П. Хандомиров и другие, тогда получим приблизительно впечатление о том „истинно русском купеческом духе, который царил на обоих с‘ездах и в обществах взаимопомощи того времени, по доверию коих делегаты с‘езда выступали“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Положение торговых служащих в начале XIX столетия.

Происхождение российского купечества. Причины оторванности торговых служащих от обще-пролетарской рабочей семьи. Возраст торговых учеников, их рабочее время, заработная плата, жизнь, быт, квартирные условия, болезненность. Покупка купцами детей. Заявление Грязнова. Начало широкого применения женского труда. Количество служащих Ро сии. Труд приказчиц и конторщиц, их рабочее время, заработная плата, жизнь и быт, квартирные условия. „Взятки натурой". Случайная и профессиональная проституция. Различное рабочее время у лиц администрации и у рядовых приказчиков. Причины, вызвавшие это различие. Рабочее время торговых служащих в различных городах у приказчик в различных отраслей торговли. Влияние сезона на рабочее время. Зазывание покупателей. Обеденный перерыв. Рабочее время торговых служащих по будням, воскресным и праздничным дням. Движение среди торговых служащих юга России Заработная плата у сезонных приказчиков. Процентное вознаграждение. „Приработок от посторонних дел". Условия, влиявшие на размер заработной платы. Колебание величины заработной платы у различных групп торговых служащих. Процентное вознаграждение с прибыли лицам администрации. Квартиры приказчиков Одессы, Петрограда и др. городов. Количество сырых, темных и холодных квартир. Хозяйские квартиры. Количество служащих каждой отрасли торговли, живших в неудобных и антисанитарных квартирах. Влияние антисанитарных условий жизни и труда на здоровье служащих. Отсутствие средств на лечение. Моменты зарождения болезней у рядового работника по торговле. Профессиональные болезни приказчиков. Количество приказчиков, болевших ревматизмом, катарром желудка, катарром бронх, нервным расстройством, венерическими болезнями. Количество болезней, падающих на одного приказчика. Культурное развитие приказчиков. Количество неграмотных, умеющих только читать и писать, кончивших народные или городские училища, средне-учебные заведения. Количество грамотных мужчин, женщин, детей и подростков. Колебания процента грамотных в зависимости от возраста торговых служащих. Рабочий день, заработная плата, жизнь и быт кооперативных служащих 80-х годов прошлого столетия Ухудшение положения служащих потребительских обществ в 90-х годах прошлого столетия. Рабочий день кооперативных

служащих по будням, воскресным и праздничным дням. Сверхурочные работы. Заработная плата. Запрет служащим кооперации состоять членами профессиональных организаций. Черная доска. Количество служащих в кооперации до революции. Кооператоры-служащие не могут быть там, где сами руководители—не кооператоры. Положение банковских служащих. Их рабочее время, заработная плата, сверхурочная работа, жизнь и быт.

В предыдущих главах мы уже подчеркнули, какой дух крепостничества и полицейского застенка реял над деятельностью обществ взаимопомощи и над работой с‘ездов приказчиков. Рабство, унижение работника, граничащее с потерей человеческого достоинства, чередовалось в торговом мире со зверством и издевательством над младшей братией. Доверенные и старшие приказчики вымещали на младшем приказчике и торговом ученике все те нечеловеческие страдания, которые им пришлось пережить, пока они не добрались до своих постов.

Из среды купеческих семей вышло много известных писателей (Потехин, Лажечников, Полевой, Гончаров, Никитин, Кольцов, Максимов и др.), которые, не щадя сил и времени, трудились над изобличением русского купечества в самодурстве цинизме, воровстве, мошенничестве, грабительстве. Минуя многочисленные повести, рассказы и романы этих писателей, где яркими красками описывается жизнь и быт торговых людей, я позволю себе тут привести одну только краткую выдержку из рассказа А. П. Чехова, „Три года“, где одно из действующих лиц рассказа — Лаптев, говорит своему брату, кичащемуся своим купеческим достоянием и званием: „Именитый род, говоришь ты! Какой там именитый род? Деда нашего помещики драли и каждый последний чиновничишка бил его в морду. Отца драл дед, меня и тебя драл отец. Что нам с тобой дал этот именитый род? Какие нервы и какую кровь мы получили в наследство. Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шаг, точно меня выпорют, я робею перед ничтожествами, идиотами, скотами, стоящими неизмеримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворников, швейцаров, городовых, жандармов, я всех боюсь, потому что я родился от затравленной матери, с детства я забит и запуган... Мы с тобою хорошо сделаем, если не будем иметь детей. О, если бы дал Бог, нами кончился этот именитый купеческий род. Велика важность — миллионное дело! Человек без особого ума, без способностей, случайно

становится торгашем, потом богачем, торгует изо дня в день, без всякой системы, без цели, не имея даже жадности к деньгам, торгует машинально и деньги сами идут к нему, а не он к ним. Он всю жизнь сидит у дела и любит его потому только, *что там можно начальствовать над приказчиками, бить их и издеваться над ними, как когда-то издевались над ним самим и его отцом, дедом. Он старостой в церкви потому, что там можно начальствовать над певчими и гнуть их в дугу; он попечитель школ потому, что ему нравится сознавать, что учитель—его подчиненный и что он может разыгрывать перед ним начальство.* Купец любит не торговать, а начальствовать, и амбар не торговое дело, а застенок. Да, для такой торговли *нужны приказчики обезличенные и вы сами приготовляете себе таких, заставляя их с детства кланяться вам в ноги за кусок хлеба и с детства вы приучаете их к мысли, что вы их благодетели.* Небось, вот, университетского человека, ты в амбар к себе не возьмешь!“ (курсив наш).

Ничего удивительного, следовательно, нет в том, что в этом мире вечной наживы, обмана, рабства и насилия у торговых служащих выработалось определенное миросозерцание и стремление самому стать купцом.

Приказчик уже с ученических лет начинает постигать, какое значение в той среде, в которую он попал, имели деньги Их обаянием была пропитана вся атмосфера, которой он дышал. Деньги делали свободным от лишений и унижений, которые приказчик терпел с самых ранних лет, делали господином других. Следовательно надо было стараться добыть деньги во что бы то ни стало. И приказчики старались скопить деньги: кто путем голодной экономии, кто путем „залезания в выручку хозяина“, кто мошенничеством и обманом, а кто путем получения приданого у невесты. Достаточно было в старину такому приказчику достать рублей 500—600, он сразу бросал службу, снимал где-нибудь на базаре или на одной из нецентральных улиц помещение, начинал торговать. Некоторые из них благодаря различным приемам чисто уголовного характера (поджог застрахованного товара, который накануне пожара увозился из магазина, банкротство и т. д.) „выходили в люди“, т.-е.

превращались со временем в купцов. Большинство российского купечества, главным образом, провинциальных городов, вышло из приказчичьего сословия, вынесло на себе все стеснения и невзгоды подневольной жизни, благодаря чему они всегда стремились перещеголять друг друга в смысле различных притеснений своих служащих.

Эта видимая аномалия имеет, разумеется, свои глубокие причины и может быть до известной степени об'яснена тем, что подневольное состояние способствует выработке рабских инстинктов и привычек, которые при удобном случае переходят в страшный деспотизм.

Рост и концентрация капитала в торговле в конце XX столетия лишили мелкого и среднего купца возможности долго продержаться на рынке и конкурировать с универсальным магазином, как Мюр и Мерилиз и др., благодаря чему обзаводившийся собственным делом приказчик быстро все терял и возвращался снова на службу. У большинства же приказчиков эти примеры вышибли из головы мысль, что „сегодня я раб, а завтра сам господин, сам буду экплоатировать чужой труд".

В значительной степени способствовало оторванности и отчужденности торговых служащих от общепролетарской рабочей семьи также и то, что громадный процент торговых служащих России падает на детей и подростков. В Москве на 100 тысяч приказчиков и конторщиков числилось 30 тысяч детей и подростков [1]). В Петербурге на 150.000 служащих — 72.000 детей и подростков [2]); в Одессе на 25.876 приказчиков — 8.507 детей и подростков [3]); в Варшаве на 65,000 служащих—16.816 торговых учеников; в Екатеринославе на 8.500 приказчиков — 2829 торговых учеников и т. д. [4]).

Столь же существенной причиной следует считать и отсутствие у приказчиков возможности собираться вместе и столковаться относительно методов борьбы за улучшение своего положения. Приказчики всегда были разобщены. Работая рука-об-

[1]) Д-р С. Листов. „К вопросу о положении торговых мальчиков". „Правда", II, за 1904 г., стр. 99.

[2]) М. Розен. „Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России", стр. 20.

[3]) А. М. Гудван. „Приказчичий вопрос", стр. 27.

[4]) Его же. „В царстве тьмы и эксплоатации", изд. 1909 г. Петербург. стр. 25—31.

руку на фабрике, заводе, мастерской, рабочим легче было даже в старину быстро собраться, обсудить волнующий их вопрос и принять соответствующее решение. Будучи разобщенными, работая в среднем по 2—3 человека в магазине под зорким оком хозяина или его ставленника, приказчики были фактически лишены возможности столковаться как о своих задачах и нуждах, так и относительно своих врагов и друзей. Им, естественно, приходилось ждать помощи извне. И как только помощь эта появилась, приказчики быстро порвали с прошлым и примкнули к промышленному пролетариату.

Первоначальные выступления торговых служащих, как мы это покажем в дальнейшем изложении, носили робкий характер, но с течением времени они стали настойчиво и достойно бороться не только за улучшение своего положения, но на ряду со всем пролетариатом боролись и за обще-политические права всего русского народа.

Нами только что упомянуто было, что из всех занятых в торговле на долю детей и подростков обоего пола до 17-тилетнего возраста падает 1/3. Отсылая лиц, интересующихся подробным распределением всех торговых служащих России по полу, возрасту, национальности, образовательному цензу, рабочему времени, заработной плате, болезненности, к нашей работе „Приказчичий вопрос“, (изд. в 1905 г. в г. Одессе), мы в данной работе подчеркнем только те факты из жизни торговых служащих, которые необходимы для иллюстрации бесправного положения этой категории трудящихся.

Редко законодательство буржуазного общества идет впереди жизни, намечая ей новые пути: в большинстве случаев оно плетется далеко позади ее, время от времени закрепляя пройденный путь. Особенно правильно это по отношению законов, регулирующих социальную жизнь современного буржуазного общества с его пестрым калейдоскопом ярких противоречий и борьбы различных общественых групп. Часто закон, закрепив пройденное, превращается в препятствие к дальнейшему развитию, и борьба за новый закон обычно начинается с борьбы против старого. Проходят годы, десятки лет, изменяются нужды, переменяются нравы и взгляды, и то, что ранее казалось обычным и разумным, становится отжившим и вредным. Жизнь ставит новые цели и новые способы борьбы, и

отжившее рано или поздно уступает место новому, становясь ступенью к его укреплению и развитию.

Девяностые годы двацатого столетия русской жизни отмечены в истории рабочего движения борьбой за законодательную охрану труда. Собственно говоря, охрана труда, это есть охрана самого трудящегося и его личности, охрана ее целостности и „права на ленность", т.-е. права иметь часть времени в своем личном распоряжении свободным от труда, ибо не только труд, но и сама личность трудящегося принадлежала другому лицу. Поэтому вопрос об охране труда возник лишь после падения крепостного права, когда личность работника стала свободной. Но понадобились десятки лет, чтобы развитие производительных сил России сделало промышленный пролетариат достаточно сильным для влияния путем активных выступлений на законодательство.

Такой активной борьбы за улучшение своего положения торговые служащие развернуть не сумели и благодаря этому крепостная зависимость приказчиков сохранилась почти вплоть до революции 1917 года.

Детский труд.

Особенно тягостно было положение детей и подростков в торговле.

Оторванные нуждой от родной семьи, будучи часто выходцами из деревни, мальчики 8-ми—10-ти лет вместо школы попадали в мир, где личность человека ценилась постольку, поскольку она годна была для торгового дела.

Торговцы охотнее брали мальчиков из других губерний с той целью, чтобы мальчик не отлучался к родителям и чтобы последние не навещали его. Мальчик, таким образом, поступал в полное распоряжение хозяина, который являлся для него воспитателем, учителем и т. п. Без разрешения хозяина он не смел шагнуть никуда от дома или магазина.

Прежде чем познакомиться мальчику с торговым делом, ему приходилось пройти ряд всевозможных мытарств и лишений, не имеющих ничего общего с торговлей. Мальчикам приходилось вставать раньше всех, часто в 4½—5 часов утра, чтобы убрать магазин, наносить дров, вычистить сапоги, платье, приготовить самовар для взрослых, перечистить посуду, помочь

кухарке на кухне и затем целый день быть на побегушках, стоять на улице, независимо от времени года и погоды, и зазывать покупателей, относить покупки на дом, распаковывать и перекладывать товар и т. п. Ложились мальчики позже всех, в $11^{1}/_{2}$—12 часов ночи. Таким образом, рабочий день мальчиков продолжался почти 19—20 часов в сутки.

Мальчик не имел права заявлять каких-либо жалоб, он должен быть знать и вечно помнить, что он существо бессловесное, лишенное права протеста. За малейшую неаккуратность или невинную детскую шалость он получал подзатыльники и от хозяина, и от приказчиков, и от членов семьи, и от кухарки, кучера и т. п. Часто мальчиков били и хозяева, и приказчики за одно и то же. С. В. Курнин в своей брошюре „О воскресном отдыхе“ свидетельствует, что в 172 случаях мальчики были избиты за то, например, что им не удалось пронести мимо хозяйских глаз водку, за которой их послали приказчики. Хозяева избили упомянутых мальчиков за то, что пошли за водкой, а приказчики — за то, что хозяин узнал от мальчиков об этом. Битье мальчиков практиковалось даже в очень крупных фирмах. Д-р С. И. Листов [1]) сообщает о таком факте: „в одной из первоклассных московских фирм приказчик велел мальчику подать ему с полки кусок материи. Поданный кусок оказался не тем, какой требовался. Тогда приказчик на глазах покупателей ударил мальчика этим куском товара по голове так, что мальчик тут же свалился весь окровавленный“. О таком же избиении говорится и в моей работе: „Приказчичий труд“. Констатируя факты избиения, мне удалось изобличить в Одессе ряд купцов в том, что ими украдены были полицейские протоколы об избиении ими своих торговых учеников из камеры мирового судьи 12 уч. г. Одессы, Никифорова, куда протоколы были направлены на предмет привлечения купцов к ответственности.

Законом, как мы уже отметили в главе „Дореформенное законодательство“, торговые ученики не были ограждены не только от чрезмерно длинного рабочего дня, но даже от побоев. Наоборот, по своду законов Российской Империи купцы имели право „малолетних сидельцев за шалости наказывать розгами“.

---

[1]) Доклад, читанный 14 марта 1905 г. в санитарн. отд. М. О. И. Р. технического общества.

Кроме непомерной продолжительности, поглощающей даже время, необходимое для сна, работа мальчика при магазинах и лавках во многих случаях обставлена была и другими вредными влияниями на его здоровье. Мы уже говорили, что он должен был выбегать на улицу независимо от времени года и погоды и зазывать покупателей. Коченея от холода, наперебой друг перед другом, эти „зазывалы“ на чем свет стоит расхваливали сомнительный товар своих хозяев, зазывая каждого из прохожих с величайшей назойливостью.

Херсонский санитарный врач В. А. Мефодиев свидетельствует, что торговые ученики работали в чрезвычайно антигигиенических условиях. „При многих специальностях торговли— говорит он — создаются специфически вредные для здоровья влияния. Так, например, в табачных магазинах мальчик, наравне со взрослыми, должен был находиться в атмосфере, наполненной удушливыми табачными испарениями. При мучной торговле мука садится на легкие и т. д.“ [1]). И при описанных условиях указанный ученик находится бессменно те же 19—20 часов в сутки, как и в других магазинах. Спать приходилось на грязных, вонючих, с массой паразитов постелях. Спали мальчики где-либо на кухне, по большей части на досках, покрытых жесткими сенниками, или мешках, набитых соломой. Помещение в большинстве случаев небольшое, сырое и холодное, в котором находили себе ночной отдых от 5-ти до 15-ти мальчиков. Воздух, благодаря отсутствию вентиляции, особенно зимой, тяжелый, ощущается сильный запах пота. По выражению д-ра Явейна, приглашенного в Петербург к больному мальчику, „арестанты в тюрьме находятся в более гигиенических условиях, чем торгово-служащие и мальчики у некоторых хозяев“. У иных хозяев мальчики спали в прихожей на полу, около парадной двери, дабы быстрее отпирали двери запоздавшим членам семьи.

„Постели, — свидетельствует доктор Листов, — не менялись у некоторых хозяев по 4 года, т.-е. в течение всего времени прохождения мальчиком „науки“. При этом нужно заметить, что и самые помещения, в которых наравне со взрослыми имели ночлег мальчики, отличались более, чем в 55% различ-

---

[1]) „Врачебная Газета“. 1905 г. № 7, стр. 214.

ными недостатками. Между последними чаще всего фигурируют: теснота, сырость, холод и недостаточное освещение.

На завтрак мальчикам отпускалось $^1/_4$ ф. черного хлеба и стакан чаю. Обедали мальчики на дому, отправляясь за обедом для приказчиков, или в лавке после приказчиков. В том и другом случае на скорую руку. Обед обыкновенно состоял даже в первоклассной фирме из щей или супа и крохотного кусочка мяса. У среднего же купца или мелкого лавочника обед состоял из куска хлеба с селедкой, или хлеба с луковицей. Зато чай пили по 4—5 раз в день, особенно в зимнее время. С одной заварки чая сначала пили хозяин и его гости, затем приказчики, а остатки уже допивали мальчики.

Само собой понятно, что все перечисленные условия сильно отражались на здоровье детей, задерживая физическое и духовное их развитие, сообщая ему неправильный ход. В ученические годы торговый мальчик находится в таком периоде физического развития, когда основа его туловища — позвоночник — далеко еще не закончил процессов окостенения, а в таком случае тяжесть тела не может удерживаться в должном положении условиями равновесия отдельных частей, как это имеет место у взрослого, и держится исключительно усилиями мышц. Не имея достаточной опоры костяка, и принимая всю тяжесть работы на себя, мышцы быстро утомляются. Всем известно, напр., как тяжело работать, имея под собой зыбкую почву. В виду этого организм малолетних утомляеется скорее, чем организм взрослых, даже при легкой, непродолжительной и однообразной работе, которая и приводит его в конце-концов к истощению, если нет при этом правильных промежутков для отдыха, особенно при недостаточном вдобавок питании и негигиенической обстановке.

Принимая во внимание все вредные моменты, действующие на здоровье торговых мальчиков, не приходится удивляться тому обстоятельству, что между приказчиками, как мы это увидим ниже, царила такая громадная заболеваемость. Дело в том, что приказчики еще в ученические годы надрывали здоровье непосильной работой“.

„Человеческий скелет окончательно окостеневает, — говорит д-р Скульский, — к 23—25 годам. Остальные органы и системы нашего тела также останавливаются в росте и развитии приблизительно к этому же времени.

Чем моложе организм, тем кости мягче, и под влиянием неблагоприятных условий легче подвергаются изменениям (деформируются). Остальные органы при неблагоприятных внешних условиях во время детского и юношеского возраста также легко деформируются и нарушается их работа.

В общем можно сказать, возраст до 20 лет это есть тот период жизни человека, когда растет его тело и формируются его органы. В это же время происходит накопление энергии, слагается психика растущего организма. Организм в это время стремится развить свои силы — у него огромная потребность в движении; обычно обнаруживается большая любознательность. Это стремление к разнообразным движениям способствует циркуляции (движению) крови и равномерному развитию скелета, под влиянием движения крепнут связки, мышцы, кости, и таким образом укрепляется весь организм. Явления роста, явления бурного развития жизнедеятельности и при несложившемся еще организме, являются характерными для этого возраста, особенно детского.

Если в это время навязать организму однообразную работу в плохих санитарно-гигиенических условиях, — то вред от этого будет несравненно больший, чем для организма, уже закончившего свой рост. Здесь до 20 лет все неустойчиво, все легко вывести из равновесия; в это время неподходящие условия жизни легко ведут к физической и психической гибели молодого существа.

Поэтому в вопросе о детском труде нужно учесть все эти особенности и быть крайне, крайне осторожным.

Известный педагог Стенли Холн говорит: „Если эта колоссальная школьная машина угрожает хотя бы в малой степени разрушить физическое благополучие человеческого рода, то значит она плоха. Здоровьем обусловлены высшие радости жизни, здоровье обозначает национальное благополучие“.

При некрепком мягком скелете однообразная работа вызывает изменение костяка, вызванное положением тела. При сидячей работе с обычным наклоном туловища вперед, слегка согнутым позвоночником, легко развивается сутуловатость. Ребра неправильно изгибаются и развивается плоская, недоразвитая грудная клетка, суженая спереди назад. В такой грудной клетке легкие не могут свободно развернуться; они сдавливаются, вследствие этого дыхание становится короче, за

каждым вздохом набирается меньше воздуха, а тем самым и меньше кислорода.

От длительного сидения сдавливаются кости таза и образуют неправильный изгиб (угол) с позвоночником, развивается неправильное строение всей фигуры. В суженой грудной клетке происходит недоразвитие сердца, вследствие этого кровообращение идет неправильно, происходит плохое питание всех тканей и органов нашего тела. Вледствие плохого питания развивается отсталость в росте и недоразвитие мышечной системы.

При стоячем положении неокрепшие кости ног легко искривляются, получается плоская стопа, искривления ног в коленях и укорочение костей, вследствие этого, как это доказано неоднократными исследованиями, рост подростков, занятых на предприятиях, отстает от роста свободных детей на 3—4 сантиметра.

Сердце в этом возрасте отличается легкой утомляемостью, поэтому при работе на фабрике и заводе легко развивается ослабление сердечной деятельности, развивается сердцебиение, одышка, чувство тоски, бледность лица, головокружение и наклонность к обмороку. Под влиянием работы у подростков развивается целый ряд изменений в мышцах.

В период половой зрелости у подростков легко развивается целый ряд болезней нервной системы, сопровождающихся судорогами: падучая болезнь, виттова пляска, нервные припадки (истерики) и т. п. Вообще развивается сильная раздражительность нервной системы. Создается слабовольный, колеблющийся характер, без веры в свои силы и способности.

Все эти причины создают физическую слабость и умственное недоразвитие подростков“ [1]).

Д-р Листов утверждает, что чрезмерно продолжительная работа и побои оказывают сильное влияние и на духовное развитие детей. „Работа без регулярных промежутков для отдыха, задерживая нормальный рост тела, в частности, мозга, доводя их до истощения, делает мальчика вялым, апатичным, мало отзывчивым на высшие духовные проявления, свойственные человеку. Такое состояние вызывает потребность в искусственных раздражениях, ведя мальчиков к занятию она-

---

[1]) Д-р М Л. Скульский „Гигиена труда“, стр. 100—102.

низмом и к раннему потреблению спиртных напитков. Такие дети становятся угрюмыми, раздражительными и вялыми".

Для иллюстрации положения торговых мальчиков мы приведем еще выдержку из поступившего в правление профессионального общества торговых служащих С.-Петербурга, прошения крестьянина Ярославской губ. Александра Яковлевича Грязнова, в котором бесхитростными словами рисуется положение торговых учеников. В прошении этом, опубликованном в газете „Новая Русь" (№ 133 за 1908 г.), в отделе „Приказчичий вопрос", Грязнов просит „защитить права сына его, Николая Грязнова, поступившего в качестве мальчика в железную торговлю в Ново-Александровском рынке".

Николай Грязнов был отдан 5 марта 1908 г. в ученье Касаткину. Согласно условия, мальчик должен был получать по 3 руб. в месяц жалования и готовое содержание. Он же—Касаткин—жалования Грязнову не платил, беспощадно бил его, заставлял делать работу, ничего общего с торговою деятельностью не имеющую, напр., мыть полы, ходить с кухаркой на базар и т. п.

Спят у Касаткина на голом, грязном, никогда не мытом полу в чулане возле кухни. „Пробовал было я, — пишет Александр Грязнов дальше, — отнять своего сына, Николая Грязнова, у Касаткина и отдать его в другую лавку, но хозяин его не возвращает, ссылаясь на какой-то закон, по коему он может сына до окончания срока учения, т.-е. до $3^1/_2$ лет, не отдать". „Учить же мальчика быть человеком,—говорит Касаткин,—я имею право по закону, который разрешает мне не только бить, но и сечь розгами мальчика, если он непочтительно относится к моему семейству".

„Хочешь получить своего мальчика, — отвечает Касаткин, – уплати мне за все время, что он у меня прожил, по 25 р. в месяц, да верни мне 300 руб., истраченные мною на покупку твоего мальчика и за ученье, тогда его и получишь".

„Но где же мне, бедному мужику, взять такие большие деньги? У меня куска хлеба нет, а не то что 625 руб. заплатить господину Касаткину за свое дитя".

В заключение своего прошения Грязнов просит профессиональное общество торговых служащих помочь ему вернуть из рук Касаткина сына Николая.

В ответ на это заявление Касаткин прислал в редакцию

газеты „Новая Русь“ письмо, в котором он, между прочим, говорит: „Я с своей стороны обращаю внимание кого следует на следующее: Как я Грязнова, так и другие купцы и торговцы покупают учеников для своих лавок и магазинов у барышников, платя последним за это большие деньги. Перекупщики в зимние месяцы, м-цы наибольшего голода, об‘езжают обнищалые деревни, преимущественно Ярославской, Новгородской, Псковской и др. губ., собирают деревенских мальчиков 8—10 лет и определяют их на службу в магазины рынков, не справляясь ни с волей детей, ни с волей их родителей“.

„Честная пресса,— заключает Касаткин, — должна бороться не против отдельных лиц, а против системы покупки детей, существующей в Петербурге и др. городах. Я один бессилен бороться с установившейся традицией. Меня к этому вынуждает конкуренция, в силу которой я должен иметь как можно больше бесплатных и дешевых рук“.

Благодаря описанным выше отношениям к себе со стороны окружающих, торговый ученик, подавленный всей обстановкой жизни, скоро по опыту узнавал неравенство людей между собой. Не находя себе поддержки ни в ком, он постепенно проникался смыслом XI заповеди — „не зевай“. Он ежедневно убеждался, что только низкопоклонством и лицемерием перед хозяином старшие его товарищи улучшали свое положение, и мальчик следовал их примеру. Он рано постигал значение денег и стремился к ним всевозможными приемами. Мальчик своим восприимчивым детским умом быстро изучал тайны прилавка, ведущие к богатству, независимости и к выжиманию пота со служащих.

История знает случаи, когда мальчики никоим образом не могли примириться с колотушками и другими притеснениями и бежали от своих эксплоататоров к своим родителям или родственникам. Часть таких мальчиков, водворенных родителями обратно в лавку, после долгих мытарств по различным лавкам, прочно обосновывалась в Одесском порту, Хитровом рынке в Москве, в петроградских трущобах и тому подобных местах. Чрезвычайно интересно и образно эти бегуны описаны А. А. Белозерским. Начав свое поприще со „стрелянья“ эти бегуны вскоре погружались все ниже и ниже в омут босяцкой жизни.

Но даже при самых удачных условиях торговый ученик только после 3-х, 4-х лет, в зависимости от отрасли торговли

сило огромную голодную, оборванную многомилионную массу крестьян в ненасытную пасть эксплоататоров. Женский и детский труд издавна во всем мире являлся самым лучшим об'ектом для капиталистической эксплоатации. Пассивность женщин и отсутствие сопротивляемости с их стороны, в связи с низкой заработной платой во всем почти мире, привлекали к женскому труду симпатии капиталистов. Русский промышленник и купец со свойственной ему алчностью, само собой понятно, в данном вопросе, как и во многих других, перещеголял своих западноевропейских коллег не мало также способствовало привлечению женщин и детей к работе переход большинства фабрик к машинному производству [1].

Из свода отчетов фабричных инспекторов за 1912 год видно, что к началу 1913 г. во всех промышленных заведениях России числилось 2.151.190 рабочих. Из этого числа на долю малолетних падало 30.314 (1,4%), на долю подростков — 201.282 (9,4%) и на долю взрослых 1.919.595 чел. или 89,2%. Число лиц женского пола составляло 667.807 чел. или 31% общего числа рабочих. По сравнению с 1911 г., в 1912 г. наблюдалось увеличение числа малолетних на 3,2% в то время, как число подростков осталось неизменным. Усилилось применение труда малолетних, главным образом, в производствах, занятых производством бумаги и полиграфическом, а также по обработке дерева и в стеклянном производстве. Причина возрастания числа малолетних об'ясняется стремлением фабрикантов уде-

---

[1]) От редакции. Об'яснять особой „алчностью" русских купцов и промышленников усиленное применение женского и детского труда в русской промышленности начала XX столетия,— конечно, не приходится. Машинное производство дает возможность применять труд менее квалифицированных рабочих, не требуя при том от них большой физической силы. Вполне естественно поэтому, что, по мере своего роста капитализм стремится заменить более дорогую рабочую силу мужчин дешевой рабочей силой в виде женщин и детей. Так было в Европе, так было и у нас в России.

Если же при этом эксплоатация женского и детского труда в России была больше чем в западной Европе, то это об'яснялось не „свойственной русским купцам и промышленникам" алчностью, а тем фактом, что, благодаря росту рабочего движения, законодательство западно-европейских стран гораздо раньше стало вводить ограничения для труда женщин и подростков, иными словами— корни этого явления заложены не в психике русской буржуазии, а в тех общественных отношениях, которые возникали на почве своеобразных условий развития российского капитализма.

шевить расходы по производству; на увеличение применения детского труда повлияли также усовершенствованные машины и орудия, отодвигающие физическую силу рабочего на задний план.

То же явление и под влиянием тех же причин наблюдалось и в области применения женского труда. Усилившееся применение женского труда было отмечено впервые в 1904 г. и об‘яснялось призывом запасных по случаю войны с Японией. Но уже в последующем году свод отчетов фабричных инспекторов выдвигает другое об‘яснение, а именно предпочтение фабрикантами женщин, как более спокойный и устойчивый элемент, менее поддающийся влиянию со стороны агитаторов, и как более дешевый труд. После 1905 г. процесс вытеснения мужского труда женским стал совершаться ускоренным темпом и это явление продолжалось вплоть до революции 1917 г. За 12 лет (1905 по 917 г.) число женщин возросло на 50%[1]). Число малолетних тоже значительно возросло. Из всей армии труда России в 1912 г. на долю женского и детского труда падало 45%, в то время, как в С. Америке, как видно из 13-го ценза (1910 г.) из 6.615.046 фабрично-заводских рабочих на долю женщин и детей падало всего 22% общего числа, т.-е. соответственно вдвое меньше, чем у нас. В торговле же и транспорте, банках, страховых и других конторах женский и детский труд не менее, чем на фабриках и заводах, вытеснял мужской труд. Точных данных о количестве занятых женщин и детей в упомянутых только что предприятиях у нас нет. Точной статистики о количестве лиц, занятых в торговле и родственных ей заведениях женщин и детей нет. Этот пробел может быть, впрочем, выполнен рядом данных косвенного характера.

В 1902 году по данным министерства финансов, опубликованным в „Ежегоднике Министерства Финансов“ за 1903 г., в России числилось 1.100 тысяч торговых предприятий. В это число входят как громадные универсальные магазины, банки, страховые общества с сотнями и тысячами служащих, так и мелкие предприятия и одиночки. Если предположим даже, что в среднем в каждом предприятии занято было не более 2-х слу-

---

[1]) Примечанис редакции. При учете роста женского труда накануне 1917 г нельзя забывать, что он прежде всего был обусловлен специфической обстановкой военного времени.

жащих, то тогда получим около 2-х миллионов служащих в торговых предприятиях. Если же к этим данным прибавить еще и конторских служащих фабрик и заводов, (табельщиков, конторщиков, кассиров, бухгалтеров, машинисток), и лиц, занятых в производственных учреждениях, в разных бесчисленных канцеляриях, управлениях, отделах различных министерств и пр., и пр. то тогда получим сумму, равную 2½—3 миллионам. Лосев в своей брошюре „Торговые служащие“ (стр. 7—10), сравнивая всероссийскую перепись 1897 г. с переписью городского населения в крупных городах России в 1902 г., установил, что в городах в 1902 году на каждую сотню городского населения приходилось 18 человек торговых служащих ($\frac{25.000.000.18}{100}$ равнялись 4.500.000 человек). Добавив сюда служащих сел и деревень Лосев приходит к выводу, что всех служащих в России было 5—6 миллионов человек. Думается нам, что Лосев значительно преувеличил количество служащих. Правильнее предположить, что во всех перечисленных предприятиях, организациях и министерствах было не более 2½—3 миллионов служащих [1]).

Заработная плата приказчиц была значительно меньше заработной платы приказчиков и колебалась в то время от 3 до 30 руб. в месяц в крупных губернских и столичных городах, о провинции и говорить не приходится. В Одессе величина заработной платы приказчиц в процентном отношении к заработной плате приказчиков составляла 40,9%; в Варшаве — 42,5; в Киеве — 47,6%; в Харькове — 48,9%, в Москве 49,9%; в Петрограде — 51,41% и т. д. Наивысшая ставка приказчиц во всей России в процентном отношении, принимая заработную плату приказчиков и конторщиков за 100 падает, как мы видим, на Петроград. Это обстоятельство, равно как и ряд других не менее важных особенностей женского труда в торговле, непосредственно отразившихся на участии женщин в профессиональном движении торговых служащих России, властно требуют особого внимания к трудящейся женщине прилавка и конторки.

Говоря о женском труде в торговых предприятиях, нельзя обойти молчанием и ряд специфических особенностей, о которых я уже вскользь упомянул выше. Я позволю себе фиксировать внимание читателя на одной только „особенности“.

Зарабатывая в среднем 15 руб. в месяц за свой 16—18-часо-

вой ежедневный труд, приказчицы обязаны были еще одеваться прилично, да в большинстве случаев давать взятку „натурой“, чтобы получить работу. Выход из этого невозможного положения был один и тот же — проституция, сначала случайная, а затем весьма часто становившаяся профессиональной.

Этот щекотливый вопрос при наших условиях исследования жизни быта и труда приказчиц в Одессе, Петрограде и друг. городах пришлось избегать, но сами приказчицы в своих ответах отмечали этот факт. Все почти приказчицы Одессы, служащие в магазинах, торгующих кондитерскими изделиями, неизменно от себя добавляли „Квартиру-угол занимаем только для хранения вещей и для того, чтобы переодеваться“; „Ночуем где попало по гостинницам с гостями“; „Жалованья не хватает на жизнь, а хозяин требует еще, чтобы шикарно одеваться, вот почему мы такие скверные“ и т. д., и т. д.[1]).

Об этом же свидетельствует и ряд писем, опубликованных в „Новой Руси“, в отделе „Приказчичий вопрос“, за 1908 г. Рисуя свою горемычную жизнь, приказчицы и конторщицы Петрограда неизменно обращали внимание общества на существующее зло.

Письма эти так ярко рисуют положение приказчиц и конторщиц, что читатель не посетует, надеюсь, на нас, если мы для иллюстрации приведем кое-какие выдержки из них.

Вот как приказчицы сами описывают свою жизнь и работу:

„Работа в булочных, - пишет продавщица кондитерской, — начинается по будням в 5—6 час. утра и кончается в 8 1/2—9 час. вечера, в кондитерских — начинается в 7—8 час. утра и кончается в 10 1/2—11 1/2 час. вечера. Круглый год нам приходится работать по 15—16 час. в сутки. На обед ничего не полагается. Обедаем за прилавком. Жалованье продавщиц булочных колеблется от 6 до 18 руб. в месяц, а в кондитерских — от 12 до 25 руб. Сосчитайте (приглашает эта продавщица): 15—16 час. суточной работы в месяц—это составляет 450—480 час., или за час работы от 2 5/8 до 4 коп.“.

„Чрезмерная работа и низкий заработок, — говорит она дальше, — толкают нас на позорный промысел. Жалованья не хватает на жизнь, а хозяева еще требуют, чтобы мы шикарно одевались. Бороться мы бессильны, ибо в Петербурге очень много девушек, готовых работать по 15 час., лишь бы иметь хоть сухой кусок хлеба. Хозяева же ищут только хорошеньких. У них свой расчет. Большинство продавщиц 17—20 лет, продавщиц же старше 30 лет редко-редко можно встретить и то не на центральных улицах[2]).

Продавщица Айзенштейн, описывая положение приказчиц,

---

[1]) А. М. Гудван. «Приказчичий вопрос», стр. 92.

[2]) „Новая Русь“ № 84, 7-го ноября 1908 г.

служащих в магазинах готового платья и мануфактурных магагинах Ново-Александровского рынка, между прочим говорит:

„Условия нашей службы таковы: магазины открыты от 8 час. утра до 8 час. 30 мин. — 9 час. вечера. Приказчикам и приказчицам вменяется в обязанность являться на службу в 7 час. 30 мин. утра зимой, а летом в 7 час. Уходим не раньше 9 час. 30 мин. вечера зимой и 10 час. летом. Рабочий день, таким образом продолжается ежедневно: зимой — 13 час. 30 мин., а летом — 15 час. До открытия и после открытия магазина приходится убирать, складывать и сортировать набросанный за целый день товар. По открытии же магазина приходится все время стоять на улице и зазывать покупателя. Пропустишь покупателя — хозяин ругается последними словами. Покупатели же тоже ругаются за то что их тянешь за фалды“.

„Жалованье наше самое маленькое; 10 — 15 руб считается хорошим жалованьем для продавщицы. Жалованье нам не выдают помесячно или за две недели, а приходится каждый день просить на харчи. Попросишь у хозяина денег, а он тебя выругает вместо этого: „Ты вот все деньги просишь, а торговать не торгуешь. Много сегодня заработала, а? Я тебя что ли спрашиваю? Отвечай! — прикрикнет хозяин. Хочешь деньги зарабатывать — трудись, не хочешь трудиться, ступай на Невский, там легко заработаешь“. После этого ответа не каждая решится подойти к хозяину. Так длится несколько дней, пока голод не заставит снова подойти к хозяину“.

„Робко озираясь кругом, снова подходишь, а он тебя снова выругает, или в лучшем случае даст 50 - 60 к., приговаривая: „Не смей больше морочить голову„.

[illegible]денного времени нет. Едим за прилавком. Кусок хлеба и стакан чаю — вся наша пища. Сидеть нельзя, даже когда покупателя нет“.

„Все это еще ничего бы, если бы не пришлось перетаскивать куски сукна и другие товары. Просишь приказчика помочь тебе, а он тебе в ответ: „Тебе это полезно, скорее сбросишь хозяйское добро“.

„Приказчики нас всех считают проститутками“.

„*И действительно, ни одной честной девушки почти нет в Ново-Александровском рынке. Первый вопрос хозяина или управляющего магазином, когда просишь службу—„а не щекотлива ли?“ Состроишь глазки или двусмысленно кивнешь головой—получишь службу. Не согласишься—службы не видать, как своих ушей*“.

„*До тех пор, пока „затяжелеешь“, хозяин за тобой ухаживает и деньги во время платит, и любезен, и подарки дарит и т. д. Стоит же „затяжелеть“, как он от тебя отвернется, или совсем выгонит со службы*“.

„*После этого тебе одна широкая проторенная дорога, пока не заболеешь и не сляжешь в больницу*“ (курсив продавщицы. А. Г.) [1]).

Конторщица Осипович, возвращаясь к тому же вопросу, говорит:

---

[1]) „Новая Русь“, № 95 от 18 ноября 1908 г.

„Наряду с громадным количеством приказчиц, занятых в торговле, образовалась группа женщин, занимающихся интеллигентным трудом.

„Сюда относятся те женщины, которые добывают себе пропитание в качестве бухгалтерш, кассирш, конторщиц, корресподенток, стенографисток и т. д.

„Их численность в сравнении с десятками тысяч приказчиков, конечно, незначительна, но, несмотря на это, или именно поэтому мне хотелось бы обратить внимание общества на их тяжелое и безотрадное положение.

„Громадный процент этих лиц составляют девушки. Брак, который в буржуазных кругах рассматривается главным образом, как средство материального обеспечения, делается все более недоступным для все растущего числа несостоятельных девушек,

„Стремление их к свободе и самостоятельности все более находит себе удовлетворение, благодоря открытию доступа к многим новым профессиям.

„Когда такая девушка вступает в брак, то ее рабочая сила, как и рабочая сила обыкновенной работницы, является самым драгоценным приданым.

„Рабочее время женщин, занимающихся интеллигентным трудом, колеблется между 7 и 13 час., в зависимости от места службы и обязанности, которую исполняешь в деле. Напр., в банках женщины заняты не более 6 $^1/_2$ — 7 час., в страховых конторах - 8—9 час., служащие в других конторах (транспортных, экспортных и др.)—9—10 час. и, наконец, служащие при магазинах: кассирши, конторщицы, артельщицы—заняты 12—13 час., а иногда и 16—18 часов в сутки.

„Заработная плата наша колеблется между 15 и 60 р. в м-ц.

„Средняя заработная плата женщин, служащих в банках, составляет 35—40 р., в конторах—30—35 р. и в магазинах—20—25 р.

Эта низкая заработная плата за долгий рабочий день, с одной стороны, и чрезмерная дороговизна жизни в крупных городах—с другой, ведет к тому, что большинство неустойчивых девушек постепенно шаг за шагом следуют за приказчицами... Вечерними прогулками пополняется бюджет многих конторщиц, кассирш и других служащих.

Главное зло наше заключается в том, что порядочную, хорошо оплачиваемую службу, в банках напр., редко достанешь без предварительной взятки „натурой" директору, управляющему или кому другому. Я бы могла привести десяток фамилий девушек, составивших себе блестящую карьеру по службе только благодаря уступчивости в этом отношении, но к чему это, когда и без того то факт известный.

Не девушек, которых нужда, царь-голод гонит на это, винить нужно, а тех, кто, пользуясь своей властью и силой, порабощает женское тело и женскую душу.

„*Не одна девушка кончает счеты с жизнью из-за этого*“ (Курсив автора письма. А. Г.).

Кассирша Е. С. З-ская, говоря о низкой заработной плате приказчиц и конторщиц, между прочим, замечает: „Вследствие сильной конкуренции мы должны довольствоваться мизерной, иногда голодной платой, если не желаем услышать в ответ на жалобы по этому поводу любезное замечание хозяина, или его ставленника: „Не один мужчина будет счастлив оказать девушке с вашей наружностью дружескую помощь“. Возмутительнее всего то, что конкурируют с нами девушки состоятельных родителей. Своим стремлением к самостоятельности, образованные и состоятельные „барышни“ часто грешат в этом вопросе, сбивая цены до минимума и толкая бедных девушек—которым нужно не только себя прокормить, но еще кое-кому помочь,—в ряды проституток“.

Свое письмо г. З-ская кончает следующим обращением к своим обеспеченным товаркам: „Образованные и состоятельные девушки должны бы были в подобных случаях требовать такую же плату, как настоящие работницы, или же, если им не нужно денег, работать даром для общеполезных целей. Но так или иначе им следовало бы считать делом чести отказ от такой недобросовестной конкуренции, которая только помогает злоупотреблениям жадных до наживы фирм и лиц. В общеполезных общественных работах нет недостатка, чувствуется большой недостаток в добровольных работницах“.

Такими письмами и такими примечаниями к опросным листам мы могли бы заполнить не одну печатную страницу, но и приведенных фактов достаточно.

Следует только добавить, что существующие исследования о проституции единогласно свидетельствуют, что приказчицы в магазинах, домашняя прислуга и фабричная работница являлись до всемирной войны главнейшими элементами проституции. Д-р Гринберг на основании данных о Берлине и др. городах Германии определил, что среди проституток имеется 42% бывших ранее продавщицами в магазинах и домашними работницами (гувернантки, бонны и т. п.), 36% — домашней прислуги и 16% — работавших до вступления в ряды проституток на фабриках. На 1000 приказчиц приходилась 21 проститутка,

[1]) „Новая Русь, № 105 от 28 ноября 1908 г.

на 1000 человек домашней прислуги — 17 и на 1000 человек фабричных работниц — 13 проституток. Во Франции, по словам д-ра Гринберга, на 1000 приказчиц приходилось 32 проститутки, в Англии на 1000 приказчиц — 26 проституток, в Австро-Венгрии — 29 и т. д. [1]).

По русской статистике Сабинина видно, что $45\frac{1}{2}\%$ из общего числа зарегистрированных проституток падает на долю женщин, бывших прежде продавщицами в магазинах и домашними работницами.

Рабочее время.

Из предыдущего мы уже знаем, что законы царской России созданы были исключительно и всецело для защиты и ограждения интересов одних только купцов, а не торговых служащих. Самым лучшим подтверждением нашего заявления может служить настоящая глава, в которой указаны рабочие часы приказчиков.

Считая рабочее время и заработную плату фундаментом, если можно так выразиться, на которых построена вся жизнь трудящихся, автор приложил в свое время все усилия к тому, чтобы на эти вопросы получить ответы от всех торговых служащих Петрограда, Одессы, Варшавы и др. городов, где им были произведены обследования помещения торгово-промышленных служащих, а главное, чтобы ответы эти были точны и возможно более полны. Много времени пришлось потратить на выяснение этих двух вопросов, но за то с уверенностью можно сказать, что от нашего внимания не ускользнула ни одна цифра, не будучи проверенной.

Приступая к изложению цифровых данных о рабочем времени приказчиков, необходимо предварительно заметить, что вопрос этот для удобства группировки ответов и для всестороннего освещения некоторых сторон труда торговых служащих был разбит на отдельные пункты, как-то: о времени открытия и закрытия магазинов в городе и на базарах по будням, воскресным и праздничным дням; о количестве чистой работы в каждый из этих дней отдельно; об обеденном времени, о времени необходимом каждому приказчику в отдельности для пере-

[1]) Цифры эти заимствованы нами из книги д-ра медицины Д. З. Рабиновича „Венерические болезни“. Одесса, 1914 г.

хода из дома в магазин и обратно, об общем рабочем дне, включая сюда чистую работу и время, необходимое на переходы из дому в магазин и обратно. Ответы приказчиков, сгруппированные по пунктам, дали возможность осветить каждый из этих вопросов в отдельности. [1])

Должен во избежание недоразумения оговориться, что ни мне, ни д-ру Листову, обработавшему анкетный материал санитарного отдела московского отделения Русского Технического общества, относящийся к 26 городам, не удалось все же определить общее число часов работы для всех приказчиков России. мешало этому не только отсутствие материалов, но, главным образом, то, что не все магазины открывались и закрывались в одни и те-же часы и не все приказчики работали одинаковое количество часов в сутки. Очень часто приходилось наблюдать, что в одном и том же магазине одна группа приказчиков пользовалась обеденным перерывом, однодневным отдыхом раз в неделю или раз в две недели, приходила утром позже открытия магазина и уходила раньше закрытия его на 1—1½ часа, а другая часть служащих, главным образом младшие приказчики, конторщики и торговые ученики, такими привиллегиями не пользовались. Словом, вывести какое-нибудь одно общее число часов суточной работы для всех занятых в торговых фирмах служащих очень рисковано. Пришлось поэтому группировать всех служащих по торговле отдельно: сначала—по городам, а потом по отраслям торговли и для каждой такой группы установить средний торговый день, а потом уже прибавить к торговому дню время, необходимое для закрытия магазина (опускание штор, уборка товара, и т. д.) и перехода из дому в магазин и обратно по два раза в день (утром и вечером), а иногда и 4 раза (в тех случаях, когда служащие пользовались обеденным временем с правом уходить обедать домой), выводить сна-

[1]) Весь собранный материал был опубликован мною после тщательной группировки и обработки в работах: „Приказчики в Одессе“, „Приказчичий вопрос“, „В царстве тьмы и эксплоатации“. Отсылая лиц, интересующихся этими вопросами, к упомянутым своим работам, я в данной работе приведу только те цифры о рабочем времени и заработной плате торговых служащих, которые необходимы как для изложения дальнейшей истории профессионального движения торгово-промышленных служащих, так и для понимания перелома во взглядах торговых служащих, наступившего в первых годах настоящего столетия.

чала средний рабочий день для каждой отрасли торговли, в зависимости от того, где приказчики работают — на базаре или в городе, а потом уже и для всего города.

Высшие по своему служебному положению в торговом деле лица (управляющие, заведующие фирмами, директора, доверенные и пр.) могли до известной степени автономно распоряжаться своим рабочим временем; они работали по мере спроса, какой пред'являло на их труд движение самого торгового дела. К этой группе лиц можно также причислить комиссионеров и инкассаторов [1]) и других торговых агентов, работа которых не представляется такой регулярной, как труд других торговых служащих, например, рядового приказчика. Но и труд последнего при оптовой торговле, где оборот товара совершался не так быстро, отличается меньшею продолжительностью, чем при продаже в розницу. В торговых заведениях, специализировавшихся на торговле более подвижными товарами, т.-е. такими, которые удовлетворяют более насущным и неотложным потребностям публики, — в магазинах, например, бакалейных и гастрономических, в булочных и т. п., рабочий день является особенно продолжительным. Но и в розничных магазинах всевозможных специальностей, ведших торговлю в обширных размерах, продолжительность занятий торговых служащих была значительно меньшей, чем в маленьких и средних лавках. У „Мюр и Мерилиз'а", например, торговали только от 9 часов утра до 7 часов вечера, тогда как в подобных-же средних и малых лавках и магазинах со смешанной торговлей рабочий день, — как установил д-р Листов, — продолжался гораздо более и доходил в большинстве случаев до 19 часов в сутки.

В основе стремления к увеличению рабочего дня в торговом мире лежала, конечно, жажда скорой наживы и связанная с ней конкуренция между торговцами: путем более раннего открытия и более позднего закрытия торговли торговцы стремились отбить покупателей у менее ретивых своих конкурентов.

Кроме общих условий существовали и местные, влиявшие на продолжительность торгового дня и делавшие его различным в различных городах России.

Приказчики рыбных, гастрономических, бакалейно-колониальных лавок гор. Баку, например, „работали целый год, за

---

[1]) Инкассатором называется лицо, собирающее деньги по счетам.

исключением 3-х дней, от 6 часов утра и до 11 часов ночи, без перерыва на обед“ [1]) Приказчики же виноторговцев того-же города Баку работали еще дольше „с 6 часов утра до 12—1 часу ночи“ [2]). В Костроме рабочий день служащих в торговых заведениях „продолжался от 12 до 16 часов; в отдельных случаях торговля производилась с 4 часов утра до 11 часов вечера, т.-е. уже 19 часов“. [3]) „В Ставрополе, — читаем в Русских Ведомостях, — мануфактурные лавки открываются в 6 часов утра и закрываются в 10 часов вечера; бакалейные, колониальные, винно-гастрономические и смешанные торгуют с 5 часов утра до 11 часов вечера, т.-е. одни 16, а другие 18 часов в сутки“. [4]) Проскуровским приказчикам приходилось работать „зимою с 7 часов утра и до 12 часов ночи без всякого отдыха а летом с 5 часов утра и до 11 часов вечера“. [5]), Т. е. зимою приказчики работали 18 часов, а летом 19 часов. Один час прибавлен нами на переход из дому в магазин и обратно, чтобы убрать товар со стоек, подмести магазин и т. д. Во Владимире по свидетельству купца Андреева, возбудившего в городской думе вопрос о запрете торговли по воскресным дням, приказчики ежедневно работали с самого раннего утра и до глубокой ночи; „в среднем торговля в нашем городе, — констатирует Андреев, — длится ежедневно 16 — 17 часов, приказчики же работают ежедневно без отдыха и обеда, стоя все время на ногах, 18 — 19 часов, а торговые ученики — и того больше“ [6]). Эта белая ворона, чья совесть не мирилась с такой эксплоатацией труда, была единственной среди стаи черных воронов всего Владимира и скоро была заклевана. Андреев, благодаря различным проделкам своих черносотенных собратьев, вынужден был ликвидировать свою торговлю в 1904 г.

В Смоленске продолжительность рабочего дня находилась в зависимости от времени года и рода торговли. „Летом, например сообщает „Курьер“, по взаимному соглашению торговцев магазинов мануфактурных, книжных и некоторых других, торговля сокращается от одного до трех часов в сутки: в остальных же

---

[1]) „Курьер“ 31 марта 1903 г.
[2]) „Русские Ведомости“ № 204 за 1903 г.
[3]) „Русские Ведомости“ № 296 за 1903 г.
[4]) „Русские Ведомости“ № 142 за 1902 г.
[5]) „Курьер“ № 124 за 1903 г.
[6]) „Курьер“ № 227 за 1903 г.

торговых заведениях занятия ежедневно происходят в продолжение всего года (исключая праздники) от 13 до 15 часов, а в некоторых рабочий день доходит до 16 и более часов в сутки; никакого перерыва торговли в течение дня не бывает, отдыха не полагается; что же касается обеда, то тем, кто уходит домой, полагается на обед и проход не более часа, а те из служащих, которые обедают в магазинах и лавках, нередко принимают уже остывшую пищу, урывками, когда явится возможность, и то, как говорится, „на скорую руку"; так же пьют и чай. Такое питание наделяет служащих катарром желудка и другими более или менее серьезными болезнями. [1]). В Александровске, Ставропольской губ., приказчики заняты были „ежедневно, за исключение праздников, 16—17 часов".[2]) В Чернигове „большинство торговых заведений открывается в 6 часов утра, а закрываются разновременно: три четыре магазина — в 10 час. вечера, остальные — в 11, 12 часов ночи. Таким образом торговля в большинстве торговых заведений производится в течение 17—18 часов в сутки". [3]). В Кременчуге большинство торговых заведений открыто 18—20 часов в сутки". [4]). „В Нижнем-Новгороде магазины открываются в 6 часов утра и закрываются в редких случаях в 8—9 час. вечера, а в большинстве случаев в 11—12 час. ночи, а иногда, как напр., во время ярмарки и в 1—2 час. ночи". [5]) В Николаевске, по заявлению, поданному приказчиками градоначальнику, рабочий день служащих длится 18—19 часов круглый год". [6]) В Лодзи приказчики работают „16—18 часов в сутки" [7]) В Ярославле приказчики работали „14—15 часов в сутки" [8]). В Киеве „магазины открывались в 7—8 часов утра и закрывались в 10—11 час. вечера, а в некоторых случаях открывались в 6 час. утра и закрывались в 12 час. ночи." [9]) В Елизаветграде магазины открывались в 5—6 часов утра и закрыва-

[1]) „Курьер" № 227 за 1903 г.
[2]) „Курьер" № 222 за 1903 г.
[3]) „Русские Ведомости" № 194 за 1903 г.
[4]) „Курьер" № 204 за 1903 г.
[5]) „Мир Божий" за 1903 г. кн. XII, Отд. II, стр. 22.
[6]) „Курьер" 25 апр. 1903 г.
[7]) „Руские Ведомости" № 114 за 1903 г.
[8]) „Руские Ведомости" № 308 за 1902 г.
[9]) „Руские Ведомости" № 135 за 1904 г.

лись в 11 — 12 час. ночи. „Рабочий день длился 18—19 часов“. [1]) В Новочеркасске магазины открывались летом в 4 — 5 часов утра и закрывались в 11 — 12 час. ночи. „Рабочий день приказчиков равен: летом 19 — 20 часов и зимою 17 часов“. [2]). „В Иваново-Вознесенске — читаем в „Северном Крае“ — торговля начинается не позже 7 часов утра и кончается не ранее 9 часов вечера, а в лавках, торгующих с‘естными припасами, начинается в 6 часов утра и кончается в 11 час. вечера“. [3]).

В Елисаветполе — рабочий день торговых служащих длился круглый год, включая воскресные и праздничные дни, не менее 18-ти часов в сутки [4]); в Москве, как видно из доклада Курнина, читанного на всероссийском торгово-промышленном с‘езде в 1896 г., „приказчики работали от 14 до 17 часов“ [5]); в Одессе, как видно из опубликованного мною материала, приказчики работали от 16 до 19 часов в сутки [6]); в Петрограде 17—20 часов [7]); Варшаве — 16—17 часов в сутки [8]); Ревеле — 15—16 часов [9]); Виндаве — 14—17 часов [10]); Сызрани — 18 часов [11]); Брянске — 18—19 часов [12]); Кишиневе — 18 часов [13]) и Камышине—17 часов в сутки [14]).

Пользуясь данными музея содействия труду при И.Р.Т.О., а также собранными автором газетными и журнальными данными, равно как и сведениями, приведенными в законопроекте „Об обеспечении нормального отдыха в торговых заведениях, складах и конторах“ можно составить следующую таблицу о рабочем времени торговых служащих в упомянутых 45-ти городах Росси за период 1902—1904 г. (см. стр. 148—149).

---

[1]) „Одесский Листок“ № 96 за 1902 г

[2]) „Северный Край“ № 138 за 1904 г.

[3]) „Северный Край“ № 139 за 1904 г.

[4]) „Курьер“ № 176 за 1903 г.

[5]) „Труды всероссийского торгово-промышленного с‘езда“ 1896 г., т. 3, вып. V, стр. 394.

[6]) А. М. Гудван. „Приказчики в Одессе“, стр. 28—29 и др.

[7]) А. М. Гудван. „В царстве тьмы и эксплоатации“, стр. 34 - 35 и др.

[8]) „Биржевые Ведомости“ № 107 за 1903 г.

[9—14]) Сведения о рабочем времени торговых служащих в Ревеле, Виндаве, Сызрани, Брянске, Кишиневе и Камышине заимствованы мною из об‘яснительной записки министерства торговли и промышленности к законопроекту „Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах“. (Смотри законопроект от 22 января 1906 г. № 438, стр. 9—10 и др.).

Нет сомнения, что у читателей, глядя на таблицу, является сомнение, не вкралась ли тут ошибка. Нельзя в самом деле допустить, чтобы из 24-х часов в сутки работе для добывания куска хлеба посвящалось 18—19 часов, а 5—6 часов всем остальным потребностям: сну, принятию пищи, прогулке — если такая мыслима была вообще после этой, поистине, каторжной работы — ведь приказчикам, помимо того, что приходилось распаковывать, сортировать, перекладывать товар, иногда довольно тяжеловесный (мясные туши, железно-скобяные товары, куски сукна и т. п.), приходилось еще и стоять на ногах во все время работы (стульев за прилавками нигде не было), в некоторых магазинах хозяева запрещали даже приткнуться к полке с товарами, или облокотиться на прилавок в отсутствие покупателя, заставляя беспрерывно перекладывать товар, дабы при появлении покупателя показалось последнему, что в магазине нет залежалого товара, раз приказчики беспрерывно складывают набросанный товар.

Но еще в 1896 г. на 2-м с'езде деятелей по профессиональному и техническому образованию в Н.-Новгороде в соединенном заседании 10 и 14 секции, после обсуждения доклада С. В. Курнина „О воскресном отдыхе приказчиков и служащих в торгово-промышленных заведениях“ [1]) установлен был факт средней продолжительности торговли в 14—15 часов. Прибавив к этому времени и время, необходимое на переход из дома в магазин и обратно, время для закрытия магазина или

[1]) О необходимости урегулировать рабочее время торговых служащих по будням Курнин и не заикнулся. В своем 1-м положении докладчик говорит: „В виду ныне существующей чрезмерной продолжительности рабочего дня лиц, занятых в торгово-промышленных предприятиях, и переутомления непосильным трудом, в особенности малолетних; в виду морального угнетения, часто доводящего до потери человеческого достоинства, в виду невозможности, при ныне существующих условиях, удовлетворения религиозных, семейных и общегражданских обязанностей и нужд; в виду необходимости приобретения профессиональных знаний и в видах подготовки необходимых сотрудников для активного участия в под'еме русской торговли и промышленности и для усовершенствования торгово-промышленных приемов, повсеместное ограждение праздничного отдыха лиц, занятых в торгово-промышленных заведениях, является в настоящее время самой насущной и неотложной потребностью“. (Труды с'езда, 1896 г. т. 3, вып. V, стр. 394—5). Можно сказать: „гора родила мышь“, так скромны были в сравнении с доводами требования докладчика.

ОТРАСЛЬ

Средний рабочий день по отраслям торговли в разных городах.	Мануфактура.		Галантерея.		Бак. колон.		Гот. платье.		Меховая.		Баш. обувн.		Хозяйственные, посудн., ламп.		Мебелью.		Писчебумажн.		Книгами и нотами.		Москательные товары.		Железн. скоб.		Кожевенная.		Зол. серебрян. изделия.	
	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.	о.	р.
Архангельск	16	17	17	18	17	18	16	17	17	18	17	18	18	19	—	18	16	17	16	17	17	18	17	18	16	17	16	17
Петроград	14	16		17	17	19	14	16	—	16		17	—	18	—	16	14	17	—	16		17	16	17	15	18	—	16
Ревель	12	14	—	16	16	17	12	14	·	14	·	14		15	—	14	—	14	—	12	12	14		16	12	14	—	14
Виндава	12	16	—	16		17	—	16	—	16		16		16	—	16	—	16	—	12		17		16	—	16	—	16
Москва	10	16	12	18	12	18	—	16		16	14	17	16	18	—	17	12	16	14	16	15	18	16	17	15	18	12	17
Смоленск	14	16	—	16	—	18		16	—	16	—	17		17	—	14	—	15	—	12	—	16		17	—	16	—	16
Орел		16		17		18		16	—	16	—	16	·	18	—	16	—	16	—	15	—	17	—	16	—	16	—	16
Брянск	—	17		18	—	19	—	18		16	—	17	—	19	—	16	—	17	—	16	—	18	—	18	—	18	—	17
Курск	—	17	—	17	—	18	—	17	—	15	—	16	—	18	—	16	—	16	—	16	—	18	—	17	—	18	—	16
Тула	—	16	—	18	—	18	·	16	—	12	—	15		17		15	—	14	—	14	—	17	16	17	—	16	—	16
Ив.-Вознесенск	11	14	·	17	—	18	—	16	—	12	—	14	—	16	—	16	—	15	—	16	—	18	—	17	—	16	—	14
Владимир	—	16	—	16	—	19	—	17	—	16	—	17	—	18	—	14	—	15	—	14	—	17	—	17	—	16	—	15
Тамбов	—	16	—	17	—	18		16	—	16	—	16	·	17	—	15	—	14	—	12	—	17	—	17	—	16	—	16
Кострома	—	17	—	18	—	18	—	17	—	18	—	18	—	18	—	16	—	16	—	16	—	18	—	18	—	17	—	17
Ярославль	—	16		17	—	18		17	—	16	—	16	—	18	—	18	—	16	—	16	—	18	—	18	—	17	—	16
Пенза	·	16	—	16	—	18		15	—	14	·	16	·	17	—	16		16	—	15	—	17	—	17	—	16	—	16
Воронеж	—	15		15	—	17	—	14		14	—	14	—	17	—	14	—	14	—	14	—	17	—	17	—	17	—	16
Варшава	14	17	15	17	—	18	16	18	—	16	16	18	16	18	—	16	16	17	—	16	16	18	16	18	14	18	14	17
Лодзь	10	15	13	16		17	14	16		16	14	16		17	—	14	—	16	—	16		16		16	—	15	14	16
Вильно	12	17	14	17	16	18		17	14	17	14	17	16	17	—	14	—	14	—	14	16	18	16	17	16	18	14	17
Н.-Новгород	14	17	16	18	17	18	16	18	14	17	15	18	16	17	—	17	16	18	—	17	16	18	16	18	16	18	14	18
Саратов	16	18	16	18	17	19	—	19	—	15	16	18	16	18	—	17	—	17	—	17	—	17	—	17	—	18	—	17
Самара	15	18	15	18	15	18	—	17		14		17	14	17	—	16	—	16	—	16	16	18	—	17	—	17	—	17
Сызрань	16	18	17	19	—	19	—	19	—	17	—	19	17	19	16	19	—	17	—	17	17	19	—	19	—	19	—	18
Казань	16	19	16	19	—	19		19	—	16	—	19	16	18	·	18	—	16	—	16	—	19	—	18	—	18	—	16
Рыбинск	17	19	17	19	—	19	—	19	—	19	—	19	—	19	—	16	—	16	—	16	17	19	16	18	16	19	—	18
Царицын	16	18	16	18	—	18	—	18	—	17	—	18		18	—	16	—	16	—	16	—	18	—	18	—	18	—	18
Камышин	15	17	15	17		18	—	16	—	16	—	16		18	·	15	—	15	—	15		18	—	18	—	16	—	16
Харьков	12	14	12	17	16	18	14	18	12	17	14	18	16	18	16	17	16	17	16	17	16	18	16	18	16	18	12	15
Киев	14	16	14	18	17	19	16	18	16	18	16	18	16	18	·	18	16	18	—	16	16	18	16	18	16	18	13	16
Чернигов		16		18	—	18		16		14	—	18	16	18	—	16		16	—	16	16	18	16	18	16	18	14	17
Полтава	12	16	13	17	14	18	14	18	—	14	—	17	16	18	—	16	16	18	—	16	16	18	16	18	16	18	—	16
Екатеринослав	14	16	15	17	16	18	15	17	—	16	16	18	16	18	—	16	—	16	—	16	16	18	16	18	16	18	14	17
Кр менчуг		18	—	19	—	19		18	—	17	—	19		19	—	16	—	17	—	18		19	16	19	17	19	—	18
Проскуров		18		19	—	19		18	—	16		18	16	18	—	16	—	16	—	16	17	19	16	18	16	19	—	18
Одесса	12	15	16	19	16	19	13	17	16	17	16	19	16	18	12	16	16	19	14	16	17	19	17	19	17	19	16	18
Кишенев	17	19	18	20	18	20	17	19		18	17	19	17	19		18	—	18	—	18	19	20	19	20	17	19	—	18
Николаев	16	18	16	18	17	19	16	18	—	17	16	18	17	19	—	17	—	19	—	17	19	20	17	18	—	17	—	17
Елизаветград	18	19	19	20	19	20	18	19	—	—	—	18	17	19	—		—	—	—	—	17	19	18	19	17	19	—	—
Ставрополь	17	18	17	19	18	19	16	18	—	—	—	18	18	20	—	—	—	18	—	—	18	20	—	19	—	18	—	—
Елисаветполь	17	17	17	19	18	19	17	19	—	—	—	19	17	19	—	—	—	17	—	—		18	—	18	—	18	—	17
Александровск (Ставр. губ.)		17		17		17		17		—	—	17		18	—		—	16	—	—	·	18	—	17	—	17	—	16
Баку	17	19	17	19	17	20	—	18	16	19	17	19	17	19	—	17	—	17	—	—	18	20	—	19	—	18	—	17
Ростов н/Донv	16	18	16	18	17	18	16	18				18	17	18	—	—	—	17	—	17	—	17	—	16	—	15	—	14
Новочеркаск	15	17	15	17		17	—	16		15	—	16		17		—		17	—	15		17		16	—	16	—	15
Сред. по данной отрасли торгов. по всем городам.	14 39	16 80	15 00	17 42	16 50	07 15	15 30	17 14	15 00	16 00	15 46	17 50	17 13	18 00	14 66	16 67	15 33	16 43	15 00	15 57	16 52	18 00	17 40	17 62	16 00	17 24	14 10	15.73

Примечание: „о“ оптовая, „р“ розничная.

ТОРГОВЛИ.

Лесн., дровян., угольн. о.	р.	Табачн. изд. о.	р.	Хлеб и конд. о.	р.	Гастрон. и рыб. торговля. о.	р.	Чай, сахар и кофе. о.	р.	Дамск. шляпы. о.	р.	Мужск. шляпы. о.	р.	Аптек. товары. о.	р.	Портн. прибор. о.	р.	Мясн. зелен. о.	р.	Церковн. принадлежности. о.	р.	Бельем. о.	р.	Смешанная. о.	р.	Сред. раб. день для всех служ. в окт. по всему городу.	Сред. раб. д. для всех служ. в розн. торг. по всему гор.	Сред. раб. д. для всех служ. по всему городу.
17	18	18	19		19	—	19	17	18	—	17		17	—	19	—	20	—	20	—	16	—	18		20	16 44	18,04	17.24
15	17	16	18		18	—	18	16	17	15	16	15	16	16	18	—	18	—	19	—	17	—	17		20	14 07	17 22	15 65
—	14	—	17	—	18	—	17		14	—	14		14		17	—	16	—	18	—	12	—	14	—	18	12 80	15 00	13 90
—	16	—	18		18	—	18		14	—	14	—	14	—	18	—	18	—	18	—	14	—	16	—	17	12 00	16 11	14 05
—	17	17	19	—	19	—	19	12	17	—	16	—	16	—	19	—	19	—	19	—	16	—	17	—	21	13 45	17 50	15 48
—	16	—	18	—	18	—	19	—	17	—	16	—	16	—	18	—	20	—	20	—	16	—	16	—	20	14 00	17 00	15 50
—	16	—	19	—	19	—	20	—	16	—	15	—	15	—	18	—	18	—	19	—	14	—	14	—	18	—	16 70	16 70
—	17	—	19	—	19	—	19	—	18	—	17	—	17	—	20	—	20	—	19	—	17	—	17	—	20	—	18,00	18 00
—	16	—	19	—	19	—	19	—	17	—	16	—	16	—	19	—	18	—	19	—	12	—	14	—	18	—	17 00	17 00
—	15	—	18		18	—	18	—	16	—	14	—	14	—	18	—	19	—	18	—	14	—	14	—	18	16 00	16 11	16.05
—	12	—	17	—	17	—	18	—	16	—	15	—	15	—	18	—	18	—	16	—	14	—	14	—	18	11.00	15 79	13 39
—	15	—	19	—	18	—	19		17	—	17	—	17	—	19	—	18	—	19	—	16	—	16	—	21	—	17 33	17 33
	16	—	19	—	19	—	19	—	17	—	16	—	16	—	19	—	19	—	20	—	16	—	16	—	20	—	17 00	17 00
—	17	—	19	—	18	—	18	—	16	—	16	—	16	—	19	—	20	—	20	—	17	—	17	—	21	—	17 59	17 59
—	16	—	18	—	19	—	19	—	17	—	16	—	16	—	19	—	18	—	18	—	16	—	17	—	20	—	17 25	17 25
—	16	—	18	—	18	—	18	—	16	—	16	—	16	—	18	—	18	—	17	—	14	—	16	—	18	—	16 44	16 44
—	14	—	17	—	17	—	17	—	14	—	14	—	14	—	18	—	17	—	17	—	12	—	14	—	18	—	15,50	15 50
	16	17	19	17	19	—	19	—	16	16	18	16	18	16	19	—	19	—	19	—	17	16	18	—	20	16 25	17,11	16 68
—	16	—	17	—	19	—	18	—	14	14	16	14	16	14	18	—	18	—	18	—	18	15	17		19	13 55	16 50	15 02
	17	16	18	—	18		19	—	14	—	17	—	17	14	18		18	—	17		16	15	17	—	19	15 00	16 25	15 63
—	18	16	18	—	19	16	18	15	18	16	18	16	18	16	19	16	19	—	19	16	18	18	18	—	20	15 61	18 00	16 85
—	17	18	19	—	19	18	19	—	17		17	—	17	16	18	—	19	—	19	—	17	—	16	—	19	16 60	17 50	17 05
	17	16	18	—	19	18	19	—	14	—	15	—	15	16	18	—	18	—	20	—	16	—	16	—	20	15 46	17 09	16 27
—	18	—	19	—	19	17	19	—	18	—	18	—	18	—	19	—	19	—	20	—	17	—	17	—	20	16 66	19 00	17 83
—	17	—	19	—	19	17	19	—	17	—	16	—	16	—	18	—	18	—	19	—	16	—	17		19	16 20	17 80	17 00
—	18	—	19	—	20	17	19	—	18	—	18	—	18	—	19	—	19	—	20	—	17	—	18	—	20	16 66	18 90	17,78
	17	—	18	—	18	17	18	—	16	—	17	—	17	—	18	—	18	—	19	—	16	—	18		19	16 00	18 19	17.09
	16	—	18	—	18	16	18		16		16	—	16	—	18	—	18	—	18		16		16		18	15 33	17 00	16 17
14	16	16	18	—	19	17	19	16	18	16	18	16	18	14	18	16	18	—	19	16	18	14	17	—	19	14.00	18 00	17 00
16	18	17	19	—	19	17	19	14	17	16	18	16	18	16	18	16	18	—	19	16	17	14	16	—	20	15.64	18 00	16 82
—	17	17	19	—	19	—	19	14	16	—	17	—	17	16	18	—	18	—	19		17		16		18	15 62	17 30	16 46
—	17	16	18	—	19	—	19	16	18	—	16	—	16	16	18	—	18	—	19	—	18	—	16	—	19	15 08	17.40	16 24
16	18	16	18	—	19	17	19	—	16	—	16	—	16	16	18	—	18	—	19	—	—	—	17	—	19	17 60	18 00	17.80
—	17	16	19	—	19	—	18		17	—	17	—	17	16	18	—	18	—	19	—	—	—	18		20	16 50	17 50	17 50
—	14	17	19	—	19		19	—	16	—	16	—	16	16	19	—	—	—	19	—	16		17		19	16 66	18 00	17 33
14	16	18	20	—	20	17	19	16	18	16	19	16	19	17	20	17	19	—	17	14	17	14	19		21	15 54	18 30	16 92
—	18	19	20	—	20	19	20	17	19		18	—	18	19	20		19	—	20	—	—	—	19	—	21	17 92	20 40	19 16
—	16	18	20	—	19	17	19	—	17	—	16		16	17	19	—	—	—	—	—	—	—	18	—		16 90	18 00	17 45
—	—	17	19	—	20	—	20	—	18		19	—	19	19	20	—	—	—	20	—	—	—	19	—	21	16 27	19 45	17 86
—	—		20	—	20	—	18	—	—	—	—	—	17	—	19	—	—	—	19	—	—	—	—	—	—	17 33	19 00	18 16
	—		18	—	18	—	19	—	18	—	—	—	16	—	17	—	—	—	18	—	—	—	17	—	19	17.20	18 00	17,65
—	—	—	17	—	18	—	17	—	16	—	—	—	15	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17 00	17 00
—	19	—	20	—	20	—	20	—	18		17	—	18	—	20		20	—	20	—	—	—	—	—	—	17 00	19 60	18.30
		16	18	—	18	—	18	—	14		16	—	16	—	18	—	—	—	18	—	16	—	16	—	18	16 40	17 65	17 03
—		16	18	—	18		16	—	15	—	15		15	—	19		19		18	—	—		17	—	20	15 33	16 00	15 66
15 20	16 43	17 00	18 58	17 00	18 73	17 00	17 77	15 30	15 91	15 56	16 40	15 56	16 44	16 00	18 51	16 25	18 49	18 34	15 50	15 50	16 66	14 71	16 60	—	19 34			

склада, получим среднюю продолжительность рабочего дня в $17^1/_2$ часов в сутки для перечисленных городов России [1]).

Если при рассмотрении таблицы (стр. 148—149) мы будем считать идеальным рабочим днем даже не 8-ми часовой, а тот, который узаконен был царским правительством для фабрично-заводских рабочих и который не должен был по закону превышать $11^1/_2$ часов в сутки, со включением времени для обеда, то и тогда увидим, как „бессовестно“ - продолжителен был — по меткому выражению Вебба и Кокса (любимое выражение Вебба и Кокса, употребляемое ими для обозначения продолжительности рабочего дня) — рабочий день торговых служащих не только в упомянутых городах, о которых у нас имеются неоспоримые сведения, но и во всей необ‘ятной России.

Из таблицы видно, что в оптовых складах и магазинах средний рабочий день колеблется от 14,10 часов (минимум) и доходил до 17,40 часов в сутки (максимум), а в розничных магазинах и смешанных торговлях, средний рабочий день колебался от 15,57 ч. (минимум) и доходил до 19,34 ч. в сутки (максимум). Минуя служащих магазинов, торгующих золотом, серебром и бриллиантами, коих насчитывается всего 1,45% общего числа всех служащих по торговле в рассматриваемых городах, необходимо подчеркнуть разницу в рабочем дне у служащих различных отраслей торговли.

Непосредственно за служащими магазинов, торгующих золотом и серебром, по длине рабочего дня следуют служащие: мануфактурной отрасли торговли, работавшие в среднем 14,39 часа, мебельных магазинов, работавшие 14,66 час. и, наконец, служащие магазинов, торгующих бельем, рабочий день у коих в среднем длился 14,71 час. в сутки. Останавливаться на этой группе служащих нет надобности. Таблица дает достаточно наглядную картину и без особых раз‘яснений. Отметим только, что в этих отраслях торговли были собраны данные, главным образом, о доверенных, старших приказчиках и конторских служащих. Таких торговых служащих, давших ответы

---

[1]) От редакции. Включать время, необходимое для перехода из дома на работу и обратно, в количество рабочих часов неправильно. По крайней мере, ни при одной попытке законодательства о рабочем дне это время в учет не принимается. Иное дело — время, потребное для открытия или закрытия магазина; это время, затрачиваемое на начало или заканчивание работы, в величину рабочего дня включено должно быть.

на опросный лист, в упомянутых торговлях насчитывается 90,1%. Эта часть служащих, прозванная „аристократией“, как мы отметили выше, работала меньше других и пользовалась обеденным перерывом в 1—1½ часа, с правом ухода из магазина домой. Приходили они всегда позже других и уходили раньше остальных служащих. Но и помимо этого приказчики мануфактурных, мебельных и бельевых складов работали сравнительно меньше, чем приказчики других отраслей торговли. Значительно повлияло на вывод среднего рабочего дня и то, что почти все служащие упомянутых только что отраслей торговли пользовались обеденным временем, воскресным и праздничным отдыхом (27,68% всех служащих совсем не работали по воскресным и праздничным дням, а 72,32% заняты были в воскресные дни в среднем 1—2 часа). Заработок у этих приказчиков, как мы это покажем в следующей главе, тоже был значительно выше, чем у служащих других отраслей торговли. Плохо жилось только торговым ученикам, которые в этих отраслях торговли, как и во всех почти остальных, работали до изнеможения сил. Ученикам мануфактурных магазинов, например, вменялось в обязанность складывать товары после закрытия магазинов, а утром до открытия их мыть полы и стойки и вытирать пыль. Этим же служащнм приходилось в тех случаях, когда они не жили у хозяина, ежедневно утром отправляться к владельцу магазина или его ответственному управляющему за ключами, а вечером после закрытия магазина относить их обратно. По заведенному во многих городах [1]) порядку, магазины открывались мальчиками и подростками по приходе старших приказчиков и закрывались после уборки. Для этой цели в упомянутых только что городах ежедневно дежурило 2 старших приказчика. На эту работу подростки и ученики тратили обыкновенно по 2—3 часа ежедневно, так что рабочий день у них даже при 14-часовом рабочем дне у взрослых служащих, всегда колебался от 16 до 17 часов. Если мы при этом вспомним, что торговым ученикам, среди коих попадались в рассматриваемых трех отраслях торговли и 8—9-летние мальчики, приходилось в течение дня бегать за чаем и обедом для старших служащих, относить покупателям товар

---

[1]) Автор наблюдал это лично в Петрограде, Варшаве, Киеве, Одессе, Николаеве, Херсоне.

на дом, распаковывать получаемые с фабрики тюки с товарами то нам станет ясно, как даже в одних из лучших отраслей торговли эксплоатировался труд детей.

В следующую, по величине рабочего дня, группу входят служащие складов и магазинов, торгующих галантерейными, меховыми, книжными, лесными, писчебумажными, обувными товарами, готовым платьем, мужскими и дамскими шляпами. Эти служащие работали в среднем 15—15,56 часа в сутки. Тут кстати будет подчеркнуть особенности последних двух отраслей торговли: готового платья и головных уборов. Выше, в главе о женском труде, я уже отметил одну особенность женского труда, вообще, и шляпочниц, в частности. Тут мне остается только подчеркнуть, что „шляпочниц" рассчитывали в несезонное время, благодаря чему они в большинстве случаев вынуждены были снискивать себе пропитание ночными прогулками. Работа во всех почти шляпных магазинах начиналась в несезонное время по будням: зимою в 8 часов утра и кончалась в 9 часов вечера, а летом — в 7 часов утра и кончалась в $9^1/_2$—10 часов вечера. В сезонное же время [1]) приказчицы этой отрасли торговли работали по 20 часов в сутки, а иногда и того больше. В мае, например, эти приказчицы беспрерывно работали по 48 часов, а на третий день— 12 часов. Об'ясняется это тем, что приказчицам шляпных магазинов вменялось в обязанность во время сезона помогать шляпным мастерицам. Шляпные магазины открыты были для публики всего 13—15 часов, а работали продавщицы в сезонное время в среднем по 18—19 часов в сутки. Петроград, Варшава и Одесса были центральными пунктами, откуда провинциальные города севера, юга и Закавказья выписывали дамские и мужские шляпы и готовое платье. Из этих трех городов товары экспортировались не только в прилегающие города, но даже в Западную Сибирь, Порт-Артур и Владивосток. Соблюдая экономию, хозяева шляпных магазинов не увеличивали в сезонное время штат своих мастериц-шляпочниц, а заставляли продавщиц, после 14—16 часов рабочего дня по торговле, помогать мастерицам переделывать купленные шляпы, или заново их отделывать по указанию заказчика. Приказчицы

[1]) „Весенний сезон" начинался 15 марта и кончался 10 июня, а „осенний сезон" начинался 10 сентября и кончался 1 декабря.

шляпных магазинов должны были быть и мастерицами. При поступлении девочек в магазин их сначала обучали отделке шляп и переделке фасонов, получаемых из фабрик (Варшава, или из-за границы), а потом лишь переводили в магазин в качестве торговой мастерицы, где, усовершенствовавшись, они после 8—10-летней работы становились приказчицами. Воскресного и праздничного отдыха у этих служащих совсем не было. И это в то время, когда рядом с ними сидящие мастерицы работали только 10 часов в сутки, а в воскресные и праздничные дни были совершенно свободны. Происходило все это от того, что мастериц обидеть хозяева боялись, ибо в случае недоразумения мастерицы могли прибегнуть к 430 и 431 ст.ст. ремесленного устава [1]).

Нет сомнения, что и развитие ремесленного и фабричного рабочего тоже сыграли в данном случае немаловажную роль. Волнения с.-петербургских, ивановских и др. рабочих, побудивших правительство издать в 1897 г. новый фабричный закон, да июльские события 1903 г., охватившее революционным пожаром весь юг, достаточно красноречиво об этом говорят. Администрация, фабричная инспекция и ремесленные управы, особенно после 1903 г., когда выяснилось, что ремесленные рабочие такие же „бунтари", как и фабрично-заводские рабочие, старались всячески предупредить могущие возникнуть волнения, благодаря чему исполнялись законные требования рабочих и работниц, вообще, и шляпочниц, в частности [2]). Но как бы там ни было, легко себе представить положение продавщиц и торговых учениц, когда тут же рядом с ними сидя-

---

[1]) Ст. 430 гласит: „Ремесленных рабочих дней шесть в неделе, в день же воскресный и двунадесятые праздники ремесленники не должны работать без необходимой нужды". А ст. 431 точно фиксирует рабочий день ремесленных рабочих: „Ремесленные рабочие часы в сутках — говорится в 431 ст.— суть от шести часов утра до шести часов вечера, исключая полчаса на завтрак и полтора часа на обед".

[2]) От редакции. Можно не сомневаться, что именно борьба ремесленных рабочих, а не существование тех или иных статей ремесленного устава обеспечивала более короткий, по сравнению с приказчиками, рабочий день мастериц. В этом отношении чрезвычайно характерен факт, сообщаемый Л. Мартовым в его „Записках социал-демократа", из развития движения ремесленных рабочих-евреев в Вильне. В 1892 г. они после борьбы добились проведения в жизнь давно позабытого, но не отмененного закона, изданного в царствование Екатерины II, которым устанавливался 10-ти часовой рабочий день для ремесленных мастерских.

щие мастерицы бросали работу в установленное время и шли завтракать, обедать, или совсем уходили из магазина, а они должны были оставаться и исполнять не только свою, но и их работу. На обед приказчицам ничего не полагалось. Обедали тут же за работой, большей частью в сухомятку и запивали чаем.

Получали приказчицы шляпных магазинов, как мы это ниже покажем в главе о заработной плате, за всю эту адскую работу от 3 до 30 руб. в месяц. Содержатели шляпных магазинов, выжав в сезонное время (5—6 месяцев в течение года) все соки своих продавщиц, немедленно же после сезона их рассчитывали. Таким образом, этим труженицам приходилось еще из своего ничтожного заработка сохранить кое-что про черный день, что решительно было невозможно. Можно ли после всего сказанного поражаться, когда эти полуголодные и изнеможденные непосильной работой девушки бросались в омут разврата.

У служащих магазинов, торгующих готовым платьем, рабочий день колебался в городе от 12 до 16 часов, а на базаре от 15 до 17 часов и доходил в некоторых случаях даже до 18 часов. На обед ничего не полагалось. Обедали тут же за прилавком. Пища состояла в большинстве случаев из холодной закуски. Заработная плата этих приказчиков колебалась от 3 до 50 руб., при чем 9,4% из них работали совершенно бесплатно. Исключение составляли только 3% всех приказчиков этой отрасли торговли, получавшие 50—75 руб. в месяц. Заболеваемость у этих приказчиков, как мы это увидим ниже, была сильнее развита, чем почти во всех остальных отраслях торговли. На каждого приказчика приходилось по 3,6 болезней. Об'ясняется это тем, что им вменялось в обязанность независимо от времени года и погоды стоять на улице и зазывать покупателей; что они, начиная с 8—10-летнего возраста, в течение 355 дней в году находились на ногах от 14 до 19 часов в сутки.

Оптовые склады готового платья Варшавы, Москвы, Петрограда, Одессы, Харькова и др. городов, так же, как и шляпные магазины, экспортировали свои товары во все города России, включая Порт-Артур и Владивосток. В связи с этим приказчикам этой отрасли торговли редко приходилось соблюдать часы торговли. Сплошь и рядом после закрытия торговли им приходилось распаковывать и запаковывать товар, сорти-

ровать его и т. д. В сезонное время приказчики оптовых складов работали сплошь и рядом по 18 — 19 часов, а в дни, предшествовавшие погрузке товаров на пароходы дальнего плавания (Порт-Артур, Владивосток), служащие работали очень часто по 36—48 часов беспрерывно.

В следующую группу приказчиков, работавших в среднем 16—16,52 часа в сутки, вошли кроме прочих и служащие аптекарских складов, жизнь коих находилась в вечной опасности, благодаря взрывам и пожарам, происходившим в аптекарских складах и магазинах довольно часто. Нельзя забывать таких грандиозных пожаров, как: трехдневный пожар в магазине и складе Кучинского в Варшаве, поглотивший в 1899 году 125 человеческих жертв, в числе коих было 63 взрослых — служащих и 18 мальчиков и подростков; двухдневный пожар, происшедший в Одессе в 1901 г. в складе аптекарских товаров Руднянского, поглотивший 23 человеческих жертвы — приказчиков и конторщиков; 36-часовый пожар, происшедший в Петрограде, в складе аптекарских товаров Полякова, который унес в могилу 42 приказчика и конторщика и т. д. Все эти пожары произошли от взрывов. В нашу задачу не входит подробное перечисление подобных случаев, но, попутно отмечая эти факты, нельзя не заметить, что служащие аптекарских магазинов всегда находились в большой опасности, особенно торговые ученики, которым всегда приходилось бегать в запасные склады, погреба, где взрывы бензина, эфира, спирта и др. легко воспламеняющихся веществ происходили очень часто при малейшем неосторожном обращении с огнем. Но и помимо взрывов жизнь служащих в аптекарских складах и магазинах, где воздух был всегда насыщен ядовитыми газами, была не из приятных. Обеденным временем эти служащие не пользовались, по воскресным и праздничным дням они работали, как и в будние дни.

Больше всех в этой группе работали служащие бакалейно-колониальных и москательных магазинов. Это единственные две отрасли торговли, где в городе и на базарах торговали одинаковое количество часов. Обеденным временем служащие этих магазинов нигде не пользовались. По воскресным же и праздничным дням они работали столько-же, сколько и по будням.

В следующую по величине среднего рабочего дня группу,

колебавшуюся от 17 до 17,40 час. в сутки, вошли служащие табачных, хлебо-кондитерских, гастрономических, хозяйственных и железо-скобяных магазинов.

В данной группе необходимо отметить особенность работы у служащих магазинов, торговавших железо-скобяными, стальными и медными изделиями. Открывались эти магазины в городе: летом в 6—7 час., а зимою 7—8 часов утра и закрывались — зимою и летом в 9—10 часов вечера. На базарах: открывались летом в 4—5 часов, а зимой в 6—7 часов утра и закрывались летом и зимою в 10—11 час. вечера. На обед полагался один час только в крупных фирмах и то избранным лицам. Уборка железных магазинов лежала на обязанности специальных служителей, а не торговых учеников, но зато последние должны были складывать товары. Нередко случалось, что эти полуголодные, забитые дети, среди которых попадались и 9—10 летние, не в состоянии были удержаться на ногах от непосильной тяжести и падали на пол, обрушивая на себя тяжеловесные вещи.

Кто интересовался жизнью этих несчастных пасынков судьбы, тот знает и помнит, как часто в „отделе происшествий" столичных и провинциальных газет отмечались эти несчастные случаи. Автором в одном только 1902 году в городах: Петрограде, Москве, Варшаве, Харькове, Киеве, Одессе, Вильне подсчитано было 102 таких несчастных случая. Это все происходило на глазах у всех, и никто—ни общества взаимопомощи торговых служащих, ни существовавшее тогда Российское Общество защиты детей, – не подумал никогда вступиться за участь этих несчастных. Интереснее всего то, что 46,5% всех торговых учеников этой отрасли торговли служили бесплатно, а 53,50% получали от 3 до 10 рублей в месяц.

Обращаясь к данным о рабочем дне служащих розничных магазинов, мы видим, что меньше всего работали служащие магазинов, торговавших книгами и нотами, в среднем 15,57 ч. в сутки, а больше всех приказчики смешанных и мелочных лавок, рабочий день у которых в среднем равнялся 19, 34 ч. в сутки. Между этими двумя крайними группами расположены сведения о рабочем дне служащих во всех остальных отраслях. Анализировать их нет надобности. И без особых пояснений таблица дает об этом наглядное представление.

Анализ приведенной таблицы был-бы не полон, если бы

в заключение мы не отметили бы еще и разницу в рабочем времени у служащих различных городов.

Таблица показывает, что меньше всего приходилось работать служащим Иваново-Вознесенска — в среднем 13,39 часов. На уменьшение среднего рабочего дня служащих этого города повлияло то, что ответы на опросный лист прислали только служащие оптовиков мануфактурщиков, а не все служащие существовавших тогда в городе оптовых складов. В мануфактурной же отрасли торговли, как видно из этой таблицы, служащие работали меньше, чем служащие всех остальных отраслей торговли. В Лодзи и Москве даже еще меньше — только по 10 часов в сутки. Несомненное влияние на вывод среднего для служащих мануфактурных складов упомянутых только что трех городов оказало то, что в этих городах были сосредоточены фабричные склады, откуда товары отбирались купцами провинции. Эти склады торговали в большинстве случаев только от 9 час. утра до 4—5 час. дня.

Вслед за Иваново-Вознесенском следуют: Ревель, где средний рабочий день для всех служащих данного города равнялся 13,90 час. в сутки, Виндава —14,05 час. в сутки, Лодзь—15,02 ч. в сутки и т. д. Больше всего работали служащие Кишинева, средний рабочий день у которых составлял 19,16 час. в сутки. Вообще, как видно из этой таблицы, на юге России рабочий день был длиннее, чем во всех остальных местах России. Отчасти этим, отчасти революционным настроением еврейских масс юга, страдавших от погромов и друг. эксцессов, можно об'яснить активное участие южан в подпольной революционной работе в 1900-ых годах и надпольной профессиональной работе, начиная с 1905 г.[1]) Торговые служащие юга, как мы это ниже покажем были застрельщиками широкого движения, открытого среди торговых служащих в пользу издания специального торгового закона,

---

[1]) От редакции: Это об'яснение автора вряд ли может быть принято. Вообще говоря, может считаться установленным факт более активного участия в революционных рабочих организациях именно не наиболее придавленных капиталистической эксплоатацией слоев рабочего класса, как это очевидно предполагает данная постановка вопроса автором. Более активное участие приказчиков юга в рабочем движении должно и может быть об'яснено именно и только тяжелым положением еврейских трудовых масс, находившихся под гнетом не только указаных автором политических условий, но и исключительно неблагоприятных экономических условий „черты оседлости“.

нормирующего рабочее время торгово-промышленных служащих. Они раньше других своих собратьев севера примкнули к партийной работе. Первый профессиональный союз торгово-промышленных служащих, как и первая конференция торгово-промышленных служащих России, состоялись на юге, а не в столице, где были сосредоточены крупные политические деятели и руководители революционных партий, вплоть до членов ЦК включительно. На движение среди торгово-промышленных служащих юга было обращено самое серьезное внамание начальства и, в противовес революционным кружкам, монархисты различных оттенков, следуя приказу министерства внутренних дел, стремились завлечь приказчиков в экономические кружки монархических партий. Об этих двух течениях, как и о борьбе приказчиков юга, будет сказано ниже, пока же отметим, что ни в одном почти городе России приказчики не примыкали в таком большом числе как на юге (Одесса, Екатеринослав, Киев, Тифлис, Баку и т. д.) к партийной и профессиональной работе.

Заработная плата.

С какой-бы стороны ни рассматривать положение торгового пролетариата, с точки ли зрения умственного и нравственного развития его, рабочего ли времени, экономических ли условий жизни и т. д., мы обязательно натолкнемся на основной фактор— заработную плату, от которого зависит вся жизнь пролетариата.

В предыдущей главе мы рассмотрели рабочее время приказчиков и видели, как чрезмерно работали эти рабы XX века. В данной главе мы покажем, как низко оплачивался труд торгово-промышленных служащих, громадное большинство которых получали буквально гроши за свой непомерно длинный рабочий день.

По этому вопросу мы имеем возможность воспользоваться данными: музея содействия труду, обработанными Листовым [1]), М. Розена [2]), Е. В. Гешина [3]), Б. М. Сокольского [4]), собствен-

[1]) Д-р С. В. Листов „К вопросу о положении служащих в торговых заведениях“.

[2]) М. Розен „Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России“.

[3]) Е. В. Гешин. „Очерки приказчичьего движения“.

[4]) Кандид. ком. наук Б. М. Сокольский. „Как урегулирован приказчичий вопрос за-границей и у нас“.

ными автора[1]) и некоторыми другими, опубликованными в различное время в общей и профессиональной печати. Данные эти относятся к 1898—1903 г г. Необходимо отметить, что коснемся заработной платы только 18-ти групп служащих, т.-е. только тех торговых служащих, относительно которых так или иначе явилась возможность точно установить их месячную заработную плату и арифметическое среднее заработка для одного приказчика каждой группы в отдельности.

От рассмотрения же заработной платы остальных восьми групп мы, к сожалению, должны отказаться по следующим двум причинам: во-1-ых, потому, что каждая из этих групп содержит незначительное количество служащих, и во-2-ых, потому, что большинство этих приказчиков служили посезонно или поденно, а не круглый год, благодаря чему не было никакой возможности точно исчислить их заработную плату, рабочее время и т. д.

В эти 8 групп входят приказчики,—служившие в магазинах, которые существовали, главным образом, сезонной торговлей и торговавших обоями, масляными красками, оконным стеклом, рыболовными снарядами, меховыми вещами, ватой и валенками, а также агенты по отправке товаров, коммивояжеры и инкассаторы.

Считаем необходимым заметить, что коммивояжеры — отправители товаров и инкассаторы работали в большинстве случаев на процентах, благодаря чему трудно было отделить „приработок“ от чистого заработка. Помимо того, сведения, полученные от этих трех групп, оказались, как мы успели в свое время убедиться в этом, совершенно вымышленными. У них всегда переплетались цифры „приработанные от посторонних дел“, с процентами, полученными от торговой фирмы, где они числились на службе.

Чтобы больше не возвращаться к перечисленным 8-ми группам служащих, отметим тут же, что приказчики в перечисленных отраслях торговли нанимались на сезон в крупных магазинах, производящих торговлю оптом и в розницу, а в мелких, т.-е. в магазинах, торговавших только в розницу, поденно. В остальное же время года, купцы, торгующие сезонным

---

[1]) А. М. Гудван. „Приказчики в Одессе“, „Приказчичий вопрос“. „В царстве тьмы и эксплоатации“.

товаром, обходились бесплатными служащими — мальчиками и подростками, которые им скорее нужны были как дневные сторожа, ибо редко-редко когда в несезонное время в эти магазины забредет бывало покупатель.

Сезоном в торговле считалось время в 3 — 6 месяцев, в зависимости от отрасли торговли. Так, например, в обойных магазинах сезоном считалось время с 15 марта — 1 апреля по по 15 сентября — 1 октября, так что в общем интенсивно и много работать приходилось этим приказчикам только 6 месяцев в году — весной и летом. Приказчикам же в ваточных и меховых магазинах, наоборот, приходилось работать главным образом осенью, а отчасти зимой. Сезонным временем у меховщиков считается время с 15 сентября по 1 февраля, а у служащих ваточных магазинов сезон начинается 1 сентября, а иногда и того раньше, и продолжается до 1 — 15 марта.

Мы не станем перечислять сезонное время в остальных отраслях торговли, а ограничимся лишь общим указанием, дабы не повторяться и не возвращаться к торговым служащим упомянутых 8-ми групп.

В сезонное время приказчики-специалисты указанных только что 3 групп торговых служащих хорошо вознаграждались. В меховых магазинах, например, некоторые приказчики получали помесячно от 75 руб. (минимум) и до 350 руб. (максимум), а поденно от 6 - 7 руб. и до 15 - 20 руб. От этих, так называемых, „сезонных“ или „поденных“ приказчиков трудно, конечно, было ожидать точных сведений об их годичном или месячном жалованьи (в несезонное время большинство из них превращалось в маклеров, агентов и барышников), рабочем времени, расходах на квартиру, пищу, одежду, и т. д., и т. д.

Вот почему мы вынуждены былн исключить при разработке данных о заработной плате торговых служащих упомянутых групп. При составлении комбинированной таблицы о заработной плате были исключены поэтому данные, полученные И. Р. Т. О. из 26 городов, в части, касающейся упомянутых только что 8 групп.

Размер жалования в торговых заведениях колебался в широких пределах. Были служащие, получавшие не больше обыкновенного чернорабочего, а были и такие, которые пользовались чуть-ли не министерскими окладами. Обыкновенно разница в вознаграждении за труд служащих соответствовала их неоди-

наковому служебному положению в торговом деле: кто стоял выше по служебной лестнице, тот и получал больше, при чем, как это водилось и в других сферах служебной деятельности, плата за труд нередко стояла в обратно-пропорциональном отношении к его́ количеству и качеству. Действительно, потребности служащего не играли сколько-нибудь значительной роли в увеличении размера его жалования: можно было иметь, напр., громадную семью и в то же время, несмотря даже на каторжный труд, получать за него грошевое вознаграждение[1]). Служащий, поставленный в такое положение, скорее сбивал цену за свой труд, чем его менее подавленный нуждою товарищ по профессии. Законы спроса и предложения и вытекающая из них конкуренция играли здесь свою первенствующую роль. Крахи торговых фирм, как и в области промышленности, порождали для торговых служащих печальные перспективы „искания другого места“.

На величину заработной платы торговых служащих влияние оказывали следующие условия: обширность и простор торгового дела в данной фирме, оптовый или розничный характер ее торговли, личные качества или заслуги служащего и т. д.

Согласно с общими требованиями экономической жизни действовали также и местные условия, влиявшие на размер заработка. Как увидим ниже, в крупных торговых центрах торговые служащие получали большую оплату за труд, чем в глухих городах; здесь, очевидно, вносилась в плату поправка на сравнительную дешевизну жизни в этих последних.

После этого краткого раз‘яснения можно приступить к изложению цифровых данных, имеющихся относительно заработной платы торговых служащих. Эти данные сгруппированы нами в следующей таблице (См. стр. 162):

---

[1]) От редакции: Не приходится, собственно говоря, и подчеркивать, что, поскольку речь идет об определении индивидуальной заработной платы, данное положение в условиях капиталистического общества касается не только служащих, но и всех вообще трудящихся. Получать „по потребностям“ каждый работник будет только в развитом социалистическом хозяйстве. Иное дело, когда речь идет о средней заработной плате. Ее размер не может, конечно, падать ниже известного минимума средств существования. Но последний в одинаковой степени играет свою роль в установлении на рынке труда величины заработной платы как рабочих, так и торговых служащих.

Размер получаемого жалования в год.	Администр. директора, доверенн. и управ.	Приказчики 1-го класса.	Приказчики 2-го класса.	Приказчицы.	Торговые ученики.	Кассиры.	Бухгалтера.	Конторщики.
	В процентах.							
Совершенно бесплатно	»	»	»	0,72	4,80	»	»	—
До 60 руб.	»	»	»	2,59	20,04	»	»	0,95
От 60 до 96 »	»	»	0,59	1,95	21,80	»	»	1,09
» 96 » 120 »	»	»	1,87	5,02	27,08	»	»	1,05
» 120 » 180 »	»	»	1,55	10.83	24,07	»	»	5,08
» 180 » 240 »	»	1,48	4,82	16,17	0,07	»	»	11,34
» 240 » 300 »	»	3,33	6,98	20,68	0,97	»	»	15,37
» 300 » 360 »	0,88	4,22	8.14	25,87	0,17	1,89	0,74	12,63
» 360 » 420 »	1,74	2,75	9,14	10,17	—	5,33	0,74	14,15
» 420 » 480 »	0,88	4,85	7,04	3,96	—	10,66	0,37	11,63
» 480 » 540 »	3,11	4,84	7,36	1,19	—	5,29	0,74	8,88
» 540 » 600 »	1,32	3,38	3,19	0,72	—	7.33	1,47	7,88
» 600 » 720 »	6,46	13,29	12,96	0,13	—	6,33	3,69	3,29
» 720 » 900 »	6,23	19,49	9,29	—	—	8.00	3,69	3,61
» 900 » 1200 »	7,87	6,33	6,94	—	—	8.00	6,71	2,02
» 1200 » 1500 »	4,38	7,81	5,93	—	—	10,66	8,90	0,96
» 1500 » 1800 »	12,71	2,32	4,66	—	—	11,66	11,41	0,07
» 1800 » 2100 »	13,77	3,16	2.42	—	—	8,34	14,79	—
» 2100 » 2400 »	12,37	12,86	2.51	—	—	11,33	19,19	—
» 2400 » 2999 »	5,10	4,22	2,26	—	—	3,23	13,28	—
» 3000 »	8,27	3,38	1,62	—	—	1,95	9,23	—
более 3000 »	14,91	2,28	0,73	—	—	—	5,04	—
ИТОГО:	100,00	100.00	100,00	100.00	100,00	100,00	100.00	100,00

Из этой таблицы видно, как колебалась величина годовой заработной платы у различных групп торговых служащих. Больше всего получали директора, доверенные и управляющие торговыми фирмами. Их оклады колебались в зависимости от города и фирмы. В Москве, например, годовой оклад в 6000—10,000 руб. для этой категории служащих считался обычным.

На складах мануфактуры Коншина, Морозовых, Четверикова, Гурлянда и др. первоклассных фирмах оклад в 10,000 р. для управляющего складом считался нормой, ниже которой редко, редко кто из служащих, поднявшийся на эти высоты, опускался. В менее крупных фирмах: Митрофанова, Аршинова, Дороднов и С-вья, Ильины, Гальперин и С-вья и др. оклад в 6.000 руб. считался предельной нормой, выше которой фирмы не шли. Такие же почти оклады существовали на фабричных оптовых складах Лодзи и у крупных оптовиков мануфактурными товарами Варшавы, Одессы, Петрограда и Харькова. Одна только фирма юга России „Д. П. Котляревский", ряд крупных оптовых магазинов и складов которой был раскинут во всех городах Юга России, начиная с Харькова, Одессы, Кишинева и кончая менее крупными уездными городами, превысила эти обычаем установленные нормы и платила своему директору П. И. Кухта 15 тысяч в год, а помощ. директора А. К. Фисаку и П. Кукушкину по 12 тысяч в год. В этой единственной во всей России фирме даже торговые ученики с первого дня поступления на службу получали жалование по 15 руб. в месяц и ежегодно по 2 костюма (летний и зимний) и по 6 смен белья. Насколько нам известно, эта фирма в смысле оплаты служащих не имела даже конкурентов и в Западной Европе. Минуя фирму Котляревского и выделив показания служащих этой фирмы, которые влияли на среднее по увеличению заработной платы служащих всех остальных групп, мы сразу опустимся до среднего годового заработка в 900 руб. у служащих остальных фирм во всех городах, где торговал „Д. П. Котляревский". В Харькове, Одессе, Кишиневе, Херсоне и др. городах средний годовой заработок заведующих складами, доверенных колебался от 600 до 900 руб. в год. Сообразно этому жалованию и равнялись оклады всех остальных служащих. То же самое почти явление наблюдалось и в Москве, Лодзи, Иваново-Вознесенске, Варшаве, Петрограде. Чтобы найти правильное среднее годового жалования, необхо-

димо было бы из нашего арифметического среднего исключить ряд фирм, как Коншин, Морозов, Гурлянд и т. д., но даже и при влиянии на вывод среднего оклада служащих упомянутых фирм, как мы это увидим из следующей таблице № 2 (См. стр. 166) средний заработок за год у административных лиц редко, где превышал в провинции 1200—1500 руб., т. е. 100—125 руб. в месяц. Само собою понятно, что в связи с этим и оклады остальных служащих были очень ничтожны. Даже приказчики 1-го разряда, заменявшие часто управляющих и доверенных, получали от 600 до 900 руб. в год. Об остальных служащих и говорить не приходится. Оклад в 5—25 руб. в месяц в провинциальных городах считался обычным. Чтобы больше не возвращаться к 1-ой группе служащих (доверенных, управляющих и директоров), мы тут же должны отметить, что помимо этих министерских, если можно так выразиться, окладов, доверенные и управляющие упомянутых выше фирм получали еще наградные в размере от 2 до 10% с чистой прибыли.

В данном случае замечалось то же самое явление, что и у служащих различных министерств царского правительства. В статье „Национальный доход", напечатанной № 20 Вестника Министерства Финансов приведены любопытные данные об окладах министерских чиновников. Из этих данных видно, что „всего лиц, получавших от 2.000 до 50.000 руб. в год и выше; состояло на службе у правительства Николая II 21.298 человек".

„Разбирая первую категорию—говорится в „Сыне Отечества" от 14 мая 1905 г. № 75—мы видим, что от 2 до 4 тыс. руб. в год получало 17.128 чел., причем 5.157 из них состояло на службе по военному ведомству, 3.141 — по министерству внутренних дел; от 4 до 7 тыс. руб. получало—3.280 человек, причем большая часть их распределялась опять таки по тем же ведомствам. От 7 до 15 тысяч получало 799 чел., из которых 245 чел. состояло на службе по военному ведомству, 105 по министерству внутренних дел, и т. д. От 15 до 30 тысяч получало 69 человек, причем 20 из них служило по министерству иностранных дел (в среднем получали по 25 тыс. р.) и 21 лицо состояло на службе в государственном совете. От 30 до 50 тыс. р. в год получало 10 чел., причем 6 из них служило в министерстве иностранных дел (в среднем получали по 35 тыс.), 4 человека служило в министерстве внутренних дел (среднее 42 тыс. руб. в год) и 1 лицо служило по военному министерству (40.895 р.).

Наконец, по министерству иностранных дел состояло на службе 10 человек, получавших в среднем по 80 тыс. руб. в год и 1 лицо, состоявшее на службе в военном министерстве получало 90 тыс. руб. Общая сумма получаемого этими чиновниками содержания по сметам расходов государственных учреждений на 1905 г. достигало 72.443,956 р., причем—оговаривается министерство финансов, — „цифры эти следует, во всяком случае, считать минимальными“. Но этого недостаточно. В этой статье констатируется факт, что эти чиновники получали помимо жалованья ежегодно в виде наградных 40 миллионов руб. золотом, Стоит сравнить эти оклады плюс наградные с окладами мелких служащих: почтальонов, телеграфистов, курьеров, сторожей и пр. чтобы понять, почему эти чиновники, исключительно дворянского происхождения, так из кожи лезли, чтобы защищать и поддержать трон и его власть. То же явление, как мы уже знаем из предыдущих глав, наблюдалось и в торговле. Задобрив и оплатив директора или доверенного, купец всегда был спокоен насчет угнетения, порабощения и эксплоатации низших служащих.

И фактически мы видим из таблицы, что почти все остальные служащие по торговле получали почти гроши в сравнении с директорами, доверенными и управляющими. Совершенно бесплатно работало 0,72 всех приказчиц и 4,80% всех торговых учеников. От 1 до 5 руб. в месяц получало 2,59% всех приказчиц и 20,04 всех торговых учеников и 0,95 всех конторщиков и конторщиц. От 5 до 8 руб. в месяц получало 0,59% всех приказчиков 2-го класса, т. е. такие служащие, которые пробыли в торговом деле от 5 до 9 лет. Далее, к этой группе примыкают 1,95% всех приказчиц и 21,98 % всех торговых учеников и 1,09% всех конторщиков и конторщиц и т. д., и т. д. Даже приказчики 1-го разряда и те получали в большинстве случаев самое ничтожное вознаграждение, а именно: от 15 до 35 р. в месяц получало 11,78% всех приказчиков этой категории; от 35 до 50 руб. в месяц получало—13,08%. Меньше всех получали торговые ученики и приказчицы. Жалование у торговых учеников колебалось от 1 до 25 руб. в месяц, причем по 25 руб. в месяц получало всего 0,47% всех торговых учеников, 20 руб. в месяц—0,97% и 15 руб.—1,07% всех торговых учеников. Фактически в эти три группы входили молодые приказчики, из которых многие прослужили уже у одного

и того же хозяина от 1 до 6 лет. Для удобства эксплоатации, низкой оплаты и обхода закона о выборке приказчичьих свидетельств 3-го разряда, хозяева засчитывали при обходе податными инспекторами торговых фирм, всех молодых приказчиков, имевших стаж ниже 10 лет, торговыми учениками. И только в крупных фирмах столичных и больших губернских городов (Москва, Петроград, Харьков, Варшава и др.) хозяева выбирали приказчичьи свидетельства для каждого приказчика I и II класса. Платя за свидетельство несколько руб. в год, хозяева высчитывали эту плату из жалованья служащего, путем ежемесячного погашения.

У приказчиц жалованье колебалось от 2 до 50 руб. в месяц, причем только 6% всех приказчиц получало свыше 35 руб. в месяц.

Сведения о среднех размерах заработной платы отдельных групп торговых служащих по 45 городам сгрупированны нами в следующей таблице. (См. стр. 167).

Из этой таблицы видно, что ниже всего оплачивался труд служащих Елисаветполя, Ставрополя, Александровска (Ставропольской губ.) и Брянска. Жалованье в этих четырех городах колебалось от 1 р. у торговых учеников и до 33 р. в месяц у приказчиков 1-го класса в Елисаветполе и от 4 руб. 33 коп. у торговых учеников и до 34 р. 60 к. в месяц у приказчиков 1-го класса в Брянске. Далее следуют: Проскуров, где жалованье колебалось от 3 р. в месяц у торговых учеников и до 41 руб. в месяц у приказчиков 1-го класса; Сызрань, где жалованье колебалось от 4 р. до 41 р. 42 к. в месяц; Камышин, где жалованье колебалось от 8 р. 50 к. до 50 р. 75 к. в месяц и т. д. Самые крупные ставки были в Москве, Петрограде, Харькове, Лодзи, Ростове н/Дону, Одессе и т. д.

Крупная разница в заработной плате административных лиц, приказчиков, приказчиц и торговых учеников побудила нас составить особую табличку о среднем месячном жаловании для каждой из перечисленных в таблице категорий торговых служащих отдельно.

Из этой таблички видно, что средний месячный заработок доверенного, управляющего равен был 94 руб. 22 коп., средний же заработок приказчика 1-го класса составлял только 59,64% жалования административного лица, у приказчика 3-го класса жалование составляло уже только 38,32%., у приказчицы—

(В рублях и коп.).

Среднее вознаграждение за год по профессиям торговых служащих по каждому городу.	Администрация.	Праказчики 1-го класса.	Прика чики 2-го класса.	Приказчицы.	Торговые ученики.	Кассиры.	Бухгалтера.	Конторщики.	Среднее вознаграждение служащим вообще по городу.
*Архангельск	672,05	513	440	189	60	658	785	300	414,63
*Петроград	2453	860	676	360	96	900	1140	900	923,13
Ревель	987	764	642	360	120	639	915	420	608,00
Виндава	901	803	675	369	108	652	846	401	594.12
*Москва	2368,8	1963	1070	360	180	2136	2162	1015	14[illegible],00
*Смоленск	1440	642	317	285	108	420	532	282	503,25
*Орел	840	430	345	181,5	47,75	—	—	260	350,40
Брянск	—	415	309	192	52,5	404	637	279	286,00
*Курск	840	552	408	240	60	600	708	292	462,5
*Тула	—	585	335	318	98	480	827	360	374,65
*Ив.-Вознесенск	1275	480	310	208	98	480	830	430	514,00
Владимир	—	520	298	201	60	—	—	305	276,80
*Тамбов	875	615	396	218	11,24	300	827	300	457,00
Кострома	715	570	421	196	51,5	—	610	258	403,00
*Ярославль	945	864	462	—	—	780	907	570	754,70
*Пенза	840	447	408	300	96	480	720	360	456,3
*Воронеж	—	644	314	—	60	—	660	296	394,80
Лодзь	2249	975	497	390	122	765	1370	522	861,25
*Вильна	1040	483	308	300	120	300	540	300	424,00
*Н.-Новгород	1483	994	510	360	125	480	1260	656	733,50
*Саратов	1100	622	483	—	96	—	720	480	583,50
*Самара	—	705	415	240	96	840	900	600	542,28
Сызрань	—	497	389	181	48,7	—	654	215	330,70
*Казань	964	724	386	271	72	420	1000	523	545,00
*Рыбинск	1890	680	312	240	60	720	845	422	646,12
Царицын	802	736	417	197	92	540	791	292	483,37
Камышин	—	609	482	177	102	—	—	312	336,4
Харьков	1781	975	761	360	128	841	1178	870	8 1,75
*Киев	900	735	464	360	120	480	970	456	560,62
Чернигов	824	611	412	300	98	505	791	398	492,35
*Полтава	840	524	496	300	96	680	720	360	514.5
*Екатеринослав	1125	660	412	300	96	480	840	360	534,25
Кременчуг	—	511	399	—	47	—	613	387	391,40
Проскуров	—	492	278	175	36	—	527	219	304 50
*Одесса	1569	1257	584	302	97	893	1315	619	829,50
Кишинев	971	645,5	467	219	48	613	796	359	514.75
Николаев	816	572	399,5	171	38	521	71	299	435,90
Елисаветград	783	619	422	157	43	582	692	258	444,50
Ставрополь	—	417	312	—	18,5	—	—	198	236,25
Елисаветполь	—	402	337	—	12,7	—	—	166	229,50
Александровск (Ставропол. губ.)	—	397	215	—	—	—	—	203	271.66
*Баку	—	1020	534	307	98	—	1200	595	609,00
*Ростов н Дону	1608,5	955,4	552	360	127	740	1300	703,5	805,00
*Новочеркаск	1440	954	432	341	118	711	1210	600	725,62
Среднее по профессиям вообще для всех перечисленных городов.	1131,40	676,40	433,39	256,00	83,14	626, 0	872,00	409,00	

В эту таблицу вошли данные анкеты Русско-Технического общества относительно 26-ти городов, обозначенных в тексте крестиками. Цифро-

23,03%, у торгового ученика 7,31% заработка доверенного или управляющего магазина.

Профессия.	Средний месячный заработок одного служащего по всем городам в рублях.	Величина заработка, принимая жалованье одного лица администрации за 100.
Администрация	94,22	100
Приказчик 1-го класса	56,20	59,64
„ 2-го класса	36,11	38,32
Приказчицы	21, 3	23,03
Торговые ученики	6,93	7,31
Кассиры	52,20	55,00
Бухгалтера	72,66	77,87
Конторщик	34,08	36,15

Несколько лучше оплачивался труд конторских служащих (конторщиков, бухгалтеров. кассиров и др.). Об'ясняется это тем, что бухгалтера являлись почти повсюду лицами со специальной подготовкой, а кассиры получали довольно много благодаря тому, что, поступая на службу, они вносили залог, иногда довольно большой, который хозяева тут же пускали в оборот

Если мы подсчитаем средние месячные заработки отдельных групп торговых служащих по отдельным отраслям торговли по уже перечисленным городам, то мы получим следующие данные. (См. стр. 169).

Отсюда видно, как сильно понижается средний месячный заработок любого служащего, благодаря общему выводу среднего заработка для всех 8 групп торговых служащих вместе взятых. Если мы теперь обратимся к отдельным отраслям торговли, то увидим, что в некоторых случаях заработок взрослого приказчика в 2 и больше раза ниже показанного

ные данные этих городов, обработанные д-р Листовым (см. «К вопросу о положении служащих в торговых заведениях д-ра Листова ст. 21 - 22 и др.) мною значительно пополнены на основании имеющегося у меня материала. У д-ра Листова, например, совершенно отсутствуют данные относительно заработной платы приказчиц и торговых учеников. Помимо данных РТО в эту таблицу вошли и мои данные, опубликованные мною в поименованных уже выше работах моих: «Приказчики в Одессе», «Приказчий вопрос» «В царстве тьмы и эксплоатации». (Черточки в графах означают совершенное отсутствие данных или неточность имеющихся).

Отрасль торговли.	Средний месячный заработок одного служащего в рублях.	Средний мес. зараб. админ. лица в рублях.	Средний мес. зараб. приказчика 1 класса.	Средний мес. зараб. приказчика 2 класса.	Средний мес. зараб. приказчицы в рублях.	Средний мес. зараб. торг. учен. в рублях.	Средний мес. зараб. кассира в рублях.	Средний мес. зараб. бухгалтера в рублях.	Средний мес. зараб. конторщика руб.
Мануфактурная	41.9	91,1	60,4	45,1	28,9	18,1	50,4	78,3	30,9
Галантерейная	22,4	82,3	46,3	32,6	15,2	12,2	38,6	69,7	18,4
Бакалейно-колониальная . .	14,8	—	29,9	18,5	—	5,9	22,8	—	19,1
Железо-скобяная	15,9	61,4	36,7	20,9	—	6,6	30,7	55,8	15,1
Башмачная	26,0	77,5	41,3	29,3	13,6	71,6	35,9	51,1	17,4
Готов. платьем	16,2	84,9	43,3	31,4	14,3	18,3	40,7	66,5	19,2
Дамскими шляпами	12,2	63,7	39,4	25,9	17,0	6,8	31,1	50,9	17,9
Мужскими шляпами	18,5	74,1	45,6	29,8	—	7,5	40,0	48,1	15,6
Гастрономич. товарами	10,9	—	25,2	15,2	—	2,5	20,9	—	—
Аптекарск. товарами	26,7	70,8	46,5	26,5	15,0	11,5	38,7	63,4	31,8
Посудно-хозяйствен. предм.	23,9	69,9	38,4	23,4	—	9,9	33,7	54,5	27,1
Мебельно-зеркальн. .	35,6	79,1	47,6	29,9	—	10,8	41,5	60,8	16,7
Бельем . .	16,2	75,1	33,6	21,7	12,1	6,1	25,9	56,1	13,4
Писче-бумажн.	27,0	68,4	47,9	30,1	17,6	13,7	32,8	5 18	14,9
Книгами и нотами .	27,0	69,9	49,1	32,9	18,9	9,4	36,1	56 7	17,1
Кондитерск. издел.	11,4	—	—	21,2	11,2	6,5	20,7	—	—
Чаем, сахаром и кофе . .	14,9	60 1	36,1	19,3	8,3	6,5	32,9	48,9	14,1
Портновскими принадлежн.	10,0	—	—	16,2	—	7,9	—	—	—
Церковными принадлежн.	13,9	76 2	47,5	19,2	—	8,3	33 3	50,3	26,7
Мяс м, рыбой и овощами	12,8	—	—	15,9	—	4,7	—	—	—
Смешанная	9,7	—	—	12,7	—	2,9	—	—	

общего среднего заработка, благодаря общему выводу. Так например, средний ежемесячный заработок приказчика 1-го класса гастрономической отрасли торговли равен 25 р. 20 к. вместо 59,64 руб. (общий средний заработок), а для 2-го класса уже только 15 руб. 20 коп. вместо 38 руб. 32 коп. (общего среднего заработка), и то тогда, когда средний заработок выведен был отдельно от торговых учеников и кассиров (приказчиц в этой отрасли торговли тогда еще не было, данными же бухгалтеров и конторщиков нельзя было воспользоваться, так как при сличении обнаружено там много неточностей в показаниях опрошенных). В магазинах, торгующих дамскими шляпами, средний заработок приказчика 1-го класса равен 39,4 руб., а 2-го класса—25,9 руб. При общем же вычислении среднего заработка всех служащих этой отрасли торговли, вместе взятых, заработок приказчика 1-го класса сразу понижается в 2,41 раза. То же самое явление замечается и в других

отраслях торговли. Во всех отраслях торговли, за исключением мануфактурной, средний ежемесячный заработок ниже показанного общего среднего заработка у приказчиц, бухгалтеров. Исключение составляют кассиры и конторщики, у коих даже и в мануфактурной отрасли торговли средний заработок ниже общего среднего заработка всех обследованных служащих.

Из предыдущего видно, как колебались нормы вознаграждения торговых служащих. Ничего удивительного нет, следовательно, в том, что среди торговых служащих, благодаря этим колебаниям, встречались люди всевозможных степеней благосостояния и бедности, граничащей с нищетой. Но решающим моментом в определении степени материального благополучия торгового служащего, само собою разумеется, являлось не одно жалованье, если, конечно, оно не выходило по своей величине из обычных пределов, как, напр., жалование директоров, доверенных, бухгалтеров и других служащих Котляревского, Морозовых, Гурляндов и др., о коих нами упомянуто уже выше. Для служащего, получающего денежное вознаграждение за труд, имеют большое значение: стоимость стола, квартиры, дороговизна предметов первой необходимости и самое главное, сколько человек находится у него на иждивении. Д-ру Листову, материалом которого мы широко воспользовались в настоящей главе, как и в главе о рабочем времени (смотри наши ссылки), удалось установить, что „в 25 городах [1]), кроме Москвы, на хозяйских квартирах жило только 27,46% всех опрошенных торговых служащих, остальные же 72,54% жили на своих квартирах. Большинство хозяйских квартир падало на долю несемейных, получающих небольшое жалованье. Наоборот, среди семейных служащих, пользовавшихся хозяйскими квартирами, преобладали люди, получавшие сравнительно более приличное вознаграждение. Холостых служащих было на хозяйских квартирах 68,61%, а семейных 31,39% всех опрошенных“ [2]).

---

[1]) Ростов н/Дону, Новочеркасск, Казань, Киев, С.-Петербург, Елисаветград, Саратов, Одесса, Самара, Екатеринослав, Курск, Архангельск Орел, Смоленск Иваново-Вознесенск, Ярославль, Н.-Новгород, Пенза, Полтава, Рыбинск, Воронеж, Вильна, Баку, Тула и Тамбов.

[2]) „К вопросу о положении служащих в торговых заведениях“. Доклад д-ра С. В. Листова, читанный в заседании санитарного отдела Р. И. Т. О. 29 апреля 1904 г., стр. 20—24 и др.

Мы могли бы закончить на этом настоящую главу, если бы не пришлось отметить еще одну особенность, влиявшую на заработок торговых служащих. В любой отрасли труда, как известно, возраст играет значительную роль в отношении заработной платы. У фабрично-заводских рабочих и у ремесленников, напр., возраст имеет постольку влияние на увеличение заработной платы, поскольку с возрастом приобретается рабочим опытность и навык в исполнении работы, которой они себя посвятили. То же самое явление наблюдается и у лиц интеллектуального труда. В приказчичьем же труде возраст приобретает какой-то специфический оттенок. От приказчиков требовалось в большинстве случаев не только знание дела и добросовестное исполнение своей работы, но и нечто большее. У торговых служащих дореволюционного периода ценилась главным образом „сноровка" и умение привлечь покупателя и подороже продать товар. Установившееся в торговом мире правило „не обманешь — не продашь" пользовалось у русского купечества правом гражданства до самого последнего момента их существования при николаевском режиме. Принимая торговых учеников на службу, купцы их воспитывали в этом именно духе. Но так как уменье хорошо торговать — что в переводе на торговый жаргон означало: хорошо надуть покупателя — приобреталось в большинстве случаев только с течением времени, то, следовательно, с возрастом возрастала и заработная плата приказчика.

Поясним эту особенность приказчичьего труда на следующем примере. Выше мы уже видели, что мануфактурные приказчики зарабатывали в большинстве городов в 2—4 раза больше торговых служащих других отраслей торговли. Невольно возникает вопрос, чем вызывалось это явление? На этот вопрос, заданный некоторым крупным мануфактуристам при обследовании автором условий жизни и труда торговых служащих Петрограда, Одессы и др. городов, последовал ряд ответов на фирменных бланках и за полными подписями. Приведем наиболее любопытный из них:

„Мы платим приказчикам сравнительно больше, чем купцы других отраслей торговли, — пишет В. Т. Пташников, — не потому, что мануфактурное дело самое прибыльное, как многие ошибочно полагают, а потому только, что наше дело слишком темное. Самый плохой и даже гнилой товар в нашей отрасли

торговли может быть очень выгодно продан, раз продавец умеет этим товаром заинтересовать покупателя. В нашем деле важно только заинтересовать покупателя чем-нибудь, а потом уже мы делаем с ним, что нам угодно... Мы приказчикам платим главным образом, не за труд, а за *умение взять покупателя* (курсив купца).

Поясняя свою мысль о расценке, Пташников замечает. „Самый опытный в своем магазине мануфактурный купец или приказчик является совершенным профаном в чужом магазине: У каждого из нас есть своя специальная система расценок товаров, составляющая нашу торговую тайну. Благодаря этим системам расценок, один и тот же товар одного и того же фабриканта, на одном и том же квартале продается в различных магазинах по различным ценам. Об'ясняется это тем, что каждый из нас изучил хорошо вкус своих покупателей. Скажу вам больше, случается и то, что один и тот же кусок товара мы разрезаем на две части и продаем каждую часть по различным ценам, особенно часто это практикуется при предпраздничных распродажах. Все зависит от умения поговорить и уговорить покупателя. При таких условиях, — кончает Пташников, — легко понять, почему труд мануфактурных приказчиков лучше оплачивается труда приказчиков других отраслей торговли [1]).

Купцы Ближенский, Котляревский, Фельдман, Бродский, Кальфа подтвердили слова своего коллеги.

Санитарные условия жизни и труда торгово-служащих.

Одним из самых жгучих, злободневных вопросов в больших городах, где население более или менее скученное, является квартирный вопрос. Повсюду слышатся жалобы на неудобства житья и т. д.

Гобсон в своей нашумевшей книге „Проблемы бедности“, говорит о бедности восточного Лондона следующее:

„Бесполезно распространяться о качестве этих жилищ, за которые бедняк·· платят так дорого. Плохо построенные, не ремонтирующиеся, переполненные, лишенные вентиляции и надлежащих санитарных приспособлений, городские жилища низшего класса находят мало защитников. Вспомним, что эти

[1]) А. М. Гудван „Приказчичий вопрос“, стр. 95—97.

дома служат также мастерскими для огромного числа бедняков, и что неизбежным следствием работы в спертом и зараженном воздухе является физическая слабость, болезни и преждевременная смерть".

Все это может быть отнесено и к русским городам, которые в этом отношении не только не отстали от больших городов Западной Европы, как Лондон и др., но, наоборот, могли служить самым ярким и типичным примером квартирных условий. Крупные губернские и столичные города, совершенствуясь все более и более в своей центральной части, где имелись миллионные здания, театры, купеческие биржи, почты, разные дворянские и „благородные" собрания, торцовые мостовые, бульвары, скверы, электричество и т. д., совершенно игнорировали свои предме тья с огромным рабочим населением. В предместьях не было не только городских театров, зал для народных собраний, скверов, порядочных мостовых, но не было также удобных квартир для жилья.

В данной работе мы рассмотрим только санитарно-гигиенические условия квартир торгово-промышленных служащих, а не всех рабочих.

Если сказать, что жилища, в которых жило большинство торгово-промышленных служащих были отвратительны, никуда не годны, ниже всякой критики и т. д., то этими словами будет сказано далеко не все. Никакими эпитетами нельзя представить, что существовало на самом деле в этих конурах. Надо было видеть их собственными глазами, чтобы иметь достаточно ясное представление о тех условиях, в которых жили многие приказчики. Для характеристики постараемся описать несколько таких квартир, известных автору из личного опыта [1]). Возьмем для

[1]) Чтобы констатировать правильность ответов на опросный лист, я лично, сначала в качестве секретаря городской санитарной коммиссии Одессы, а затем при обследовании петроградских служащих в качестве участкового санитарного попечителя совместно с отрядом врачей, студентов и участковых санитарных попечителей обследовал только квартиры в упомянутых двух городах. Таких квартир мною лично осмотрено всего 122 (в Одессе - 68 и в Петрограде — 54). Все остальные квартиры обследованы были санитарными участковыми попечителями. Протоколы осмотра этих квартир плюс ответы торгово-промышленных служащих на вопросы опросного листа (в каком этаже ваша квартира? В подвале, полуподвале, чердаке ... этаже? Темна-ли:—да, нет? Сыра-ли: да, нет? Холодна-ли: — да, нет? Тесна-ли: — да, нет? Сколько комнат в квартире, сколько человек спят в одной комнате и др.)

этого хотя бы квартиры — собственные, населенные приказчиками двух улиц Одессы: Мещанской и Старорезничной, прилегавших к Старому базару, привозу и толчку и квартиры хозяйские в Петрограде, по Апраксину пер. домов № 7, 9, 10 и друг., по Лештукову пер дом № 14, по Сытинской ул. дом № 8 и дома № 14 по 17 линии Васильевского острова и друг.

Некоторые из этих квартир находились на несколько аршин ниже уровня тротуара. Спуск в них по скользкой деревянной лестнице без перил. Надо было обладать ловкостью акробата, чтобы, спускаясь по этим лестницам, не свернуть себе шею. Квартиры совершенно лишены были света, днем и ночью они освещались маленькой лампочкой, распространявшей вонь и густую копоть. С покрытых плесенью стен потоками текла вода.

При измерении квартиры Даина, служившего приказчиком в оптово-розничном железо-скобянном магазине М. Я. Штеренберга в Одессе (квартира Даина находилась в д. № 8 по Мещанской улице), оказалось, что вышина каждой комнаты (всех комнат в квартире было три и кухня) равнялась 3 аршинам, 3½ аршинам ширины и 3 арш. 9 верш. длины. Сам Даин снимал комнату с кухней. В двух остальных комнатах жили два семейных приказчика: Рабинович, служивший в мануфактурном магазине Бомзе, и Цыпин, служивший в оптовом складе бакалейных товаров Рабинкова. У Даина семья состояла из 7 душ, он сам был 8-й, у Рабиновича из 5 душ (комната Рабиновича была проходная) и у Цыпина из 11 душ. У него же нашел себе пристанище больной, разбитый параличем, приказчик, выгнанный хозяином М. Я. Штеренбергом со службы во время болезни [1]) и семья его замужней сестры. Муж сестры сапожник-латочник, работал дома. Все эти квартиры-комнаты отапливались „казанчиком“ [2]).

и составили тот материал, на основании которого я в других своих работах „Приказчичий вопрос“ и „В царстве тьмы и эксплоатации“ ввел главу о санитарно-гигиенических условиях труда и жилья торгово-промышленных служащих Петрограда и Одессы.

[1]) Смотри „Приказчики и хозяева“ и „Приказчичий вопрос“ А. Гудвана стр. 99 102 и 113 и друг.

[2]) Казанчик – это обыкновенно больших размеров чугунный горшок устанавливаемый на нескольких кирпичах, в котором вмещается не больше 5 фунтов мелкого угля (мусор).

Все сказанное только-что относительно осмотренных квартир на Мещанской улице всецело может быть отнесено и к квартирам подвалов по Старорезничной и др. ул. Одессы, разница только в том, что на Старорезничной улице полы не земляные, а глинянные, и что некоторые квартиры освещались стеклянными дверями, выходящими в полутемный коридор. Во всем же остальном они сходны были с уже описанными. Такая же сырость, плесень, темнота, вонь.

Об обстановке этих квартир говорить не приходится. Для семьи из 7—12 душ имелся стол, несколько табуреток и двуспальная кровать.

В еще более худших условиях жили торговые служащие, главным образом приказчики и торговые ученики, жившие на хозяйских квартирах в Петрограде.

Комната-чулан, отведенная приказчикам и торговым ученикам для ночлега Кореньковым (Сытнинская улица, д. № 14), соприкасалась с кухней. Вышина комнаты 4 арш., ширина 3½ шага и длина 6 шагов.

Кроватей не было. Спали приказчики на нарах. Нары установлены были в три яруса. Днем верхние ярусы разбирались, а на них приказчики обедали. Мальчики спали на полу. Всех приказчиков у Коренькова (торговавшего на Сытном рынке, №№ 18 и 19, рыбой) — было 13 человек.

Из 16 приказчиков, служивших у Шевалдышевой, торговавшей осветительным материалами (Чернышев пер., д. № 3), 7 человек спали в одной комнате шириной 7 арш., вышиной 5 арш. и длиной 7 арш., а 9 человек (6 мальчиков и 3 взрослых) спали на кухне. Квартира Шевалдышевой, при коей находилась комната для служащих, помещалась в доме № 5 по Лештукову переулку.

Далее идут квартиры: Мигаева (колбасная, Николаевская улица, угол Кузнечного пер., дом Старообрядческой церкви), Жирнова (колбасная, Симеоновская, угол Моховой), Жукова (мелочная и смешанная торговля по Гороховской ул., д. № 52), и т. д. и т. д.

У Мигаева было 16 служащих (8 „молодцов“ — так называл всегда этот купец своих приказчиков — и 8 мальчиков). Спали все на полу без тюфяков при колбасной в комнате, где выделывалась колбаса; у Жирнова было 15 человек служащих (8 приказчиков и 7 мальчиков). Спали на квартире хозяина все

в одной комнате при кухне для прислуги; у Жукова приказчики спали вместе с рабочими, работавшими в его пекарне на той же Гороховой улице, и т. д. и т. д.

Все эти квартиры,— если эти чуланы и мусорные ямы можно назвать квартирами,— были переполнены клопами, вшами, тараканами, жуками, мокрицами и др. насекомыми, которые заедали приказчиков.

Отсылая лиц, интересующихся квартирными условиями торговых служащих, к упомянутым уже нашим работам, а также к докладу д-ра Листова: „К вопросу о положении служащих в торговых заведениях“, мы приведем здесь только те данные, которые необходимы для правильного понимания и оценки вопроса о болезненности торговых служащих.

Из собранных и своевременно опубликованных автором данных относящихся к 1902—03 гг. видно, что в сырых квартирах жило 8,6%, в темных 7,5%, в холодных 9,7%, в темных и сырых — 25,3% и в холодных и сырых — 36,6%. Сосчитав все эти числа, получим, что 87,7% всех торгово-промышленных служащих жили, в сырых темных и холодных квартирах И только 12,3% жили в удобных для жилья квартирах.

В сырых квартирах жили приказчики 15-ти отраслей торговли. Из них в мануфактурных магазинах служило 32,4%: в обувных магазинах — 18,7%, в галантерейных — 12,2%, в аптекарских и москательных — 6,4% и т. д.

В совершенно темных без окон и стеклянных дверей жили приказчики 11 отраслей торговли (из них: 61,5%— служащие галантерейных магазинов, 20,2%— служащие мануфактурных магазинов, 7,2%— служащие гастрономических магазинов и т. д.).

Из живущих в холодных квартирах приходилось — 26,2% на мануфактуристов, 24,2% на служащих бакалейно-колониальных магазинов, 11,4% на служащих шляпных магазинов и т. д.

Из числа обитателей темных и сырых квартир было 45,3% приказчиков галантерейных магазинов, 18% —бакалейно-колониальных магазинов, 9,7— железных магазинов и т. д.

В холодных и сырых квартирах приходилось на приказчиков и конторщиков, служащих в мануфактурных магазинах 38,1% и служащих бакалейно-колониальных магазинов 20,5% и т. д. В общем, как мною уже отмечено выше, в этих так называемых неудобных квартирах жило 87,7% всех торговых служащих упомянутых городов.

Если при этом мы вспомним о чрезмерной продолжительности работы торговых служащих и о том, что эта работа совершалась стоя, во многих случаях без всякого перерыва, что питание служащих в большинстве случаев состояло из недоброкачественных продуктов, благодаря их бедности, что во многих отраслях торговли (табачная, аптекарская и др.) им приходилось постоянно во время службы находиться в удушливой атмосфере, пропитанной специфическими испарениями и запахом, а в некоторых (мясная, железо-скобяная и др. торговли) приходилось таскать на своих хребтах тяжести и т. д., тогда легко будет себе представить, как все эти условия жизни и работы, вместе взятые, отражались на здоровье служащих.

Заболеваемость торговых служащих.

Чрезмерно продолжительный рабочий день при негигиенической обстановке, при отсутствии правильных промежутков для отдыха, при разновременности получения пищи, часто неудовлетворительной, ограничивающейся часто сухоядением, все это порождало у торгово-служащих многочисленные и разнообразные заболевания. Во время же „болезни, инвалидности и старости они не могли,—как это установил д-р Листов,— ни на что рассчитывать, кроме своих сбережений, которых, при нищенской оплате их труда, они сделать в достаточном размере не могли“ [1]). После же смерти служащего его семья по тем же причинам всегда оказывалась в еще более худшем положении. Если даже, по выслуге 15—25 лет, заработок служащих несколько (хотя и в очень незначительной степени) и увеличивался, то, благодаря ослаблению организма, преждевременным болезням, сбережений все-таки не получалось. Что же касается обеспечения со стороны хозяев во время болезни и проч., то приходится констатировать, что какое-либо обеспечение встречалось очень редко. Таким образом больному и престарелому приказчику приходилось лечиться и жить на свой счет. При подобных обстоятельствах зачастую приходилось продавать или закладывать последнее имущество, а если болезнь затягивалась, то такой несчастный пополнял собою ряды нищих.

---

[1]) Д-р Листов „К вопросу о положении служащих в торговых заведениях“, стр. 45.

„По имеющимся у нас данным,—пишет д-р Листов,—помощь со стороны хозяев только заболевшим на продолжительное время служащим ограничивается обыкновенно выдачею месячного жалования. Так в Новочеркасске, судя по ответам служащих, в случае тяжелой болезни, когда приходилось совершенно прекращать хождение на службу, в 77% случаев жалование за время болезни не выдавалось, только 23% заболевших пользовались жалованием более или менее продолжительное время, чаще всего (48,5%) в течение месяца от начала болезни. Пенсия состарившимся на службе до невозможности дальше работать или инвалидности отмечалась, как чрезвычайная редкость. Все, впрочем, зависит в этом деле от „усмотрения" хозяев, на которое служащие в опросных картах сплошь и рядом ссылаются по разным вопросам"[1]).

В других городах, как установлено было Курниным[2]) и мною[3]) наблюдалось то же самое явление, за исключением разве того, что в Петрограде, Ростове н/Дону, Нижнем-Новгороде, Иваново-Вознесенске, Екатеринославе, Харькове, Одессе, Баку, Иркутске и ряде других городов (в общем 30 городов) процент случаев невыдачи жалования во время болезни был значительно больше и колебался в среднем для всех городов от 92% до 99,8%.

Немало способствовало удалению со службы старых приказчиков также и то, что детский и женский труд оплачивался, как мы это выше показали, значительно дешевле труда взрослых приказчиков.

Зерно болезней рядового работника по торговле положено было в детстве, когда он был еще торговым учеником. Обыкновенно торговый мальчик, как мы выше показали (см. главу „Детский Труд"), только считался „учеником", на самом же деле он нес обременительную службу у хозяина в течение многих лет. Становясь взрослыми, приказчики претерпевали крайнюю нужду при незначительном жаловании и содержании много-

---

[1]) Там-же стр. 44.

[2]) См. „Приложение к докладу С. В. Курнина „Об обеспечении на случай болезни, старости и смерти", читанном на II Всероссийском с'езде представителей обществ вспоможения частному служебному труду и других однородных по идее и цели в Москве" (стр. 200—238).

[3]) См. „Приказчичий вопрос" стр. 109—113 и „В царстве тьмы и эксплоатации", стр. 64—71.

численной семьи родственников. Особенно обременительными расходами являлись расходы на содержание квартир для семейных, а также на пропитание, одежду и обувь. Такой неблагоприятно сложившийся строй жизни торговых служащих разрушительно действовал на физическую и духовную сторону организма.

Число показаний больных венерическими болезнями для всех городов колеблется в среднем от 1 до 16,8% всех торгово-промышленных служащих города и его окрестностей. В действительности, надо полагать, венерическими болезнями болели значительно больше, чем показывали служащие, ибо масса скрывала подобные болезни. Это предположение свое мы выводим из того, во-первых, что холостых приказчиков (к этой группе отнесены и приказчики, не живущие с семьями, а также вдовцы) в числе обследованных было: в Петрограде—92%, Москве—87%, Варшаве — 83%, Киеве — 78%, Одессе — 66% и т. д. (семейных служащих мы исключаем), а, во-вторых, из писем приказчиков, опубликованных в „Новой Руси“ (№№ 84, 86, 88, 91 и др.) за 1909 г. видно, что они „покупали любовь“ в самых злачных местах. Болели венерическими болезнями и подростки 16—18 лет. Никогда не изгладится из моей памяти рассказ одного такого 16-летнего юноши, Миши Вассермана, служившего в Одессе в магазине готового платья Тобака, который описал историю своего падения и который в эту же первую ночь заболел венерической болезнью твердым шанкром. „Все это происходило оттого,— заметил этот подросток, в оставленной им предсмертной записке,—что работаешь до изнеможения, а духовных развлечений, за отсутствием свободного времени, у нас нет. Вот и идешь один раз в неделю,— в свободный вечер,— в кабак, а оттуда в дома терпимости“ [1]).

Имеющиеся фактические данные (см. таблицу на стр. 180) наглядно показывают, как отражались условия труда и жизни на здоровье торгово-промышленных служащих.

---

[1]) Записку эту я получил по городской почте на второй день после смерти Вассермана. Вассерман повесился в Одессе, в Александровском парке 5 сентября 1903 г., как только на его теле появились первые сифилитические язвы.

Направив мне предсмертное письмо, Вассерман просил собрать кое-какую сумму денег в пользу его матери и вообще заботиться о ея материальном благополучии.

НАЗВАНИЕ ГОРОДА.	Ревматизм.	Катарр желудка.	Катарр бронх.	Нервное расстройство.
Армавир	31,25	19,12	37,50	56,25
Астрахань	42,64	23,53	47,06	44,11
Архангельск	50,00	29,00	44,23	23,07
Баку	18,00	25,00	21,43	32,13
Варшава	64,10	63,90	22,20	36,30
Вильно	26,66	40,00	26,66	36,67
Воронеж	62,47	28,12	6,00	62,47
Екатеринослав	37,50	23,43	40,63	42,19
Екатеринодар	32,53	26,50	35,14	24,00
Елисаветград	30,00	28,05	29,91	09,75
Иваново-Вознесенск	34,83	10,64	27,65	27,66
Иркутск	50,00	33,33	24,00	33,33
Казань	34,87	23,00	33,34	34,88
Киев	60,25	63,20	34,25	40,40
Курск	40,00	17,00	34,00	41,51
Москва	70,50	60,03	23,00	37,50
Нижний-Новгород	29,00	33,33	26,66	51,11
Одесса	67,03	66,66	23,58	42,12
Орел	33,33	08,75	40,00	48,00
Пенза	40,00	26,83	41,46	50,00
Пермь	40 00	20,00	30,00	34,34
Петроград	73,38	70,10	42,15	38,33
Ростов-на-Дону	32,92	21,43	35,02	33,24
Рыбинск	21,89	18,79	37,50	37,50
Самара	36,30	30,00	28,40	34,56
Саратов	64,20	35,80	51,85	53,08
Сызрань	56,00	24,00	48,00	32,00
Тамбов	60,00	45,00	55,00	95,00
Тула	66,66	28,49	33,33	42,78
Ярославль	44,44	31,11	53,33	31,11
ИТОГО	45,18	32,47	34,53	40,14

ПРИМЕЧАНИЕ: В этой таблице приводятся сведения только относительно 27 городов и то только относительно 4 болезней, так как сведения относительно других городов настолько неточны, что ими чрезвычайно рискованно пользоваться. То же самое необходимо заметить и относительно других болезней, как напр., венерических.

Наиболее преобладающими болезнями у торговых служащих являлись: ревматизм, болезни дыхательных органов, катарр желудка и нервное растройство. Процент больных этими четырьмя болезнями чрезвычайно велик. Рассмотрим поэтому зависимость этих болезней от профессиональных условий труда и жизни торговых служащих.

Заболеваемость ревматизмом об'ясняется неблагоустрой-

ством торговых помещений (магазины и склады зимой не отапливались), в которых служащим приходилось проводить большую часть своей жизни, подвергаясь действию сквозняков и влиянию сырости и холода. Сырость, холод и другие недостатки помещений преследовали служащих в их дешевых и неустроенных квартирах и в магазинах. Приказчики, как мы уже знаем, во все время службы стояли на ногах, то в магазине при отпуске и отправке, уборке и раскладке товаров, то на улице, независимо от времени года и погоды, и зазывали покупателей.

От продолжительного стояния у приказчиков утомляется весь организм, особенно ноги [1]). В силу однообразного положения тела получается неправильное распределение крови, застой последней в нижних конечностях, отчего происходит по удостоверению д-ра Листова „варикозное расширение вен и проч.“ [2]).

„В конце дня мои подошвы горят и все члены ноют. В субботу это что-то ужасное“ [3]), пишет один приказчик 22 лет, служащий в колониальной лавке Петрограда, работавший 17 часов в сутки. „Мои ноги ужасно болят к концу дня“, — вторит ему 17-летняя приказчица из мануфактурной лавки, выстаивающая по 15 часов в сутки.

Авторы известного труда „О 8-часовом рабочем дне“ Сидней Вебб и Хорольд Кокс признают стояние на ногах огромным злом приказчичьей работы. Они ссылаются при этом между прочим, на д-ра Ричардсона, большого авторитета по данному вопросу, который говорит: „Действие лавочного труда на женщин и мужчин моложе двадцати одного года неизбежно вредны, так как подобный труд задерживает рост и естественное равитие органов тела. При этом вред, причиняемый женщине, таков, что способен отразиться на могущих быть у нее детях“ [4]).

„На что бы, однако, больной ни жаловался, — говорит д-р Поляк, обследовавший киевских приказчиков, он всегда упо-

[1]) Требование об устройстве скамеек за прилавками и о разрешении сидеть являлось одним из требований во время забастовок во всех городах.

[2]) См. „К вопросу о положении служащих в торговых заведениях“, стр. 40.

[3]) А. М. Гудван. „В царстве тьмы и эксплоатации“, стр. 65.

[4]) См. „8-часовой рабочий день“. Соч. С. Вебба и Х. Кокса, стр. 80—81, перевод Л. Муратова, изд. 1904 г.

минает о ломотных болях в ногах и слабости и дрожании в них, при чем я много раз констатировал у них, особенно у более пожилых, отечность вокруг лодыжек, болезненную чувствительность в надкостнице, а иногда и расширение вен“ [1]).

Болезни дыхательных органов вызывались, несомненно, также плохими торговыми помещениями и, во многих случаях неопрятным их содержанием (от холодного воздуха в помещениях, от сквозняков и пыли сыпучих товаров, от частого выбегания на улицу осенью и зимой, из магазина на улицу и обратно для зазывания покупателей); дома же страдавшие этими болезнями вынуждены были проводить все время в тесных и душных антисанитарных квартирах.

Заболеваемость катарром желудка обусловлена была дурным питанием торгово-служащих. Стоит только вспомнить, что громадное большинство приказчиков не пользовалось обеденным временем, что обедали они тут же за прилавком, между делом и в разное время, что пища их в большинстве случаев состояла из холодной закуски: колбасы, чая с хлебом и т. п. Разновременность принятия пищи, часто в сухомятку, второпях, не говоря уже об ее качествах в смысле свежести и питательности, — все это должно было весьма вредно отзываться и фактически отзывалось на состоянии здоровья торгово-служащих вообще, в частности на их органах пищеварения. Д-р Листов констатирует, что обильное питье чая, практикуемое приказчиками, „это полоскание кишек“ горячей водой, в связи с другими условиями магазинной и лавочной торговли, о которых мы говорили выше, должны предрасполагать к многочисленным простудным заболеваниям, преимущественно органов дыхания, суставов и мышц, с одной стороны, и к расстройствам пищеварения — с другой“ [2]).

И действительно, как видно из цифровых данных, болезни органов пищеварения относятся к более частым, занимая первое место после ревматизма, или — точнее будет сказано — после заболевания суставов и мышц.

Нервное растройство дает весьма значительное число больных. Об‘яснять это чрезвычайно обильное количество нервных

[1]) Цитируем по „Записке о положении и нуждах торговых служащих Киева“.

[2]) Д-р Листов. „К вопросу о положении торговых служащих“, стр. 40.

болезней, после описания жизни и быта торговых служащих, не приходится. Всем и без того ясно, что общие условия жизни приказчиков в связи с требовательностью и капризами покупателей губительно отзывались на психике торгово-служащих. Скажем только, что приказчикам пред'являлось требование, чтобы, несмотря на усталость, они не показывали ее, и были всегда любезны в обращении с публикой.

„Мы должны всегда иметь готовую улыбку, как-бы мы ни были утомлены и больны, — пишет в примечании к опросному листу приказчица мануфактурной лавки Петрограда Иванова“ [1]). „Приказчик должен всячески стараться не упускать покупателя, действуя на последнего хитростью, уменьем угодить его вкусу, в меру похвалить товар, быть находчивым и любезным без конца“, — пишет в примечании к опросному листу приказчик магазина готового платья Одессы Ландесмана [2]). „Говорить, говорить без конца, — замечает приказчик галантерейного магазина Нестермана (Одесса), — пока не уговоришь взять имеющиеся в магазине кружева или ленты, а не те, которые хочется покупательнице“ [3]).

Врачи Явейн, Богомолец, Корнблюм, Белградов, Шпренгель, Шеренцец и др., наблюдавшие и иследовавшие болезни приказчиков в Херсоне, Николаеве, Екатеринославе, Харькове, Петрограде, Нижнем-Новгороде, Ростове-на-Дону, Баку и др. городах, свидетельствуют, что количество болезней на одного человека колеблется от 1,9 в Херсоне и до 2,83 болезней в Петрограде.

Из таблицы мы видим, что ревматизмом болело 73,38% всех приказчиков Петрограда, 70,5% всех московских приказчиков, 67,03% всех одесских приказчиков, 64,1% всех варшавских, 60,5% всех приказчиков Киева и т. д.

Катарром желудка (болезнь пищевых органов) страдало 70,1% всех петербургских приказчиков, 69,8% всех московских, 66,7% — Одессы, 63,2% — Варшавы, 60,3% — Киева и т. д.

Нервным расстройством страдало 95% всех приказчиков Тамбова, 62,4% — Воронежа, 56,25% — Армавира, 53,08% — Саратова и т. д.

---

[1]) А. М. Гудван, „В царстве тьмы и эксплоатации“, стр. 68.
[2]) А. М. Гудван, „Приказчичий вопрос“, стр. 110.
[3]) Там же стр. 110.

Катарром бронх (болезнь органов дыхания) страдало 55% всех приказчиков Тамбова, 55,33% Ярославля, 51.85% — Саратова, 48% — Сызрани и т. д.

Из собранного нами статистического материала видно, что больше всего болели приказчики мясных и железо-скобяных магазинов. На одного приказчика-мясника падало 3,7, а на служащих железо-скобяных магазинов 3,2 болезни. Мясная торговля, как мы уже показали в главе о рабочем времени, одна из самых трудных и продолжительных по времени торговли, не имеющая даже воскресного отдыха и в то же время в буквальном смысле тяжелая; мясникам вменялось в обязанность таскать огромные туши на своем хребте, когда они принимали мясо с боен; летом сносить туши в подвалы и обратно для продажи. Особенно много приходилось терпеть мясникам осенью, когда шла солка (у крупных мясников солка производилась почти круглые сутки беспрерывно). По целым дням, а иногда и ночам, мясники проводили время в сырых подвалах мокрые от воды и рассола. Тут уж и чаем не отогреешься,— приходится усиленно отапливаться алкоголем. Подобные же манипуляции при тех же почти условиях проделывались и в колониальных лавках при солке капусты. Разница только в весе головки капусты и мясной туши. В железо-скобяных же лавках приходилось убирать и перекладывать довольно тяжеловесные вещи в сырых неотапливаемых помещениях, обеденным временем приказчики почти не пользовались, заработок их был тоже ниже, чем в других отраслях торговли, так что питание было самое плохое.

Второе место по количеству болезней среди торговых служащих занимали приказчики мануфактурно-галантерейных магазинов: на одного служащего этой отрасли торговли падало 3 болезни; третье место занимали приказчики шляпных магазинов на одного человека падало — 2,73 болезней. Потом следовали в порядке постепенного понижения количества болезней приказчики магазинов, торговавших: молочными продуктами, готовым платьем и т. д. Меньше всех болели приказчики магазинов, торговавших фруктами, мебелью и зеркалами. В среднем на одного человека в этих отраслях торговли приходилось 0,9 болезни.

Из всего сказанного легко притти к заключению, что труд и условия быта торговых служащих были во много раз хуже жизни и труда других категорий трудящихся.

Культурное развитие приказчиков.

Достаточно показательными данными для обрисовки культурного развития торговых служащих могут служить сведения о степени их грамотности и образовательном цензе, которые были автором в свое время собраны и опубликованы в ряде его работ. В основу этих сведений легли труды всероссийского с'езда по образованию женщин в 1903 г., труды с'езда деятелей по профессиональному и техническому образованию в 1896 г., анкетные обследования И. Р. Т. О. и автора, данных целого ряда отчетов обществ взаимопомощи торговых служащих, доклады с мест на I и II с'ездах приказчиков и некоторые другие переписи.

Сведения эти относятся к концу прошлого и началу этого столетия и не смотря на некоторую их разновременность дают довольно верную картину образовательного уровня приказчиков.

Нижеприведенные данные дают понятие о степени грамотности торговых служащих:

Отрасль торговли.	Колич. неграм. в % % отнош.	Колич. умеющих читать и писать в % % отнош.	Колич. кончивших нар. или гор. уч. в % % отнош.	Колич. кончивших средн. учебн. заведения в % % отношении.	% грам. в каждой отрасли торговли.
Мануфактурная	—	51,00	46,00	3,00	100,00
Галантерейная	—	78,00	21,00	1,00	100,00
Бакалейно - колониал.	21,00	49,00	30,00	—	79,00
Железо-скобяная	18,03	47,00	34,00	0,97	81,97
Башмачная	—	59,00	39,00	2,00	100.00
Готов. платья	17,00	43,00	40,00	—	83,00
Дамскими шляпами	28,00	60,00	12,00	—	72,00
Гастрономич. товар.	31,00	52,00	17,00	—	69,00
Аптекар. - москательн.	—	29,00	59,06	11,94	100,00
Посудная	—	48,95	47,99	3,06	100,00
Мебельно-зеркальн.	—	56,00	43,00	1,00	100,00
Бельем	20,81	68,82	10,29	—	79,19
Писчебумаж. принадл.	—	38,99	60,09	0,92	100,00
Книгами и нотами	—	20,83	72,34	6,81	100,00
Конд. и булочн.	39,00	27 00	34,00	—	61,00
Мужскими шляпами	11,87	40 00	83,13	—	88,13
Чай сахар, кофе	—	48,70	38,26	13,04	100,00
Портняжн. прибор	35,29	44,17	20,54	—	54,71
В среднем по всем отраслям торговли	12,33	47,76	37,37	2,54	87,61

Из этой таблицы видно, что совершенно неграмотных приказчиков, т.-е. не умеющих даже прочесть наименование товара или написать чек в кассу на отпущенный товар, оказалось в среднем 12,33 всех торговых служащих, а грамотных—87,67 (умеющих читать и писать – 47,76%, кончивших городские или народные училища—37,37%, т.-е. немного больше одной трети и кончивших средне-учебные заведения главным образом, коммерческие училища и торговые школы—2,54%).

На первый взгляд такой высокий процент грамотных производит чрезвычайно отрадное впечатление. В действительности же трудно было найти более темную и невежественную массу, чем приказчики. Беспросветная тьма, косность, отсутствие духовной бодрости царили в мире торгово-служащих. Ничего удивительного в этом, конечно, нет, — ведь вся жизнь этих несчастных протекала в такой приниженности, в таком попирании человеческих прав, что все эти люди ничего не испытывали, кроме внутреннего трепета. Присматриваясь и изучая жизнь, быт, привычки, навыки и наклонности торговых служащих в течение 24 лет, мы пришли к заключению, что косность, невежество и рабство, всосавшиеся в плоть и кровь каждого приказчика, вызваны были, главным образом, непомерно длинным рабочим днем и чрезвычайно низкой заработной платой. Вечная боязнь за завтрашний день создала в этой среде полнейшую утробную зависимость, формирующую и зависимость духовную, совершенно обезличивающую этот класс трудящихся. Такая запуганность лишает человека его будущего. Она в настоящем кое-как обеспечивает право на существование, но за то лишает всяких надежд впереди. Винить приказчиков всецело в этом нельзя, но за то с уверенностью можно сказать, что именно благодаря их рабскому страху и невежеству, этот старый наболевший вопрос оставался не разрешенным до Октябрьской революции. Это тем более поражало, что они жили бок-о-бок с рабочими, которые неоднократно в той или иной форме громогласно заявляли о своих нуждах.

В число неграмотных приказчиков вошло 46,5% приказчиц, 43% детей и подростков обоего пола и 10,5% приказчиков.

Неграмотные приказчики встречались в 9 отраслях торговли, т.-е. как раз в половине рассматриваемых нами отраслей торговли. Наибольшее количество неграмотных служило

в кондитерских и булочных, а наименьшее число в магазинах, торговавших мужскими шляпами.

Среди умеющих только читать и писать насчитывалось 41,6% детей и подростков, 56,6% приказчиц и 2% приказчиков. Члены этой группы встречаются во всех 18 отраслях торговли. Наибольший процент члены этой группы составляли в галантерейной торговле, а наименьший в кондитерских и булочных.

Среди окончивших городские или народные школы оказалось: 48% торговых учеников, 47,2% приказчиков и 4,8% приказчиц. Больше всего в % отношении к общему числу служащих членов этой группы было в магазинах, торговавших книгами и нотами и меньше всего в магазинах торговавших дамскими шляпами. Кончивших среднее учебное заведение оказалось всего-навсего 2,54% всех обследованных приказчиков. Женщин в этой группе оказалось 2,2%, а мужчин 97,1%. Торговых учеников совсем не было. Приказчики со средним образованием встречались только в 10 отраслях торговли.

Уровень образования приказчиков сильно колебался в зависимости от пола и возраста; в некоторых случаях колебания эти были весьма значительны. Прежде всего, высота грамотности находилась в связи с полом. Выше мы уже видели, что среди неграмотных первое место занимали женщины, второе место дети и подростки обоего пола, а последнее — мужчины. Обращаясь к тем отраслям торговли, где служили большей частью женщины (напр., магазины, торговавшие кондитерскими изделиями, дамскими шляпами и т. д.), мы также видели, как влияла совместная работа женщин на общий вывод среднего процента грамотности в этих отраслях торговли.

Еще рельефнее выразится это колебание в нижеследующей табличке:

Грамотность среди:	% к общему количеству данной группы.
Мужчин	94,5
Женщин	85,5
Детей и подростков . .	89,5

Таким образом мы видим, что главный контингент грамотных составляли взрослые мужчины, а вслед за ними дети и подростки обоего пола. Женщины же шли позади всех.

Столь же заметно и колебание процента грамотных в зависимости от возраста приказчиков.

Возрастная группа.	% к общему числу данной группы.
1. До 9 лет	—
2. От 9 до 12 лет	85,6
3. „ 13 „ 30 „	96,4
4. „ 31 „ 40 „	93,1
5. „ 41 „ 50 „	79,1
6. „ 50 и больше лет	65,6

Из этих данных видно, что только две группы приказчиков в возрасте от 13 до 40 лет дают процент грамотных выше общей средней нормы (87,67%); остальные же три группы (первую группу совершенно неграмотных исключаем) вторая, пятая и шестая, дают процент грамотных ниже общей средней нормы. Характерно, что, начиная с 30-летнего возраста, процент грамотных падает сообразно с возрастом и доходит в 50- и больше лет до 65,6%.

Из таблицы № 1 настоящей главы видно, что поголовно грамотными являлись только приказчики 9 отраслей торговли, а именно магазинов, торговавших мануфактурными, галантерейными и аптекарско-москательными товарами, обувью, посудою, мебелью и зеркалами, писчебумажными принадлежностями, книгами и нотами, чаем, сахаром и кофе. Грамотность же приказчиков остальных 9 отраслей торговли, наоборот, всегда была ниже общей средней нормы (87,67%) и спускалась до 61% в магазинах, торговавших кондитерскими изделиями.

Из всего сказанного относительно грамотности приказчиков, ясно, что громадное большинство их были люди некультурные и даже безграмотные. Между тем, когда они жили в такой неблагодарной в материальном отношении жизни, при безмерно длинном рабочем дне, все окружавшее подвигалось вперед, и время пред'являло свои требования, что отражалось раньше всего на них же самих. Справедливость требует, однако, отметить, что несмотря на неблагоприятные условия, в которые были поставлены торговые служащие, редкий приказчик не воспользовался случайно урванной минутой, чтобы почитать газету или книжку и тем хотя бы пополнить свой скудный запас сведений о том, что творилось в мире вообще и в рабо-

чей среде в частности. Как человек, близко знавший и изучавший жизнь, быт и труд торговых служащих, я могу засвидетельствовать и то, что у них постепенно все сильнее и сильнее просыпалось и развивалось чувство собственного достоинства, сознание своей личности, известное стремление к культуре, выражавшееся вначале, отчасти, в карикатурном заимствовании одного внешнего лоска, но по существу весьма здоровое и скоро превращавшееся в стремление к поднятию своего умственного развития.

Это подтверждается и данными статистики о культурном уровне торговых служащих (см. таблицу № 3 настоящей главы). Из этих данных видно, что, поступая в магазины совершенно безграмотными, приказчики, находясь уже на службе и работая по 17—19 часов в сутки, умудрялись все-таки урвать из своего ничтожного сна, чтобы научиться грамоте и развиваться.

К сожалению мы должны ограничиться этим кратким замечанием относительно культурности и развития праказчиков, ибо весь имевшийся по данному вопросу материал погиб во время революции и гражданской войны.

Кооперативные служащие.

До сих пор мы говорили о служащих прилавка и конторки частных фирм. Для полноты картины необходимо сказать еще несколько слов и о другой группе торговых служащих, а именно о служащих кооперации, которых почти в одинаковой мере, если даже не больше, эксплоатировали.

Нигде так резко не проявляло себя противоречивое положение кооперации, как в вопросе о служащих.

Цель кооперации — улучшение положения рабочего класса и в то же время сплошь и рядом в кооперативах приходилось наблюдать скверные условия труда служащих, прислуги и рабочих.

На заре российской кооперации — в 80-х годах прошлого столетия, когда организаторами и руководителями обществ были идеалисты-интеллигенты, служащим действительно жилось недурно. Рабочий день их не превышал 10 час. в сутки, включая перерыв на прием пищи, в общем 2 час. 15 мин. Фактически, значит, служащие кооперации работали тогда 7 ч. 45 м. Воскресный и праздничный отдых соблюдался в полном об‘еме. Рабочее время за неделю колебалось в среднем от 38 до

45 час. Жалованье на всем готовом колебалось от 20 до 85 руб. в месяц [1]) и т. д., но зато со второго периода истории потребительных обществ [2]) конца 90 годов прошлого столетия [3]) картина резко меняется, и эксплоатация служащих начинает принимать широкие размеры. Конкурируя с частными предприятиями в смысле эксплоатации труда, кооперативы того времени сразу удлинили рабочий день служащих и довели его в большинстве кооперативов до 12—15 часов в будни и до 6—10 часов в воскресные и праздничные дни. Увеличив служащим и рабочим рабочий день, „правленцы" различных кооперативов параллельно уменьшили и заработную плату служащим. У служащих было отнято все то, что им дано было на заре кооперации, когда последняя была игрушкой и забавой в руках обеспеченных слоев населения. Во второй период — свидетельствует Б. Фроммет: „служащие лишены были даже права стачек". К словам Фроммета нам остается прибавить только разве то, что идейные вдохновители кооперации того времени, во главе и по почину В. Ф. Тотомианца, с пеной у рта доказывали, что идея кооперации превыше интересов служащих, а потому за стачку в кооперативах служащие должны быть занесены на черную доску, а по тому времени это означало навсегда быть изгнанными из кооперации, не только как служащий, но и как член потребительного общества.

Общественный и революционный под‘ем 1905 года разбудил демократию и она энергично принялась за кооперативное строительство. Но положение дел у служащих и рабочих кооперативов от этого нисколько не изменилось. Все попытки работников кооперации улучшить свое положение разбивались идейными руководителями кооперации. Организационная комиссия по созыву IV с‘езда торгово-промышленных служащих опросила 155 обществ с 3.970 служащих. Нижеприводимые мною факты наглядно показывают, что в смысле эксплоатации

---

[1]) Б. Фроммет „Служащие в Потребит. Обществах". „Вестник Кооперации", 1911 г. III.

[2]) Сборник материалов об артелях России. Вып. 3. Петербург 1875 г.

[3]) В то время управление кооперативов находилось в руках фабрично-заводской или железнодорожной администрации, а состав членов состоял из рабочих и служащих.

От редакции. Очевидно, здесь речь идет о так называемой „зависимой кооперации", т.-е. о тех фабрично-заводских и пр. „кооперативах" которые мало чем отличались от обычных заводских лавок.

своих служащих и рабочих кооператоры далеко превзошли во многих случаях купцов-кулаков.

Рабочий день равнялся:

В	5	обществах	с	497	служащ.,	или	12,52%	всех	опрошенных	8 час.
»	11	»	»	238	»	»	5,99%	»	»	8½—9 »
»	24	»	»	378	»	»	9,52%	»	»	9½—10 »
»	22	»	»	977	»	»	24,61%	»	»	10½—11 »
»	62	»	»	792	»	»	19,95%	»	»	11½—12 »
»	12	»	»	1004	»	»	25,3%	»	»	12½—13 »
»	2	»	»	22	»	»	0,55%	»	»	13½—14 »
»	9	»	»	35	»	»	0,90%	»	»	от зари до зари.
»	8	»	»	27	»	»	0,70%	»	»	не указано[1]).

Из этой таблицы видно, что в 107 обществах рабочий день был свыше 10 часов, перерыв на обед был лишь в 20; в таком же количестве обществ имел место непрерывный воскресный отдых.

Анкета Технического Общества 1908 г., выработанная при участии М. И. Туган-Барановского и некоторых других видных кооператоров, и обработанная Б. Фромметом, подтверждает данные организационной комиссии по созыву IV с‘езда торгово-промышленных служащих.

Из данных этой анкеты видно, что в 15 фабрично-заводских и железно-дорожных обществах [2]), где занято было 413 человек (364 мужчины, 32 женщины и 17 подростков) рабочий день длился 12 и больше часов. Помимо этого, служащие работали сверхурочно от 180 до 350 часов в год. Сверхурочная работа не оплачивалась. Обеденного перерыва нигде не полагалось. Полный воскресный отдых был введен лишь в 6 обществах; в 9 же обществах служащие работали по воскресным и праздничным дням: три часа в 4 обществах; четыре часа — в 2 обществах, пять часов — в одном обществе; 6 часов — в 2 обществах.

Заработная плата в этих 15 обществах была: для приказчиков — 31 р. 97 к. (средн.), для кассиров — 45 руб. (средн.),

[1]) Эти сведения взяты у М. Брагина „Кооперат. с‘езд“ (см. сборник: „На очереди“. Петербург, 1908 г.).

[2]) Спасское, Пожевское, Голубовское, Полазнинское, Алапаевское Локаловское, Барановское, Цинтенгоновское, Грибановское, Переяславль-Залесское, Кизил-Арватское, Кизил-Арватское 2-е, Вологодское, Пермское, Самарское.

бухгалтеров и конторщихов — 45 р. 3 к. (средн.) и для прислуги и чернорабочих — 16 р. 15 к. (в среднем). Анкета установила, что в этих 15 обществах служащие выбрасывались на улицу „по усмотрению членов правления“ и во всех случаях без предупреждения и оплаты за две недели вперед. Из 413 служащих в этих 15 потребительных кооперативах только 8 ч. состояло членами профессионального союза. Пермское и Голубовское общества сами отметили в анкетных листах, что „в виду препятствий со стороны правления“ служащие не могли записаться в члены профсоюза.

В 22 городских обществах [1]) с количеством служащих 208 (133 м., 48 ж. и 27 подростков), рабочий день длился в среднем 12—13 часов, при чем прислуга и чернорабочие заняты были не менее 14 часов без перерыва ежедневно. Обеденного времени не было. Сверхурочные работы длились не меньше 198 часов в год. Работа не оплачивалась. Воскресного и праздничного отдыха не было. Заработная плата колебалась в среднем от 31 р. 3 к. для приказчиков и до 15 р. 15 к. для прислуги и чернорабочих (средняя для кассиров — 19 р. 50 к., для бухгалтеров и конторщиков — 31).

В 24 сельских обществах [2]) с количеством служащих в 125 чел. (102 мужч., 14 женщ. и 9 подростков) рабочий день длился: до 12 часов только в 2 обществах; 12 часов—в 13 обществах и свыше 13 часов (предел 16 часов) — в 8 обществах; в 3 обществах — от зари до зари. Обеденного перерыва не было. Сверхурочные работы колебались от 200 до 500 часов в год. Праздничный отдых соблюдался только в 14 обществах. Средняя заработная плата колебалась от 34 руб. 33 коп. для приказчиков до 11 руб. 70 коп. для прислуги и чернорабочих (средняя для бухгалтеров — 20 руб. 33 коп. и кассиров — 28 руб. 8 коп.).

[1]) Петрозаводское, Московских благотворительных учреждений, Ижевское, Царевококшайское, Новгород-Северское, Троицкое, Чердынское, Кобелянское, Тотемское, Никольское, Саратовское, Усть-Двинское, Бирское, Инсарское 1-е, Инсарское 2-е, Витебское, Ровненское, Житомирское, Красно-Уфимское, Слонимское, Торенсбергское, Новгородская „Взаимная Польза“.

[2]) Багарянское, Корделевское, Степное, Мало-Яльчиковское, Гурбинское, Черниговское, Петропавловское, Березненское, Оржицкое, Ольшанское, Белоцерковское, Саратовское I, Саратовское II, Кулейское, Раштатское, Хуторское, Шалоболенское, Николай-Польское, Спасское, Рорбахское, Крапивенское Анценское, Рябовское, Боровинское.

В 17 петербургских обществах [1]) с количеством служащих в 743 чел. (мужч. 85%, жен. — 11% и подростков — 4%), рабочий день колебался от 12 до 14 часов. Обеденного перерыва, как и воскресного отдыха не было. Средняя заработная плата колебалась от 72 р.— для бухгалтеров, до 24 руб. — для чернорабочих (при 32 р. 70 к. в среднем для приказчиков и 51 р. 16 к. для кассиров). Сверхурочная работа оплачивалась в полуторном размере.

В общем, как видно из этих цифровых данных, положение кооперативных служащих было ничуть не лучше, чем положение служащих в частных торговых фирмах. Нельзя забывать также и то, что ответы на анкету прислали как раз те общества, члены правления которых всегда на кооперативных с‘ездах выступали горячими сторонниками и защитниками интересов трудящихся. Что же можно сказать о тех потребительных обществах, члены коих совместно со своими „правлениями“ всегда боролись против улучшения положения служащих. А таких обществ ведь было гораздо больше. Ответов на анкету получено всего от 80 обществ, прослывших среди кооператоров „либеральными“ за их поблажки служащим и рабочим (хороши „поблажки“ — рабочий день от зари до зари при заработной плате в 15—20 руб. без стола и без квартиры). Служащих в этих „либеральных обществах“ насчитывалось во время дачи ответа на анкетный лист — 1.489. Всех же служащих в кооперации в то время было около 16 тысяч человек, т.-е, мы имеем основание полагать, что остальные 92% всех кооперативных работников работало при гораздо худших условиях, чем в указанных выше. „При подобных условиях, — журил Б. Фроммет кооператоров, — жаловаться на несознательность служащих, или на то, что *они не кооператоры* не приходится. Надо самим проникнуться кооперативными принципами, перестать эксплоатировать служащих и тогда уж, самим сделавшись кооператорами, пред‘являть требования к людям, занятым в общественных организациях“.

Напомнив кооператорам в числе других пожелание первого всероссийского кооперативного с‘езда о том, что служащие и

---

[1]) „Бережливость“ (Болотная), „Бережливость“ (Моряков), Обуховское, „Экономия“, Винный склад, Путиловское, Эстонское, „Труженик“, Московское, Коломенское, Петербургское, Литейное, Смоленское, Железноводское Нейтзотское, Пороховское, „Приказчик“.

рабочие должны быть членами профессионального общества— Фроммет замечает: „Российская действительность делает невозможной совместную работу с профессиональными союзами, частью разгромленными, частью позакрывавшимися, но пользоваться создавшимися положением кооператорам вряд ли подобает. Они должны помнить о своих обязанностях и понимать, что собственные интересы заставляют их заботиться о служащих. Пока условия труда таковы, как сейчас, растраты, кражи и спекуляция неизбежны. Кооператоры-служащие не могут быть там, где сами руководители их—не кооператоры“ (курсив наш).

Банкослужащие.

Банкослужащие совсем особый мир тружеников. С внешней стороны положение банкослужащих ,казалось, лучше положения торговослужащих других категорий, благодаря чему о них почти никогда не говорила пресса, ими никогда не заинтересовались исследователи. А между тем, банковские служащие и в правовом отношении, и в отношении условий их труда представляли собою ту же группу, что и многочисленные армии приказчиков. И если приказчичий вопрос давно уже выступил на арену общественной жизни, если о приказчиках и их положении постоянно писали и говорили, то это об‘яснялось тем, что сами приказчики, сознав в конце концов свои групповые интересы, относительно довольно долго боролись за улучшение своего положения. Не так обстояло дело у банкослужащих. Каждый из банковских служащих стремился изолированно разрешить свои проклятые жизненные вопросы. Одним из серьезных факторов разобщения банковских служащих являлась крайне длинная иерархическая лестница прохождения их деятельности. Иерархичность эта не давала им возможности, так сказать, познать друг друга и понять, она заслоняла от них перспективу того общего, что имелось в их положении, она вносила разрыв в их отношения, вызывала в жизни стремление перескочить через плечи товарища, интригантство, взаимное подслуживание, наушничество, низкопоклонство, лакейство, словом — все то, чем может быть охарактеризован быт той или иной отсталой и косной экономической группы.

Год от году росло и вширь и вглубь наше банковское дело. Денежные операции с тех пор, как банки обособились

от торговли, сделались самостоятельными факторами общего экономического развития. В связи с оживлением торговли и промышленности банковское дело требовало и больших капиталов. Деятельность банков (мы говорим о частных банках), тесно связанная с ростом отечественной торговли, которую банки финансировали, требовала всевозможных служащих: мальчиков, конторщиков, счетоводов, биржевиков, специалистов по целому ряду отдельных отраслей банковского дела (учет векселей, инкассо, переводные операции и пр.), специалистов по товарным операциям банков, по знанию рынков с их сложными законами, со знаниями условий экспорта и импорта, требовались юристы, техники, статистики, корреспонденты, разного рода писцы, кассиры и пр. и пр. Реформа банковского дела умножила и видоизменила банковские операции, обусловила новые приемы, создала иную технику, поставила во главе ее мельчайше проведенное разделение труда. Благодаря названной системе можно было осилить бесконечную, нарастающую беспрерывно, банковскую работу, но за то многие рядовые служащие банковской армии годами заняты были одной и той же деятельностью, в раз установленном порядке, согласно освященным давностью предписаниям. Корреспондент, который вел переписку с клиентами на одну только литеру алфавита, счетовод, производивший записи раздробленной на мельчайшие доли счетной книги, журналисты, контролеры, экспедиторы и бесчисленные другие специалисты имели в своих руках лишь отдельные части дела, внутренняя связь коих ускользала от них. Напряженная, торопливая, лихорадочная работа, подгоняемая телеграфом, телефоном, железной дорогой и т. д., требовала от банковских служащих большого напряжения и затраты нервной энергии. Деловая корреспонденция и беспрерывные сношения с наводнявшими банк клиентами сталкивали служащих с массой неожиданных вопросов и исключительных случаев. Последние не терпели отсрочки в разрешении и выполнении, диктуя при этом крайнюю осторожность. Ибо в банковском деле не было мелочных, несущественных обстоятельств, и каждый штрих пера обязывал к особому вниманию и раздумью.

Рядом с финансовыми, учредительскими, страховыми и др. операциями, банки находились в ближайшем контакте с товарным делом, стремясь монополизировать в своих руках всю хозяйственную деятельность страны. Конкурируя друг с дру-

гом, банки устраивали отделения, агентуры, комиссионерства, кассы на каждом уличном перекрестке крупного центра, забирались в глухую провинцию. В пылу соревнования, представители кредитных учреждений в погоне за новыми клиентами, рассыпались перед последними в любезностях и обещаниях. Банкослужащие, чтобы не сыграть в руку конкурренции, должны были в свою очередь штудировать особенности каждого „конто“. Каждый служащий банка обязан был считаться со слабостями и чудачествами избалованного угодничеством клиента, готового менять банк чаще, чем сорочку.

Всего банковских учреждений, считая в том числе и разные общества взаимного кредита, было в России до революции свыше 2.000. Если мы, что близко к истине, будем считать, что в каждом из них было занято в среднем 40 служащих, то получим приблизительное количество банкослужащих на всю Россию не меньше 80 тысяч человек. Добавив сюда число служащих государственного банка с его многочисленными отделениями и сберегательными кассами, получим в общем довольно солидную армию, превышающую 100 тысяч человек.

Из тысяч и десятков тысяч банкослужащих, заполнявших банковские бюро, никто не достигал хозяйственной самостоятельности. Единичные из них медленно подымались вверх по служебной лестнице. Превалирующее большинство их застывало в низах, нередко десятилетиями прикованные к той же должности и книге, которыми они начали свою карьеру. В виду распределения обязанностей наугад, многие вынуждены были заниматься специальностью, к которой их ум и душа были равнодушны. Они не были в состоянии развернуть своих знаний и способностей, оставаясь непризнанными, затененными, игнорируемыми администрацией. В калькуляции банковских заправил, которым было безразлично, занимает ли этот пост Иванов или Сидоров,—служащие трактовались лишь как изнашиваемые и замещаемые ценности.

Такого рода деградация интеллигентных работников обострялась и скудным материальным вознаграждением. Настолько скудным, что банкослужащие вынуждены были отказаться от каких бы то ни было удобств современной культурной жизни. Банкослужащие, если не хотели торговать собою и жениться во имя приданого, осуждены были на вечное одиночество, на целибат. В противном случае положение их ухудшалось, при-

ходилось прибегать к ростовщикам, ссудам; изнемогать под игом вечной необеспеченности. Эта полуголодная жизнь изнуряла служащих, преждевременно понижая их трудоспособность.

Жалованье банкослужащих в уездных городах колебалось от 180 до 240 руб. в год, в губернских — от 240 до 420 руб. в год и в столичных городах и крупных центрах — от 600 до 900 руб. в год [1]); конечно, в зависимости от образовательного ценза или протекции оклад этот подвергался колебаниям в ту или иную сторону. Материально-мизерная обстановка ухудшалась в виду прогрессивного вздорожания всех жизненных потребностей и предметов хозяйственного обихода. В жизни банко-служащего это ощущалось сильнее и болезненнее, чем в семье рабочего и ремесленника. Уже с первого момента службы вознаграждение не покрывало его более сложных требований. Если не высший образовательный ценз и укоренившиеся привычки, то во всяком случае воля начальства обязывала банковского наймита к внешнему приличию в одежде. Профессиональный престиж и общественное положение вынуждало к подобающему воспитанию детей и соблюдению многих других условностей. Нужно ли перечислять и фиксировать все эти обязательства декорума и приличия, обременявшие и без того скромный бюджет банкослужащего, символизирующего в своем лице пресловутую французскую „la misére en paletot [2]).

Банкослужащий всегда лез из кожи, чтобы угодить начальству, рассчитывая таким угодничеством улучшить свое материальное положение, но не всегда это ему удавалось. Прибавка в 30—120 руб. в год, считалась хорошей прибавкой и служащие прибегали к различным уловкам и унижениям, пока получали эту надбавку.

Рождественские и пасхальные наградные, коими так кичились и обманывали служащих заправилы банков, едва хватали на покрытие расходов на жизнь в течение полугода или года. В общем после 25—30-летней службы хороший банковский служащий получал в среднем за год жалованье вместе с наградными 800—1000 руб.

Рабочий день в банках колебался от 10 до 18 часов. Для публики банки открывались обычно в 9—9½ часов утра в

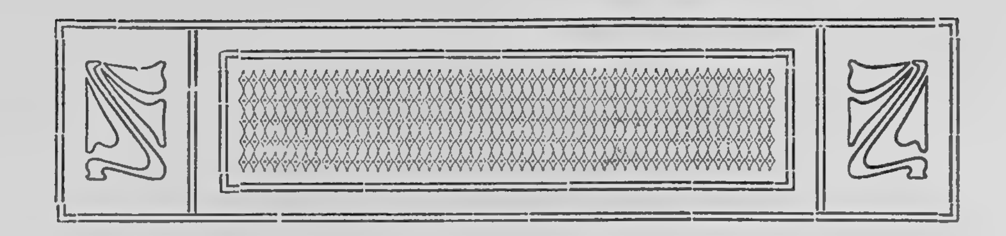
[1]) И. Блюменфельд. „Банкослужащие“ СПБ, 1913, выпуск 6-й.

[2]) Буквальный перевод: „Нищета в пальто“, соответствует русской поговорке „На брюхе шелк, а в брюхе щелк“.

провинции и в 10 ч. утра в столицах и крупных центрах и закрывались в 4—5 часов дня. Служащие должны были являться всегда несколько раньше и оставаться после закрытия банка вплоть до того времени, пока не закончат дневную отчетность, что иногда длилось до 8 часов вечера. Благодаря же тому, что все банки старались исполнять свою работу с возможно меньшим штатом, в них широко практиковались вечерние занятия, без особого, конечно, вознаграждения. И обычно эти занятия затягивались до 12 часов ночи.

Каждый месяц, а иногда и каждые полумесяцы отделения банков представляли своим правлениям весьма подробные отчеты. Составление их—дело весьма сложное и ответственное, так как правления на основании их составляли общие балансы, которые представлялись правительству и публиковались, а потому ошибки и запоздания грозили целой сетью бичей и скорпионов. И в эти страдные поры служащие оставались обычно в банках с утра до 3—4 часов ночи без обеда. Труд по составлению отчетов и балансов продолжался обычно не меньше одной недели в отделениях и не меньше одного-двух месяцев при составлении годичных балансов. Этот добавочный труд, растягивавшийся зачастую до 20—24 недель в году, окончательно расшатывал здоровье банкослужащих. Но и в остальные 28—32 недели года служащие, как мы уже упомянули выше, почти всегда работали по вечерам.

Праздничный отдых также не соблюдался. По закону банки не могли быть закрыты более двух дней подряд. На Рождество и Пасху банки были закрыты для публики, но служащие работали. Воскресный день был единственным днем недели, когда служащие могли нагонять запущенную работу и просмотреть почту, в остальные же праздники тоже находилось кое-что, что надо было доделать, дописать и т. д.

ГЛАВА VII.

Начало самодеятельности торговых служащих.

Посещение министра финансов. Возбуждение в Комитете министров уполномоченным одесских приказчиков вопроса об издании специального торгового закона, регулирующего рабочее время приказчиков, как по будням, так и по воскресным и праздничным дням, взаимоотношения хозяев и приказчиков, об учреждении торговой инспекции и т. д. Оставление ходатайства без рассмотрения в течение 15 месяцев из-за неоплаты заявления гербовым сбором. Нащупывание министерством финансов мнения купцов и фабрикантов на счет издания закона о нормировке труда. Циркулярное обращение министерства финансов во все биржевые комитеты и купеческие управы по вопросу о нормировке законодательным путем приказчичьего отдыха. Обращение биржевых комитетов в общества приказчиков по вопросу об издании закона. Обращение приказчичьих обществ к уполномоченному одесских приказчиков, с просьбой снаблить их материалом. Письмо в редакцию „Одесских Новостей“ уполномоченного одесских приказчиков всем торговым служащим России и их организациям по данному вопросу. Прокламация одесской социал-демократической организации „К торговым служащим“. Перепечатка прокламации социал-демократическими организациями Царства Польского, Литвы и Кавказа. Аресты членов одесской организации за распространение прокламации. Конфликты, возникшие в обществах взаимопомощи при составлении „требований для министерства финансов“. Требование 8-мичасового рабочего дня, полного воскресного отдыха, торговой инспекции воспрещение эксплоатации детского труда и т. д. Стачки рабочих 1903 г. всего юга России. Деятельность Зубатова и его агентов. Вовлечение приказчиков в Зубатовские „мирные экономические“ организации. Вмешательство в экономическую борьбу пролетариата РСДРП. Первое нелегальное совещание приказчиков Юга России 10 июня 1903 г. Требования, принятые совещанием. Рассылка требований в различные общества и организации торгово-промышленных служащих России. Отклик приказчиков других городов и местностей России на кампанию начатую одесскими приказчиками. Деятельность обществ приказчиков Сибири. Петиция членов Иркутского общества приказчиков. Требования сибирских приказчиков. Требования приказчиков других городов. Мнение биржевых комитетов.

I.

Выше, говоря о с‘ездах, мы уже подчеркивали, что постановления, принятые на 1-м с‘езде, мало способствовали улучшению положения торговых служащих. Постановления были направлены нижегородским обществом приказчиков в министерство внутренних дел и министерство финансов и там положены под сукно, не будучи даже рассмотренными. Правления

приказчичьих обществ, главным образом провинции, не могли на этом успокоиться и стали бомбардировать городские думы и местную власть ходатайствами об улучшении положения их членов. Поддались этому течению и одесские приказчики.

В качестве их уполномоченного автору пришлось в октябре 1901 г. посетить министра финансов для возбуждения в комитете министров вопроса об издании специального торгового закона, регулирующего рабочее время приказчиков как по будням, так и по воскресным и праздничным дням, и взаимоотношения хозяев и приказчиков, об учреждении торговой инспекции и т. д.

Долгое время, однако, это ходатайство оставалось нерассмотренным из за... неоплаты заявления гербовым сбором. Нижеприводимый документ наглядно показывает как мало нужно было чиновничьему аппарату того времени, чтобы затормозить и похоронить самый живой и назревший вопрос.

„Министерство финансов. Учреждения по части торговли и промышленности. Отдел торговли. Отделение I. Стол I. Января 11 дня 1903 г. № 12. Отделение I отдела торговли извещает, что производство по прошению уполномоченного приказчиков г. Одессы Абрама Моисеевича Гудвана об улучшении в законодательном порядке условий труда приказчиков приостановлено, на основании ст. 95 высочайше утвержденного 10 июня 1900 г. устава о гербовом сборе впредь до представления в отдел причитающихся по настоящему делу гербовых марок или гербовых листов на сумму пять рублей сорок копеек. Начальник отделения А. Мурашкинцев. Столоначальник (подпись неразборчива)“.

15 месяцев, следовательно, прошло с момента подачи заявления впредь до получения извещения, что оно приостановлено из за неоплаты гербовым сбором.

Характернее всего, что раньше, чем решиться дать ход требованиям приказчиков в случае уплаты гербового сбора, министерство финансов старалось нащупать мнение купцов и фабрикантов. И только после их категорических требований об ограничении труда торгово-промышленных служащих, „либеральные“ чиновники столь же „либерального“ министерства С. Ю. Витте решили потребовать гербовый сбор и засим уже стали медленно спешить выработкой устава законопроекта.

16 сентября 1902 года отдел торговли министерства финансов обратился циркулярно во все биржевые комитеты и купеческие управы империи с просьбой сообщить свои заключения по вопросу о нормировке законодательным путем приказчичьего отдыха.

В виду исключительной роли, которую этот циркуляр сыграл в подпольной работе наиболее сознательных и передовых слоев торговых служащих, считаем необходимым привести этот документ целиком. В циркуляре сказано следующее:

„М. Ф. Учреждение по части торговли и промышленности. Отдел торговли. Отд. I, стол 2, 16 сентября 1903 г. № 5664.

24 октября 1901 года уполномоченный приказчиков г. Одессы А. М. Гудван обратился в министерство финансов с докладной запиской о необходимости улучшения в законодательном порядке условий труда приказчиков и конторщиков. Указав на то, что продолжительность рабочего дня ограничена уже в настоящее время законом: в ремесленных заведениях 10 час., а на фабриках и заводах $11^1/_2$ часами в сутки и что равным образом установлен законом воскресный и праздничный отдых для ремесленных и фабричных рабочих [1]), проситель полагал бы необходимым установить тот же порядок и по отношению к торговым заведениям, в коих продолжительность рабочего дня нередко достигает 17—19 часов, с перерывом для обеда не более как на час времени, при чем воскресный и праздничный отдых зависит от усмотрения хозяев, при каковых условиях действующие ныне узаконения, коими регулируется время торговли по праздникам, совершенно не ограждают лиц, работающих в торговых предприятиях. В виду сего и принимая во внимание, что общественные, городские и земские установления лишены возможности осуществить охрану интересов служащих в торговых заведениях путем издания обязательных постановлений, так как заботы о сем не предоставлены законом означенным учреждениям, проситель ходатайствует об издании по сему предмету соответствующего закона.

[1]) Уст. пром. ст. 430 и 431 и Правила, утвержденные министром финансов, по соглашению с министром внутренних дел, о продолжительности и распределении рабочего дня в заведениях фабрично-заводской промышленности. (Собр. узак. за 1897 г. № 105).

Предварительно направления сего ходатайства в установленном порядке отдел торговли, признавая необходимым иметь заключения по сему вопросу биржевых комитетов, покорнейше просит биржевой комитет города Одессы (курсив подлинника) сообщить свои по означенному предмету заключения. За управляющего отделом В. Сибилев. Начальник отделения А. Мурашкинцев".

Получив это циркулярное обращение, некоторые биржевые комитеты, как, например, варшавский, камышинский, харьковский, елизаветградский, николаевский, новороссийский, бакинский и др., желая, очевидно, обставить свои ответы возможно полнее и рациональнее, запросили существующие в тех городах общества приказчиков и крупных купцов.

Получив приглашение биржевых комитетов, общества приказчиков обратились в свою очередь к автору, как уполномоченному одесских приказчиков, с просьбой снабдить их необходимым материалом по сему вопросу, при чем правления обратившихся обществ приказчиков спрашивали также совета, следует ли поддержать это ходатайство перед министром финансов, и если да, то просили для руководства выслать им копию докладной записки одесских приказчиков.

Посоветовавшись с влиятельными членами одесской организации с.-д. партии Александром Кацапом (псевдоним) (Поляков по фамилии, впоследствии оказался провокатором и растрелян большевиками в 1918 году), Абрамом Годиным, Верой Петровой (псевдоним) Люб. Ник. Радченко, „Илюшей"—по фамилии Зайцевым, В. Малянтовичем, Абрамом Ройзманом (партийная кличка Павел), Яковом Новаковским (партийная кличка того времени Осип), Зборовским, „Сашкой" (Александр Митковицер), Левой Цейнерманом и представителями „Бунда" Фримой Кенигшац и тов. Абрамом (псевдоним)—фамилия Гринфельд и др. [1]) автор в письме в редакцию, напечатанном в „Одесских Ново-

[1]) Если память мне не изменяет, в одесской организации работали тогда также меньшевики: Степан Иванович (партийная кличка),—фамилия Португейс) Павел Юшкевич, Сергей Крестьянский (кличка),—фамилия Рисс, Фридрих Великий (кличка),—фамилия Шнеерсон и большевики: Владимиров (кличка), ныне заместитель Сокольникова, Мишка Водолаз, Абрам слесарь (фамилия Хаймович), (оба находятся сейчас в Америке и др). Автор.

стях“ 30 октября 1902 г.[1]) предложил обществам приказчиков поддержать это ходатайство, „во 1-х, потому, что для издания закона необходимо, чтобы этого домогались или требовали как можно больше лиц той группы, или того класса населения, для которого закон предназначается, примером чему может служить последний фабричный закон 1897 г. и др., во 2-х, потому, что некоторые биржевые комитеты наверно выскажутся против издания предполагаемого закона, как это уже было с киевским и ростовским биржевыми комитетами, следовательно, требования приказчичьих обществ различных местностей империи явятся противовесом этим отрицательным ответам купцов, составляющих биржевые комитеты и заинтересованных в неиздании закона, регулирующего рабочее время приказчиков и взаимоотношения купцов и торговых служащих. Нельзя, конечно, поручиться, на чьей стороне в данном случае будет перевес, но бороться с существующим злом мы должны, в этом цель жизни каждого из нас в отдельности и всех вместе. Да и купцы, надо полагать, видя упорную и продолжительную борьбу приказчиков, вынуждены будут в конце концов уступить, в 3-х, наконец, потому, что все торговые законы России (т. XI, ч. 1-я) отличаются, так сказать, сугубой устарелостью. Здесь, что ни шаг, то приходится натыкаться на положение, корни которого лежат в далеком прошлом и которые в настоящее время представляются вопиющим анахронизмом, идущим в разрез со всеми стремлениями нашей эпохи.

Что же касается просьбы выслать необходимый материал, то считаю нужным ответить, что собранный мною материал относится исключительно к одесским приказчикам, и делать отсюда какие-нибудь выводы для всех торговых служащих России вряд ли удобно и возможно. Гораздо целесообразнее каждое такое ходатайство составлять на основании добытого материала на месте. Желательно также при записках, представляемых в министерство финансов, прилагать необходимую статистику о количестве приказчиков и приказчиц, конторщиков и детей подростков данной местности, о рабочих часах торговых и конторских служащих в будни, воскресные и празд-

---

[1]) Письмо целиком было перепечатано: „Биржевыми Ведомостями“, „Русскими Ведомостями“ „Бессарабской Жизнью“, „Вестником Юга“ и др.

ничные дни, о часах обеда этих лиц, об их жалованьи, болезненности, инвалидности и проч.“

На ряду с этим письмом одесская социал-демократическая организация напечатала прокламацию „К торговым служащим“. В прокламации подчеркивалось, что никакими ходатайствами, никакими петициями торговым служащим не удастся улучшить своего положения. Единственно верный и надежный путь добиться улучшения своего положения — это путь организованной борьбы. Прокламация была разослана как во все правления приказчичьих обществ России, так и отдельным членам. В Царстве Польском, в Литве и на Кавказе прокламации были перепечатаны местными организациями и распространены в большом количестве [1]).

II.

Все это вместе взятое не только в значительной мере способствовало удачной формулировке правлениями обществ приказчиков нужд торговых служащих, но, что важнее всего было по тому времени, содействовало оформлению требований приказчиков в их собственном сознании и толкнуло приказчичьи массы на боевые выступления.

В значительной мере помогли выработке определенного боевого решения приказчичьих масс и бесконечные конфликты, возникшие в обществах взаимопомощи приказчиков, на почве составления „требований для министерства финансов“. Мелкие служащие, во главе с их руководителями — членамм Р.С.-Д.Р.П. и Бунда, требовали, чтобы в текст „требований“ были включены в первую очередь требования о 8-мичасовом рабочем дне, о полном воскресном и праздничном отдыхе, о торговой инспекции, о воспрещении эксплоатации детского труда и т. д.

Другая часть членов общества (различные доверенные и управляющие торговыми фирмами) протестовали против этих требований, пугая членов правлений закрытием обществ и конфискацией имущества в случае принятия и отсылки этих радикальных требований.

---

[1]) В Тифлисе за это попались с поличным студенты Новороссийского университета — члены одесской организации с.-д. партии — Шавди. Ромашвили и др., в Варшаве Юзеф Кучинский, Иван Радинович и др.

Летние стачки 1903 г. [1]), прокатившиеся широкой волной по всему югу России от Киева до Баку, возникшие часто помимо и даже неожиданно для социал-демократических организаций в связи с энергичной работой, развитой к тому времени агентами департамента полиции (Зубатов в Москве, жандармский полковник Васильев в Минске, „доктор" Шаевич в Одессе и Николаеве, Саша Цемелянский и Маня Вильбушевич — сотрудники полковника Васильева — в Литве) [2]) вовлекавшими в

---

[1]) В Киеве сигнал к всеобщей забастовке подали, как и в Одессе, рабочие жел.-дорожных мастерских. 23 июля произошло столкновение с войсками. По оффициальным данным было 3 убитых и 27 раненых, а 188 участников беспорядков были подвергнуты, «независимо от ответственности в общем порядке» аресту на срок от трех недель до трех месяцев. В Екатеринославе застрельщиками всеобщей забастовки также были рабочие жел.-дор. мастерских. По оффициальным данным убито и ранено несколько человек. Таким же кровопролитием закончилась и стачка в Златоусте. Сравнительно благополучно, без человеческих жертв, прошли забастовки в Баку, Тифлисе, Елисаветграде, Керчи, Николаеве и ряде других городов. (И. Бендер. К стачечному движению на юге России в 1903 г.—„Архив Истории Труда в России". Кн. 5, 6—7—). Во многих городах (Тифлисе, Баку, Вильне, Житомире, Бердичеве), подробно об этом будет сказано во 2-м выпуске —приказчики приняли активное участие в стачечном движении указанного периода.

[2]) С начала XX века начинается новая эра профессионального движения. Закон о старостах 10 июня 1903 г. и ряд уступок в уставах рабочих организаций с одной стороны, попытка правительства захватить рабочее движение, с другой стороны, - характеризуют эти годы, завершившиеся полной неудачей правительственной политики.

Первыми попытками широкой и открытой массовой организации рабочего класса для борьбы за улучшение экономического положения рабочих были основанные в 1901 г. в Москве „Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве" и „Совет рабочих механического производства". Инициатором этого дела явился начальник московского охранного отделения, бывший революционер Сергей Зубатов, поставивший себе целью, по собственному его признанию, сделанному в письме в редакцию журнала „Вестник Европы" в 1906 г. таким способом противодействовать „массовому рабочему движению, поднятому революционерами". 26 июня 1902 года на „собеседовании" с московскими фабрикантами. (в квартире Тестова) Зубатов изложил свою „программу" в 16 пунктах, которые тут же были записаны фабрикантами и конфиденциально доведены до сведения петербургских „сфер". „Программа" эта была впоследствии опубликована в анонимной статье: „Как устраивали в Москве рабочий вопрос", напечатанной в 1905 г. в газете Шарапова „Русское Дело" (№№ 3—5). Здесь же приведены и взгляды Зубатова, правда, со слов записавших его мнения фабрикантов. Зубатов прежде всего указал фабрикантам на отношение к ним всего населения, не исключая рабочих, как к „мошенникам", в виду их чрезмерной

свои „мирные экономические“ организации не только рабочих, но и всех трудящихся, в том числе и приказчиков [1]), грозно

эксплоатации рабочего люда. Предотвратить возможные погромы капиталов и частной собственности, подобные тем, что произошли минувшей весной (1902 г.) в Полтавской и Харьковской губерниях, возможно единственно путем „расширения прав рабочих“, но не законодательным порядком, а административным.

Осенью 1902 г., в Петербурге, как сообщала газета „Свет“, в местном фабрично-заводском населении получила распространение мысль о возможности очень сериозного улучшения в жизненных условиях рабочей среды путем развития в ней (?) самодеятельности и взаимной помощи. С ведома столичной администрации 10 ноября инициаторы дела „рабочие“: В. И. Пикунов, С. А. Горшков, И. С. Соколов, С. Е. Устюжанин, Г. Н. Солодовников, Г. В. Сторожилов, А. И. Егоров, Е. Ф. Пахомов, С. С. Семенов, А. И. Кузьмин, Н. А. Одинцов и др. имели по этому предмету частное собеседование с несколькими товарищами. Ими было подано прошение исправляющему должность с.-петербургского градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрешении им товарищеского собрания. Со стороны последнего рабочие встретили внимательное и сочувственное отношение к своей просьбе и получили обещание, что он окажет зависящее от него содействие для удовлетворительного разрешения предпринятого ходатайства.. Затем „рабочие отправились в департамент полиции. Директор департамента, статский советник А. А. Лопухин, выразил им свое сочувствие и готовность помочь осуществлению их намерений. Вследствие этого в воскресенье 17-го ноября состоялось в Петербурге 1-е официально разрешенное собрание рабочих, а 21 числа рабочие имели честь быть приняты господином министром внутренних дел (Плеве!), который выслушал благодарность рабочих за данное им разрешение собираться на товарищеские собеседования по вопросам их жизненного обихода и высказал свое намерение поощрить их деятельность в усвоенном ими направлении“ (курсив везде наш). (Цитировано по „С.-петербургским Ведомостям“ от 23 ноября 1902 г. № 321). В докладе Амстердамскому социалистическому конгрессу Ф. Дан констатирует, что зубатовщина в Петербурге успеха не имела: „Первое выступление приехавщих из Москвы организаторов было встречено (в Петербурге) бурным протестом рабочих“ (Ф. Дан: „Из истории рабочего движения и социал-демократии в России“, стр. 42—43).

В Минске рабочие через несколько месяцев совершенно отвернулись от зубатовшины. В Одессе судьба зубатовских союзов была гораздо трагичнее. Из зубатовских союзов в этом городе началась знаменитая июльская всеобщая забастовка 1903 г., после чего Шаевич и Зубатов подверглись опале министерства внутренних дел и были сосланы на север.

[1]) В Минске зубатовские агенты принялись за организационное строительство еще несколько раньше, чем в Москве. „Весной 1901 г. в Минске среди приказчиков было распространено воззвание против господствующего

напомнило одесской, николаевской и др. организациям Р.С.-Д.Р.П. о необходимости вмешательства в экономическую борьбу пролетариата вообще и торгового в частности.

На совещании торговых служащих Одессы, Николаева, Херсона, Кишинева и Елизаветграда, созванном автором с ведома партийных организаций в Бендерах 10-го июня 1903 г., приказчиками социал-демократами и бундовцами был одобрен и принят текст требований для представления обществами приказчиков в министерство финансов.

Текст требований был разбит на отдельные пункты и разослан в общества взаимопомощи торговых служащих при препроводительных письмах правления нелегально существовавшего союза торгово-промышленных служащих Одессы [1]), так

среди них обычая воровать товар из магазинов и указывавшее, что это несовместимо с сознательной борьбой против хозяйственной эксплоатации" (см. в № 3 „Искры" за 1901 г. корреспонденцию из Минска). Тогда через два дня в городе было расклеено подписанное местным жандармским полковником Васильевым воззвание к приказчикам, в котором он высказывает сочувствие к такого рода деятельности более развитых из их среды, но выражает свое удивление по поводу того, что они делают это нелегально, рискуя подвергнуться преследованиям и пр., тогда как стоит им обратиться к нему, и он с удовольствием предоставит им губернскую типографию. В заключение Васильев пригласил всех приказчиков на собрание, имеющее состояться (в ближайшую субботу) под его председательством. На собрание пришло до 500 приказчиков и десяток-другой хозяев. Кроме Васильева присутствовали губернатор и полицеймейстер. Васильев открыл собрание весьма теплой речью, в которой доказывал, что правительство весьма благосклонно относится к попыткам масс улучшить условия своего существования, но напрасно непримиримо настроенные элементы придают этим попыткам политическую окраску. Он неизменно будет содействовать всем попыткам приказчиков улучшить свою жизнь и на первый раз предлагает выбрать комиссию для обсуждения их насущнейших нужд... Тактика Васильева, — добавляет корреспондент „Искры",— встретила в мелко-буржуазно настроенной массе приказчиков полное сочувствие и признание.

[1]) Одесский союз торгово-промышленных служащих был организован вначале 1903 г. Союз ставил себе задачей организацию торговых служащих без различия пола и национальности для защиты их профессиональных нужд. Членами союза были исключительно наиболее эксплоатируемые служащие. Правление и ревизионная комиссия союза в момент составления требования состояли исключительно из партийных товарищей. За два года существования союза (до его легализации) правление и ревизионная комиссия союза успели проделать большую работу по организации и вовлечению в партийную работу приказчиков и конторщиков юга России.

как ни одно из старых обществ взаимопомощи приказчиков Одессы, Николаева, Херсона, Елизаветграда и Кишинева не согласилось на рассылку этой „прокламации" (так назвал этот документ—член правления—впоследствии председатель о-ва приказчиков-евреев Одессы М. Г. Зусман).

III.

Кампания, начатая одесскими приказчиками, встретила оживленный отклик во всех частях России.

Общества приказчиков Сибири предоставили в министерство фининсов целый ряд требований, из намеченных на упомянутом выше совещании приказчиков юга.

Первым выступило иркутское общество приказчиков.

В историческом очерке общества взаимного вспоможения приказчиков в городе Иркутске (за 25 лет 1883—1908 г.г.) (стр. 125—135) мы находим краткое описание возбуждения и поддержания ходатайства одесских приказчиков сибирскими организациями, которое за исключением небольших купюр приводим целиком.

„25-го октября 1904 г. по инициативе Р. Р. Мейера [1]), была подана в совет общества за подписью 244 иркутских приказчиков следующая записка:

„Приказчики города Одессы подали петицию об установлении воскресного и праздничного отдыха в законодательном порядке. Праздничный отдых является необходимым для всякого рабочего человека и хотя мы, иркутские приказчики, благодаря обязательному постановлению городской думы, находимся в более благоприятных условиях, чем наши западные товарищи по профессии, тем не менее было бы желательно, чтобы вопрос о праздничном отдыхе был проведен в законодательном порядке, в виду того, что при современном положении вещей некоторые коммерсанты обходят думское постановление, заставляя своих служащих работать в праздничные дни при закрытых дверях магазинов, мотивируя это „взаимным соглашением", что при установлении отдыха законодательным

[1]) Небольшую группу членов общества, поднявших этот вопрос, составляли кроме инициатора петиции Роб. Роб. Мейера, И. И. Липинин, Д. Н. Попов и Н. Н. Соловьев.

Редакция петиции принадлежит Р. Р. Мейеру.

путем будет устранено, а если и произойдет что-либо подобное, то общество вправе выступить на защиту интересов приказчиков. Помимо этого желательна и нормировка рабочего дня приказчика. В настоящее время большинство торговых фирм задерживает своих служащих по 14—16 часов в сутки, даже без установленного времени для принятия пищи. Подобный труд нужно считать непосильным. У нас (в России) существуют узаконения для фабричных, горнопромышленных и других рабочих, труд которых нормирован известным количеством рабочих часов с указанием времени для принятия пищи, а равно с указанием праздничных отдыхов. Мы же, приказчики, в данном случае находимся вне закона. Признавая исполнение ходатайства наших товарищей по профессии вполне желательным, покорнейше просим совет общества, на основании § 66 устава общества, по возможности в непродолжительном времени, созвать экстренное общее собрание для обсуждения вышеизложенных вопросов и надлежащего по этому предмету ходатайства“.

„Петиция всколыхнула мертвую зыбь приказчичьей жизни, возбудила в них интерес к улучшению своего рабского положения и заставила заинтересоваться обществом, от которого громадная масса приказчичьего класса стояла в стороне“.

„Ходившая для подписи по рукам петиция будила сознание приказчиков, заставляя их подумать о своем положении и придти к выводу, что „больше жить так невозможно“.

„На общем собрании 31 октября 1904 года, созванном для обсуждения петиции приказчиков, было обращено внимание на сообщенные печатью данные о том, что рассмотрение в министерстве финансов вопроса об установлении отдыха в торговых и промышленных учреждениях в законодательном порядке ожидалось в конце декабря 1904 г. или в январе 1905 г., причем проект закона предполагалось внести на обсуждение различных торговых, промышленных и пароходных обществ; об участии же в рассмотрении приказчичьих организаций не было сказано ни слова. На заседании было подчеркнуто такое игнорирование со стороны министерства мнения самих приказчиков по такому важному для последних вопросу. Это обстоятельство еще более убедило собрание в необходимости заявить правительству о нуждах приказчиков. Р. Р. Мейером было пред-

ложено передать вопрос для детальной разработки в комиссию, которая имела бы право привлечь к своей работе посторонних лиц, при непременном участии всего общества. Только необходимо назначить комиссии для представления результатов ее работы точный срок, так как без этого всякие комиссии превращаются в гроб для живых и требующих немедленного разрешения вопросов. По мнению Н. Н. Соловьева, необходимо было широко пропагандировать идею установления праздничного отдыха и нормировки рабочего дня приказчиков. На комиссию следует возложить агитационную работу среди других приказчичьих организаций.

„Необходимо просить юридические общества поднять эти вопросы, обратиться к широкому содействию прессы и общественного мнения, так как обсуждаемые обществом вопросы имеют громадное значение для приказчиков всей России. Подав петицию правительству, нельзя обществу успокоиться на мысли, что этим все сделано. Важно, чтобы целый ряд таких же требований со стороны других обществ приказчиков двинул вперед эти вопросы. Наша цель вовсе не пополнять новым ходатайством архив центральных учреждений“. После горячих прений общее собрание единогласно постановило: избрать особую комиссию в составе 10 лиц, возложив на нее полномочия составить от имени общества петицию правительству. Эта комиссия должна была снестись с организациями приказчиков в других городах, дабы ряд аналогичных требований мог произвести на правительство надлежащее впечатление. Комиссии был назначен срок не позже 1 октября 1904 года.

„В состав комиссии вошли Р. Р. Мейер, С. А. Лянды, С. С. Иваницкий, М. П. Окунев, Н. Н. Соловьев, И. И. Липинин, Л. А. Белоголовый, А. В. Лепетнов, Э. Э. Гребст и П. К. Малышев. Кандидатами к ним были избраны: Г. М. Фриденсон, Г. П. Казаков, И. П. Амвросов, Д. Н. Попов, И. В. Родиоиов, Л. И. Быстрицкий, А. Ф. Ушаков и А. И. Коровин.

Комиссии было предоставлено обществом право самопополнения, благодаря чему, согласно ее постановлению, кандидаты вошли в ее состав на положении равноправных членов. Кроме того к работам комиссии были привлечены еще и другие члены общества.

Комиссия энергично принялась за дело [1]), распределив между своими членами имевшийся в распоряжении материал о положении приказчиков в Иркутске и других городах, литературу по приказчичьему вопросу, отчеты обществ и с'ездов приказчиков, комиссия поручила представить доклады, которые делались на последующих заседаниях. Во все существовавшие в то время в Сибири общества взаимопомощи приказчиков и однородные с ним по идее [2]) комиссиею были посланы циркулярные письма с приглашением присоединиться к пред'являемым обществом требованиям. В виду того, что поднятые обществом вопросы затрагивали до известной степени интересы хозяев, комиссия обратилась ко всем представителям местных торговых фирм с предложением высказаться по вопросам, поставленным на очередь обществом. В циркулярном письме комиссии каждой торговой фирме предлагались следующие вопросы: 1) В какой мере фирма считает возможным и для себя неубыточным предоставление праздничного отдыха приказчикам? В какой мере фирма находит возможным освобождение приказчиков от праздничной работы в закрытых для публики магазинах? 3) Как фирма относится к сокращению рабочего дня приказчиков до 10 часов? 4) Как фирма относится к предоставлению приказчикам 2-х часов в день на обед и завтрак? 5) Как фирма относится к сокращению рабочего дня детей от 12 до 15-летнего возраста до 6 или 8 часов в день?

Из числа 114 иркутских фирм, к которым обращалась комиссия, только 25 удостоили ее своим ответом к назначенному сроку. Если судить по этим ответам, то отношение части купечества к поставленным обществом задачам можно было признать благоприятным; большая часть пославших ответы оказалась солидарна с комиссиею.

В интересах более широкой агитации по вопросу о настоятельности регламентации труда приказчиков, комиссия обра-

---

[1]) На запрос, посланный комиссиею В. Н. Сукачеву, подтверждается ли сообщение столичной печати о том, что министерство финансов предполагает в недалеком будущем рассмотреть вопросы, поставленные на очередь обществом, была получена от Сукачева телеграмма (из Петербурга): „В министерстве вопрос о праздничном отдыхе и нормировке рабочего дня в зачаточном состоянии".

[2]) 50 обществам взаимопомощи приказчиков и однородным с ними по идее и цели были посланы письма от имени комиссии.

тилась в императорское вольно-экономическое о-во и все существовавшие в то время в России юридические о-ва, а также к целому ряду органов повременной печати, прося содействия к проведению в жизнь признанных ею желательными положений.

С такою же просьбой комиссия обратилась к известным литераторам К. К. Арсеньеву, В. А. Мякотину и друг.

Во время работ комиссии выяснилась необходимость расширения ее программы, сравнительно с первоначальными планами комиссии. Толчком к этому явились отзывы иркутских приказчиков о их положении, нуждах и требованиях. Приглашенные на заседание комиссии 12 ноября 1904 года делегаты от приказчиков торговых фирм гор. Иркутска [1]) нарисовали грустную картину своего бесправного, полного тяжелой экономической зависимости положения. Указано было на недоедание [2]), на скверные санитарные и гигиенические условия быта приказчиков. Было подчеркнуто грубое, некорректное отношение к ним хозяев и вообще все прелести крепостного режима, указаны были случаи преследования чтения в свободное время в магазине книг и даже агентских телеграмм в такое время, когда на Дальнем Востоке разыгрывалась кровавая трагедия, чреватая своими последствиями для русского государства.

Положение малолетних в торговых заведениях г. Иркутска было изображено делегатами в еще более мрачных красках. Если мальчик заболел, но еще в силах ходить, хозяева посылают его в бесплатную лечебницу, а если не в силах, то отправляют к родителям (большей частью в деревню). Малолетним приходится таскать непосильные тяжести. Заботы об их образовании нет и в помине и ученье их, большей частью, заключается в битье.

---

[1]) Прислали своих делегатов приказчики т-ва С. С. Кальмеер, Р. С. Кальмеер, т-ва „А. Ф. Второв с сыновьями“, Мерецкого, Стахеева и друг.

Приказчики других фирм прислали свои письменные требования. Большинство высказалось за 10-часовой рабочий день с двухчасовым или часовым перерывом и полный праздничный отдых, только приказчики торгового дома „Щелкунов и Метелев“ рабочий день ограничили 11 часами, включая 2 часа на обед.

[2]) Приказчиков по нескольку раз отрывали во время обеда, который подавался в так называемой столовой магазина, представлявшей в большинстве случаев нечто невозможное в санитарном отношении; приходилось есть на ходу и уже остывшую пищу.

Комиссия на заседаниях 22 и 27 ноября 1904 г. высказалась за следующие положения, которые она признала нужным выставить в виде требований правительству.

1. Распространить на приказчиков и вообще на лиц, занятых в торговых и торгово-промышленных предприятиях и в заведениях смешанного характера, в парикмахерских, ювелирных и часовых магазинах, кондитерских и проч., действие общего положения ст. 430 ремесл. устава (т. XI, ч. 2), по которому рабочих дней в неделе не может быть более 6-ти.

2. Обеспечить приказчикам полный отдых от их служебных занятий в праздничные дни, а именно: во все воскресные дни, в двунадесятые праздники, новый год, три дня Рождества Христова, три дня св. Пасхи, два дня мясопустной недели, высокоторжественные дни, 19 февраля и в дни местных праздников, хотя бы с 12 час. дня в кануны Рождества Христова и св. Пасхи.

3. Разрешить в указанные дни торговлю только самыми необходимыми с'естными припасами и при том не более, как на 2—3 часа в день.

4. Установить десятичасовой нормальный рабочий день, включая сюда двухчасовой перерыв на обед и завтрак (8 часов фактической работы), предоставив приказчикам право во время указанного перерыва располагать вполне своей свободой и уходить из магазина, а в свободное от занятий с покупателями время сидеть и читать, для чего обязать хозяев иметь в магазинах соответственную мебель.

5. Распространить на торгово-промышленные предприятия действие ст. 108 уст. о промышленности, воспрещающей применять в производстве труд детей, недостигших 12-летнего возраста.

6. Для детей в возрасте от 12 до 15 лет установить 8-ми часовой рабочий день, включая сюда двухчасовой перерыв на условиях, изложенных в 4 пункте.

7. Обеспечить женщинам, служащим в торгово-промышленных предприятиях, трехнедельный отдых в послеродовом периоде.

8. Возложить на владельцев предприятий заботу о воспитании и образовании занятых в предприятии детей, хотя бы в размерах, указанных в ст. ст. 112, 114 и 119 уст. о промышленности.

9. Возложить на них обязанность содержать больницы по расчету: одну больничную койку на 100 человек, занятых в торговом заведении, применительно к высочайше утвержденному положению комитета министров 26 августа 1866 г. и вообще лечить на свой счет заболевших служащих, не лишая их за время болезни жалованья, хотя бы в течение трех месяцев.

10. Обязать владельцев предприятий выдавать служащим у них приказчикам расчетные книжки по тем же правилам, какие указаны ст. ст. 134, 136 и 137 уст. о промышленности.

11. В случае ликвидации торгово-промышленного дела, а также и при увольнении приказчика без его вины, обязать хозяев уплачивать увольняемому жалование, по крайней мере, за три месяца вперед.

12. Установить государственное страхование на случай смерти, инвалидности и старости приказчика.

13. Все дела о нарушениях законов, нормирующих труд приказчиков и их отношения к хозяевам, предоставить разрешению только судебных установлений.

14. Предоставить приказчикам право организоваться в профессиональные союзы, в задачи которых входило бы между прочим, наблюдение за исполнением этих законов, а также право, в случае нарушения, возбуждать и поддерживать в судебных установлениях жалобы по этим нарушениям.

15. Предоставить означенным профессиональным союзам право составлять третейские суды для разбора недоразумений между приказчиками и хозяевами.

Все пункты резолюции приняты комиссиею единогласно, кроме 4-го, который прошел большинством 11 голосов против 2-х (стоявших за 11 часов рабочего дня с двухчасовым перерывом). Дебатировавшийся в комиссии вопрос о введении института торговой инспекции решен был отрицательно, в виду полного недоверия к деятельности бюрократии.

Петиция о-ва была представлена членом соревнователем о-ва Вл. Плат. Сукачевым министру финансов В. Н. Коковцеву и министру внутренних дел г. Булыгину с значительным запозданием [1]).

[1]) В. П. Сукачев не мог исполнить своевременно поручения о-ва в виду от'езда его из Петербурга за границу, а другой уполномоченный общества

Поднятая иркутским обществом агитация всколыхнула приказчичью среду и в других местах Сибири. Не имевшие в то время собственной организации приказчики Красноярска, Читы и др. уголков Сибири примкнули к требованиям иркутского общества, красноярские приказчики за подписью 151 лица (131 мужч. и 20 женщин) прислали об-ву 18 ноября 1904 г. следующее заявление: „Красноярские приказчики шлют сердечный привет своим иркутским собратьям. В № 268 „Восточного Обозрения“ напечатано постановленне об-ва иркутских приказчиков о возбужденни ходатайства об установлении в законодательном порядке праздничного отдыха и нормировке рабочего дня для приказчиков всей России. Мы, красноярские приказчики, присоединяясь к постановлению иркутского о-ва приказчиков, шлем лучшие пожелания успеха и свои подписи. В издании охранительного закона труда приказчиков от недобросовестной эксплоатации наиболее хищных предпринимателей давно уже назрела необходимость. Красноярские приказчики полны надежд, что недалека та желанная пора, когда праздничный отдых и количество часов рабочего дня не будут зависеть от прихоти хозяев, и приказчики, в большей своей части забитые, бесловесные молчальники, превратятся в граждан своей родины. Ходатайство должно быть возбуждено о полном праздничном отдыхе и восьмичасовом рабочем дне, в котором так нуждаются трудящиеся люди“.

Под этим заявлением, в числе других, встречается подпись приказчика Ив. К. Юдина, впоследствии члена второй государственной думы от Енисейской губернии. Такого же рода заявления были получены комиссиею от приказчиков г. Верхнеудинска, Забайкальской области (62 подписи), выселка „Зима“ (25 подписей), с. Черемхово, Балаганского уезда (26 подписей) и др.

Петербургское общество взаимопомощи приказчиков представило, как сообщает „Наша Жизнь“, в министерство финансов записку в конце 1904 г. о нуждах торгово-промышленных служащих следующего содержания:

Р. Р. Мейер, бывший в конце 1904 года в Петербурге, не мог дождаться из Иркутска получения петиции, благодаря небрежности письмоводителя правления Шляпина, пославшего, вместо петиции, какие-то другие документы. Некоторые данные говорят о том, что не без злого умысла Шляпин перепутал документы.

„Несмотря на многочисленность торговых служащих, они до сих пор не имеют органа, который явился бы выразителем их нужд. Быт приказчиков требует реформ; служащие в торговых заведениях нуждаются в урегулировании условий труда и взаимоотношений между нанимателем и нанимаемым в установлении справедливых отношений капитала к труду. На первой очереди стоит вопрос о воскресном отдыхе. Так как министерством финансов разрабатывается в настоящее время этот вопрос, то было бы желательно, чтобы министерство приняло во внимание наши мнения и взгляды, которые мы могли бы доставить или высказать при личном активном участии; это дало бы материал, содействующий ускорению работы министерства, и более справедливому удовлетворению наших нужд. Мы полагаем, что торговля, как сама по себе ничего не вырабатывающая, а только пользующаяся готовой производительностью, технического и земледельческого труда, является только посредницей между производством и потреблением, а потому может и должна быть прекращена в праздники и ограничена в будни—от этого не нарушатся интересы потребителей и промышленных заведений. Торговый служащий при существующих условиях всю жизнь свою проводит в вечной сутолоке, в беспрерывном базаре, с раннего утра до поздней ночи. Приказчика бесцеремонно называют „грубияном", высказывают ему подозрения в обмане, обвесе, обмере. Принципа „не обманешь — не продашь" придерживается, во всяком случае, не приказчик. Публика редко считается с человеческим достоинством торгового служащего и забывает, что его душа, его сердце тоже чувствуют издевательства. Хозяин, конечно, не на стороне приказчика. Такова жизнь приказчика. И изо-дня в день, из года в год — всю жизнь. Вот почему необходима и неотложна нормировка рабочего времени. Следующий вопрос—это вопрос о страховании на случай смерти, инвалидности и старости. Приказчик, затрачивая свои способности, энергию и здоровье заботится только об умножении чужого благосостояния — приобретает хозяину десятки, сотни тысяч, а сам, сделавшись неспособным к труду, или умирая, оставляет нищую, голодную семью. Прочная организация страхования при этих условиях необходима. Далее, следует вопрос о торговых учениках. Мальчики отдаются нуждающимися родителями „в ученье" без вознаграждения на 5—6 лет. Тяжела жизнь этих торговых учеников. Труд их

тяжелее труда фабричного — он тяжелее по своей бесправности и продолжительности рабочего времени. Торговец держит всегда несколько учеников; часть из них всегда первый кандидат к увольнению. По мере того, как младшие привыкают к делу, хозяин старается отделаться от старшего (предлог всегда найдется), и юноша почти на исходе условленного срока, дающего право на получение жалованья, увольняется. Количество детей служащих составляет более 25% общего числа. В Одессе детей и подростков от 9 до 17 лет в торговых заведениях насчитывается около 9.000 (8.600), что составляет 32% общего числа торговых служащих Одессы; в Варшаве – 21.000 торговых учеников, что составит 30,6% всех торговых служащих Варшавы; в Петрограде—51.000 торговых учеников, что составит 31% всех торговых служащих; в Москве—29% всех торговых служащих; в Харькове—29,8; в Екатеринославе 29,9 и т. д. В общем во всей России, включая и мелкие провинциальные города, торговых учеников в возрасте от 8—17 лет насчитывается около одного миллиона чел. (точной статистики о количестве торговых служащих России нет, но по приблизительному расчету А. М. Гудвана, обследовавшего жизнь и быт приказчиков Империи (см. „Приказчичий Вопрос“ А. М. Гудвана)—всех торгово-промышленных служащих России числилось в начале этого столетия около $2^1/_2$ миллионов человек. Здоровье и судьба этих сотен тысяч детей будущих граждан России нельзя оставить на произвол хозяев, а необходимо защиту их урегулировать законодательным путем. В общем приказчики ходатайствуют: 1) о прекращении повсеместно в праздничные дни торговли, не исключая и казенных винных лавок; 2) об ограничении времени торговли в будние дни 11-ю часами, включая 2 часа на прием пищи; 3) о принятии мер к улучшению и упорядочению взаимоотношений между служащими и хозяевами, 4) о разработке вопросов страхования“ [1]).

О требованиях, выдвинутых рядом прочих обществ, мы имеем официальные данные. В об‘яснительной записке министерства торговли и промышленности, представленной в Государственную Думу, указывается [2]), что „по заявлению почти

---

[1]) „Наша Жизнь“ 31 января 1905 г.

[2]) Смотри изложение дела законопроекта: „Об установлении Правил о найме торговых служащих“, представленного в Государственную Думу министром торговли и промышленности 9 марта 1916 года за № 3365 т., стр. 1—4.

всех обществ взаимного вспоможения приказчиков представляется необходимым, в целях избежания недоразумений, возникающих нередко вследствие отсутствия письменных договоров между хозяином и служащим, чтобы владельцы торгово-промышленных предприятий выдавали служащим у них приказчикам и торговым ученикам расчетные книжки применительно к правилам, изложенным в ст. ст. 95, 97—99 Уст. пром. труда, в которых должны быть подробно обозначены все условия службы.

„При этом означенные организации полагают необходимым указать в законе, что письменный договор между хозяином и приказчиком должен быть заключаем лишь по прослужении приказчиком некоторого времени (от 2-х недель до 3-х месяцев) в виде испытания.

„Если приказчик, получил, по истечении испытательного времени, заявление об оставлении его на службе, тем не менее будет уволен без вины с его стороны, по воле хозяина, то по мнению владимирского, воронежского, екатеринбургского, иркутского, казанского, камышинского, орловского, полтавского, смоленского, томского и др. обществ взаимного вспомоществования приказчиков, а также общества бывших воспитанников московской практической академии, такому приказчику должно быть выдано вознаграждение в размере трехмесячного оклада жалования или двухмесячного, как полагает иркутское приказчичье общество; некоторые общества, например, вольское, саратовское, таганрогское, харьковское и др. считают, однако, более целесообразным исчислять в этих случаях вознаграждение соответственно числу прослуженных приказчиком в данном предприятии лет, по расчету не менее месячного оклада за один год или часть его, но с тем, чтобы хозяин не был обязан выдавать вознаграждение, превышающее 2-х или 3-х месячный оклад жалования.

„Курское, екатеринославское, новочеркасское, полтавское, таганрогское, и харьковское общества приказчиков полагают соответственным установление правила о том, чтобы при увольнении служащих хозяева предупредили их вперед за 2—8 недель и чтобы за служащими сохранено было жалование до 2-х месяцев в случае болезни.

„Воронежское, казанское, камышинское, орловское, саратовское, таганрогское и томское общества приказчиков тре-

бовали обеспечения женщинам, служащим в торгово-промышленных предприятиях, трехнедельного отпуска, с сохранением полного содержания, в послеродовом периоде.

„Казанское, таганрогское и др. общества приказчиков требовали распространить правило о сохранении за служащими содержания, а также места в случае призыва их к отбыванию учебного сбора или на общественную службу.

„Владимирское, камышинское, полтавское, саратовское, смоленское, таганрогское и харьковское общества, а также собрания служащих в торговых заведениях Варшавы, Бердянска Белостока и многих других городов требовали обязательного включения в законопроект пункта об установлении права служащих на ежегодные (от 2-х недель до 1 месяца) отпуски в летнее время, с сохранением содержания.

„Принимая во внимание, что торговые помещения во многих случаях не отвечают даже умеренным требованиям гигиены, общества приказчиков ходатайствовали о выработке, каких-либо норм, которым должны соответствовать торговые, помещения и об издании соответствующих по этому предмету постановлений.

„Во избежание нежелательной эксплоатации всякого труда общества взаимного вспоможения приказчиков городов: Вольска, Воронежа, Екатеринбурга, Иркутска, Казани, Курска, Новочеркасска, Орла, Полтавы, Саратова, Таганрога, Томска, Тулы и Ярославля потребовали распространения на торгово-промышленные заведения действия ст. 73 Уст. пром. труд., воспрещающей применять в производствах труд детей моложе 12 лет. Смоленское общество потребовало, чтобы мальчики-ученики принимались на службу не моложе 15 лет, каковое мнение высказано и служащими в аптекарских магазинах и складах Варшавы, указывающими на особо тяжелые условия в гигиеническом отношении, в которые поставлены служащие в предприятиях этого рода. Таганрогское общество ходатайствовало о запрещении принятия женщин моложе 16 лет в торгово-промышленные предприятия.

„Общество взаимного вспоможение приказчиков Таганрога и служащие в колониальных и аптекарских магазинах Варшавы ходатайствовали о запрещении приема на службу детей, не окончивших какое-либо учебное заведение. Смоленское, харьковское, таганрогское общества приказчиков и служащие

в торговых заведениях Бердянска и Варшавы требовали запрещения приема малолетних на службу более, чем на 3 года и без полного содержания от хозяев, или уплаты малолетним жалования по меньшей мере равного стоимости их содержания.

„Почти все приславшие заявления общества требовали воспрещения занимать малолетних служащих тяжелыми физическими работами, напр., переноской тяжести, или работами, не имеющими отношения к торговой деятельности (домашними работами).

„Относительно рабочего дня малолетних служащих в торговых заведениях владимирское, вольское, воронежское, екатеринбургское, екатеринодарское, иркутское, казанское, камышинское, орловское, полтавское, саратовское, смоленское и тульское общества взаимопомощи приказчиков ходатайствовали, чтобы рабочий день детей в возрасте от 12 до 15 лет не превышал больше 8-часов в сутки, включая перерыв на 2 часа на обед.

„Означенные общества приказчиков указывают, что доведение рабочего дня до 8 часовой нормы (включая перерыв на 2 часа) тем более необходимо, что только при осуществлении этой меры явится возможность разрешить более или менее удовлетворительно и весьма важный вопрос о прохождении малолетними школы во время службы. Заботу об образовании малолетних служащих названные общества полагают целесообразным возложить на владельцев торговых предприятий, применительно к ст. ст. 112, 114, 119 Устава о промышленности.

„По вопросу относительно установления воскресного отдыха общества взаимного вспоможения приказчиков городов: Вильны, Владимира, Казани, Полтавы, Уфы, Харькова, а также служащие в торговых заведениях Бердянска, Варшавы и многие другие высказались за полное прекращение торговли по воскресным и праздничным дням во всех торговых заведениях, не исключая и торгующих с‘естными припасами.

„За 11-часовой рабочий день, включая 2 часа на прием пищи и отдых, высказались общества взаимного вспоможения приказчиков городов: Белгорода, Вильны, Екатеринбурга, Курска, Москвы, Самары, Таганрога, Троицка, Тулы, Харькова и служащих торговых заведений Нижне-Тагильского завода Пермской губ., а также служащие аптекарских магазинов г. Варшавы.

„За ограничение рабочего дня 10 часами, включая 2-часовый перерыв на прием пищи, т.-е. за 8 часов фактической работы, высказались общества взаимного вспоможения приказчиков городов: Воронежа, Екатеринодара, Иркутска, Казани, Камышина, Одессы, С.-Петербурга (одно общество), Саратова, Смоленска, Уфы, и Ярославля.

„За установление 12-часовой нормы, включая перерыв на 2 часа, высказались служащие колониальных магазинов и лавок г. Варшавы, приказчики г. Ревеля, общества взаимного вспоможения приказчиков городов: Вольска, Владимира, Екатеринослава, Орла, Полтавы, Тамбова, Тулы и С.-Петербурга (2 общества).

„За 13-часовую норму рабочего дня, включая $1^1/_2$-часовый перерыв на обед, высказались служащие торговых заведений с. Балакова, Самарской губ., и служащие торгово-промышленных заведений Бердянска последние с оговоркой, что в зимнее время — с октября по апрель—по местным условиям представляется возможным сократить рабочий день до 11 часов в сутки, включая перерыв на 2 часа.

„Многие общества ходатайствовали об отмене статьи 1185 Улож. о наказаниях, в которой говорится „о мерах домашнего укрощения“, кои хозяин мог принимать против приказчика в случае его неповиновения, а также ст. 1188, по коей „приказчик продававший без письменного приказания товар в убыток, т.-е. ниже цены ему назначенной, то, сверх обязанности вознаградить хозяина за сей убыток, подвергался еще и особым, указанным в приведенной статье, взысканиям“.

Итак, чиновничья машина вынуждена была заняться приказчичьим вопросом, но, как всегда, делала это с привычной ей медлительностью. К тому же самая процедура сношения с чиновничьим аппаратом изобиловала обычными курьезами.

По постановлению общего собрания своих членов тамбовское общество приказчиков послало через губернатора на имя министра финансов ходатайство о нормировании рабочего дня. Ходатайство это было губернатором возвращено правлению общества с предложением „впредь из пределов полномочий не выходить и устава не нарушать“.

Та же участь постигла и ходатайства обществ приказчиков Иваново-Вознесенска, Каменец-Подольска, Чернигова,

Лодзи, Саратова, Пскова, Казани, Баку, Тифлиса, Кутаиса и друг. городов.

Этим обстоятельством не преминули воспользоваться социал-демократы члены кутаисского общества приказчиков, которые устроили в 1903 году в Кутаисе забастовку приказчиков, потребовав полного воскресного и праздничного отдыха. После недельной приостановки торговли, приказчики добились полного удовлетворения. О боевых выступлениях торговых служащих будет сказано во втором выпуске. Пока же отметим, что в смысле популяризации идеи организованности общества взаимопомощи в указанном периоде 1903—1904 гг. сыграли крупную роль, и против воли членов правления этих обществ и закулисных руководителей (членов почетных и членов соревнователей), сослужили службу приказчичьему движению.

Местами приказчики старались преобразовывать общества взаимопомощи в союзы. Преобразование их велось как путем медленного и постепенного расширения задач, так и путем вступления новых сил и выживания старых хозяев. Но в таком случае реформаторам приходилось наталкиваться на упорное сопротивление старых членов, не желавших рисковать накопленными капиталами обществ. Обществами дорожили, как зацепками для открытого существования.

IV.

Наши сведения о поддержке ходатайства одесских приказчиков об издании специального торгового закона были бы не полны, если бы мы не упомянули в заключение о заявлениях некоторых биржевых комитетов, направленных в министерство финансов, в ответ на циркулярный запрос последнего за № 5664.

„Биржевые комитеты—сообщает об‘яснительная записка,—за исключением перновского, царицынского, рыбинского и киевского, определенно высказались за желательность ограничения времени занятия приказчиков в законодательном порядке 11—12 часами в сутки с предоставлением им из этого времени 1—1½ часа на обед, что по их мнению явилось бы облегчением как для владельцев торговых препириятий, в большинстве случаев понимающих малую полезность 14—19 часового рабочего дня, так и для их служащих, обремененных столь продолжительным рабочим временем.

„Кроме указания на чрезмерную, неоправдываемую действительной потребностью, продолжительность рабочего дня, биржевые комитеты, в своих заключениях обращали внимание министерства финансов также на неблагоприятную обстановку, при которой приказчики исполняли работу, вследствие чего необходимость нормировки рабочего дня, по их мнению, являлась особенно настоятельной.

„Что касается вышеупомянутых 4-х биржевых комитетов, отрицательно отнесшихся к законодательной нормировке труда служащих в торговых заведениях, то два из них, перновский и царицынский, в своем заявлении указывали на то, что в их городах рабочий день приказчиков отнюдь не может считаться обременительным, так как продолжается не более 10—12 часов в сутки, в виду чего дальнейшее ограничение рабочего дня могло бы привести к стеснению торговли. Рыбинский же биржевой комитет, не отрицая желательности нормировки труда служащих торговых заведений вообще, высказался против нормировки труда приказчиков, состоящих при биржевой торговле, ввиду того, что эта торговля носит периодический характер.

„Наконец, киевский биржевой комитет отрицает необходимость какой-либо нормировки труда служащих в торговых заведениях, так как находит его не обременительным и по тяжести своей не могущим быть приравненным к труду фабричных рабочих; взгляд этот, стоящий изолированно, едва ли может быть признан правильным, тем более, что он расходится с заявлениями остальных биржевых комитетов, единодушно подтверждающих чрезмерную продолжительность труда приказчиков.

„Что касается отзывов биржевых комитетов, то они могут быть разделены на две категории.

„К первой категории относятся отзывы и пожелания, касающиеся вопросов: нормирование рабочего дня служащих, установление перерывов на принятие пищи, узаконение праздничного отдыха, обеспечение малолетним возможности посещения школ и т. д.

„Ко второй категории относятся пожелания по вопросу об урегулировании взаимоотношений хозяев и служащих, установлений особых правил об условии найма и пр. малолетних, обезпечении служащих на случай болезни, старости и смерти, а также пожелания общего характера о праве организации

профессиональных союзов в явочном порядке и о свободе стачек. Обращаясь к рассмотрению отдельных ходатайств биржевых комитетов видно, что за 13-часовую норму рабочего дня, включая полуторачасовой перерыв на обед, высказались: биржевые комитеты: Варшавы, Астрахани, Царицына и московской скотопромышленной и мясной биржи.

„За установление 12-часовой нормы рабочего дня, включая 2 часа на обед, высказались биржевые комитеты: Нижнего-Новгорода, Тамбова и тифлисский комитет торговли и мануфактуры.

„За $11^1/_2$ часовой рабочий день, включая $1^1/_2$ часа на обед высказались борисоглебский и казанский биржевые комитеты, а также казанская городская дума и, наконец, за 14 и 15-часовой рабочий день включая 2 часа на обед высказались с.-петербургский комитет скотопромышленной и мясной биржи, (14 часов), а также мелочные торговцы Петрограда (15 часов). Кроме того, тамбовский биржевой комитет высказал пожелание, чтобы труд женщин, служащих в торговых заведениях, был ограничен 10-ю часами в сутки, включая 2 часа на прием пищи.

„Стоявший обособленно, как нами уже отмечено выше, киевский биржевой комитет вместо законодательной нормировки труда торговых служащих высказался за предоставление местным органам самоуправления права определения продолжительности труда приказчиков как в будние, так и в праздничные дни.

„Одесский, николаевский, таганрогский, нижегородский, варшавский и др. биржевые комитеты просили министерство об ограждении труда и „торговых учеников“, т.-е. детей и подростков служащих в магазинах. Большинство биржевых комитетов в ответ на запрос министерства ходатайствовало, чтобы рабочим временем для купеческих приказчиков считалось время от 5 час. утра до 8 час. вечера и чтобы рабочий день приказчиков не превышал 10—11 час. в пределах указанного времени. Поэтому если в торговом помещении нет 2 смен приказчиков, то таковое, если оно открывается в 5 час. утра, должно закрываться в 5 час. вечера и т. д. Приказчик имеет право на $1^1/_2$ - часовой период в течение указанного времени для обеда и отдыха. В высокоторжественные дни торговые помещения могут быть открыты с 11 час. утра до 8 час. вечера. Работа в торговых помещениях детей моложе 12 лет должна

быть воспрещена. Для лиц в возрасте от 12 до 15 лет устанавливается 2 часа на обед. Годовых праздников установлено было всеми биржевыми комитетами 10: Новый год, Пасха—2 дня, Рождество Христово — 2 дня, Крещение, Духов день и друг.

„Относительно воскресного дня, мнения биржевых комитетов крайне расходятся. Некоторые комитеты отстаивали празднование седьмого дня, другие, наоборот, доказывали невозможность празднования воскресения, так как это ляжет тяжелым бременем на пригородных сельских жителей. Эти последние рекомендовали разрешить торговлю в воскресные дни на 2—3 часа, приблизительно до ранней обедни, то-есть с 5 до 7 часов утра.

Ошибочно было бы, однако, думать, что приведенные выше многочисленные ходатайства обществ взаимопомощи приказчиков и заявления биржевых комитетов были убедительны для чиновничьего аппарата министерства.

Чиновники министерства, учитывая настроение сфер, не спешили с выработкой законопроекта. 1903 и 1904 гг. прошли в обычной волоките, собирании дополнительных сведений и переписке с биржевыми комитетами по вопросу о том, нужен ли 12 или 13-часовой рабочий день и только после ряда боевых схваток российского пролетариата — в том числе и торговых служащих — с монархически-самодержавным строем, приведших к революции 1905 года, министерские чиновники приступили к планомерной работе по составлению законопроекта.

Об этом законопроекте, рассмотренном в мае — июне 1905 года в междуведомственном совещании под председательством Тимирязева, при участии заинтересованных групп населения (приказчиков и торговцев), как и о заявлении представителей 26 обществ взаимопомощи приказчиков, демонстративно покинувших совещание и мотивировавших свой уход „бесполезностью совещания“, которому приказчики не доверяют, как и все трудящиеся не доверяют мнимой заботе о них бюрократии [1]) будет сказано подробно во второй части „Очерков“; тут же отметим пока, что чиновничья волокита сослужила

[1]) Заявление было оглашено в заседании Совещания 1 июня 1905 года представителем Оренбургских приказчиков П. П. Константиновым.

громадную службу приказчичьему движению. Благодаря именно этим „неустанным заботам царских чиновников о нуждах трудящихся“, „РСДРП“ и „Бунду“ удалось сдвинуть торговых служащих с ненадежного и ничего не обещающего пути „петиций“ и „ходатайств“, и направить их деятельность на путь активной, революционной борьбы в защиту своих интересов.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Обязательные постановления, изданные в городах: Москве, С.-Петербурге, Могилеве и Боброве (Воронежской губ. [1]).

I.

Обязательное постановление об ограничении часов торговли в воскресные и праздничные дни в г. Москве.

1. В воскресные и праздничные дни все вообще торговопромышленные заведения, за указанными ниже из'ятиями, могут быть открыты не ранее 12 и должны быть закрыты не позднее 4 часов пополудни.

Примечание. Действие настоящих обязательных постановлений не распространяется вовсе на частные театры, цирки, концертные залы, игрища и другие места общенародных забав и увеселений, частные лечебницы, купальни, катки и т. п. места.

2. Лавки и магазины, исключительно торгующие с'естными припасами и продуктами, а равно и кормом для скота, могут сверх того, быть открыты и по утрам, но с тем, чтобы они во всяком случае не были открыты в промежуток времени между 9 часами утра и 12 часами дня.

3. Транспортные конторы и различные специальные места

---

[1]) Чтобы дать возможно более полное представление о характере обязательных постановлений, ограничивающих праздничную торговлю до издания закона 15 ноябоя 1906 г., нами приведены здесь обязательные постановления, изданные в различных городах — в обеих столицах, — Москве и С.-Петербурге, в губернском городе (Могилеве) и уездном городе Боброве (Воронежской губ.).

(киоски, лари, открытые лавки и т. п.) для продажи газет и повременных изданий могут быть открыты с утра до 4 ч. дня.

4. Разрешенная городскою управою торговля минеральными водами и прохладительными напитками, сластями, всякого рода печениями и фруктами из специальных открытых палаток, киосков или с постоянных лотков, в местах общественного пользования, а равно торговля в чайных лавочках (ст. 7 полож. о зав. тракт. промысла 8 июня 1893 г.) не подлежит никаким ограничениям по настоящим обязательным постановлениям.

5. Настоящие правила применяются к воскресным дням, двунадесятым праздникам, второму дню Рождества Христова и Пасхи. Торговля не ограничивается в воскресенье, если оно придется рядом с двунадесятым праздником или в один из последних 3-х дней перед Рождеством Христовым, а равно в день Благовещения, если он придется в один из 3-х последних дней страстной недели.

6. Настоящее обязательное постановление распространяется на торговцев всех вероисповеданий.

Постановления эти одобрены думою в собрании 8 октября 1896 г. и получили обязательную силу с 25 декабря 1896 г.

II.

Обязательное постановление об изменении времени торговли в воскресные и праздничные дни.

(„Известия С.-Петербург. гор. думы“ 1901 г., № 14, 1902 г., №№ 13, 23, 27 и 34).

§ 1. Все торговые заведения, а равно и торговцы в разнос, в воскресные и праздничные дни могут торговать только от 1 до 5 часов пополудни.

§ 2. Действие настоящего обязательного постановления не распространяется:

а) на торговлю исключительно только с‘естными припасами, а равно и кормом для скота;

б) на аптеки, кассы частных театров, цирки, концертные залы и другие места общенародных забав и увеселений, частные

лечебницы, купальни, катки, павильоны с туалетными принадлежностями и с прохладительными напитками;

в) на заведения ремесленные;

г) на транспортные конторы и бюро, товарные станции железных дорог, а также различные специальные места для продажи билетов, газет и повременных изданий;

д) на продажу газет в разнос.

§ 3. Настоящие правила применяются к воскресным дням и, согласно 25 статье устава о предупреждении и пресечении преступлений, к следующим дням: 1 января (Новый год) и 6 января (Крещение Господне), 2 февраля (Сретение Господне), 25 марта (Благовещение Пресвятыя Богородицы), 9 мая (святителя Николая), 29 июня (св. апостолов Петра и Павла), 6 августа (Преображение Господне), 15 августа (Успение Пресвятыя Богородицы) и 29 августа (Усекновение главы Иоанна Предтечи), 8 сентября (Рождество Пресвятые Богородицы), 14 сентября (Воздвижение Креста Господня) и 26 сентября (св. апостола Иоанна Богослова), 1 октября (Покров Пресвятыя Богородицы) и 22 октября (Казанской Божией Матери), 21 ноября (Введение во храм Пресвятыя Богородицы), 2-му дню Рождества Христова и св. Пасхи, к Духову дню и к царским (табельным дням) [1]).

Примечание: Торговля не ограничивается в воскресенье, если оно придется в один из 3-х последних дней перед Рождеством Христовым, а также и в тот двунадесятый праздник, кроме Рождества Христова, который придется рядом с воскресеньем, т.-е. в субботу или понедельник.

§ 4. Настоящее обязательное постановление распространяется на торговцев всех вероисповеданий.

---

[1]) Среди праздников, к которым применяются обязательные постановления, не указаны в Москве — первый день Пасхи и Рождества, в С.-Петербурге — первый день Пасхи. Но судя по тому, что о запрещении торговли в эти дни в обязательном постановлении нигде специально не говорится, а торговля в воскресные дни, к которым относится Пасха, и в двунадесятые праздники, к которым относится Рождество, в обоих городах разрешается в определенных обязательными постановлениями пределах,— следует заключить, что в первые дни Пасхи и Рождества торговля в обеих столицах производилась как во все остальные праздники.

III.

Обязательное постановление, составленное могилевскою городскою думою в собрании 5 ноября 1901 года, согласно п. 2, 108 ст. город. положения 1892 года, и изданное могилевским губернатором, на основании ст. 110 того же положения, порядком, определенным ст. 424 т. II изд. 1892 года, о времени открытия и закрытия торговых заведений и лавок.

1. В воскресные, праздничные-двунадесятые и высокоторжественные табельные дни все торговые заведения и лавки открываются по окончании поздней литургии и закрываются не позже 6 часов пополудни.

2. В праздники: 1 января — день Нового года, 6 января день Богоявления, 25 и 26 декабря — праздники Рождества Христова, в первые два дня Святой Пасхи и в день святой Троицы, торговые заведения и лавки открываются в два часа пополудни и закрываются в 3 часа пополудни.

3. Настоящее обязательное постановление не распространяется на торговые заведения, торгующие исключительно с'естными припасами, составляющими предметы ежедневного потребления, как-то: хлебом, булками, мясом, рыбою, колбасами, живой и битой птицами, молочными продуктами, всякого рода маслами, солью, овощами, фруктами, квасом, а также минеральными и фруктовыми водами, кондитерскими изделиями и живыми цветами; равно оно не распространяется на аптеки, аптекарские магазины, парикмахерские, купальни, бани, кухмистерские, харчевни, постоялые дворы и лавки, торгующие сеном, соломой и овсом.

4. Торговые заведения, продающие в одном и том же помещении, кроме поименованных в параграфе 3 предметов, еще и другие товары, подчиняются действию настоящего обязательного постановления.

5. Время открытия и закрытия торговли в трактирных и питейных заведениях, пивных, буфетах при театрах, клубах, цирках, на вокзале железной дороги и в летних садах определяется положениями и правилами, установленными для сих заведений, а потому настоящее постановление на эти заведения не распространяется.

6. Лица, виновные в нарушении этого обязательного постановления, подвергаются ответственности по 29 ст. устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

7. Настоящее обязательное постановление вступает в законную силу в месячный срок со времени опубликования его.

Приложение 2-е.

Министерство
ФИНАНСОВЪ.
Учрежденія по части
торговли и промышленности.

ОТДѢЛЪ
ТОРГОВЛИ.

Отдѣленіе I.

Столъ 2.

15 Января 1904 г.

№ 428.

Абраму Моисеевичу Гуж[illegible].

Въ виду заявленія Вашего отъ [illegible] Января о готовности подѣлиться статистическими матеріалами, которыми Вы располагаете по вопросу объ упорядоченіи труда приказчиковъ, Отдѣлъ Торговли имѣетъ честь просить Васъ доставить въ означенный [illegible] Отдѣлъ упомянутые статистическіе матеріалы, причемъ считаетъ долгомъ увѣдомить Васъ, что у Отдѣла Торговли ассигнованій на оплату этой работы не имѣется.

Управляющій Отдѣломъ [signature]

Начальникъ Отдѣленія [signature]

Приложение 3-е.

МИНИСТЕРСТВО
ФИНАНСОВЪ.
УЧРЕЖДЕНІЯ ПО ЧАСТИ
ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ.
ОТДѢЛЪ
ТОРГОВЛИ.

Отдѣленіе
Столъ

11 Января 1903 года.
№ 12

Отдѣленіе I Отдѣла Торговли [illegible] по [illegible] уполномоченнаго приказчиковъ г. Одессы Абрама Моисеевича Гудвана — объ улучшеніи въ законодательномъ порядкѣ условій труда приказчиковъ

предлагаетъ, на основаніи ст. 95 Высочайше утвержденнаго 10 Іюня 1900 года Устава о гербовомъ сборѣ, немедленно представить въ Отдѣлъ причитающихся по настоящему дѣлу гербовыхъ марокъ или гербовыхъ листовъ на сумму пять рублей сорокъ копѣекъ

или же квитанціи Казначейства въ уплатѣ гербоваго сбора въ означенномъ количествѣ.

Начальникъ Отдѣленія [signature]

Столоначальникъ [signature]

Литература и материалы, использованные при составлении 1-го выпуска книги „Очерки по истории профессионального движения торгово-промышленных служащих в России“.

Д. Антошкин. «Очерк движения служащих в России» (со второй половины XIX века), Москва, 1921 г.

Д. Абоимов. «Приказчик и купец». Справочная книга для приказчиков и их хозяев. С.-Петербург, 1896 г.

И. Амиров. «Класс торгово-промышленных служащих и его ближайшие задачи», статья напечатана в журнале «Русская Мысль», книга VIII, за 1908 г.

А. Белин. «Профессиональное движение торговых служащих в России». Москва, 1906 г.

М. Балабанов. «Очерки по истории рабочего класса в России». Киев, 1923 г.

М. Брагин. «Кооперативный С'езд», статья напечатана в сборнике „На очереди“, выпущенном в 1908 г.

М. А. Бестужев. «Записки Бестужева», «Русская Старина» за 1881 г., т. XXXII.

И. Ф. Блюмефельд. «Банкослужащие». Выпуск 6-й, С.-Петербург., 1913 г.

Б. Воронов. «Наемный труд в потребительской кооперации». («Вестник Кооперативных служащих» за 1916 г.).

Владимирский-Буданов. «Обзор истории русского права».

С. Вебб и Х. Кокс. «8-часовой рабочий день», перевод Д. Л. Муратова, Издание 2-е, С.-Петербург, 1904 г.

Г. А. Верховский. «Отдых торгово-промышленных служащих», выпуск 1-й, под редакцией А. М. Никитина, Москва, 1912 г.

В. Гриневич. «Профессиональное движение рабочих в России», С.-Петербург, 1907 г. 3-е издание 1923 г.

Е. В. Гешин. «Очерки приказчичьего движения», статья напечатана в журнале «Современник», книга V, 1911 г.

В. И. Грачев. «О воскресном и праздничном отдыхе торгово-промышленных служащих». Смоленск, 1897 г.

С. Галперин. «К вопросу о нормировании труда приказчиков», статья напечатана в «Вестнике Юга», 1903 г., № 4.

А. М. Гудван (Маг, А. Ге). «Приказчики в Одессе». Одесса, 1903 г.

Его же. «Приказчичий вопрос» (Жизнь и труд приказчиков). Одесса, 1905 г.

Его же. «Профессиональные болезни торговых служащих» (Доклад, прочитанный в секции статистики и эпидемиологии Одесского отдела Русского

общества охранения народного здравия, напечатан в трудах «Русского общества охранения народного здравия» за 1904 г.).

Его же. «В царстве тьмы и эксплоатации». С.-Петербург, 1909 г.

Его же. «Законодательная охрана труда приказчиков», Одесса, 1912 г.

Его же. «Среди приказчиков». С.-Петербург, 1914 г.

Его же. «Государственная Дума и приказчичий вопрос», статья напечатана в журнале «Современный Мир» за 1910 г.

Его же. «Свобода Союзов», статья напечатана в журнале «Современный Мир», Апрель 1911 г.

Его же. «Государственная Дума и страхование рабочих», статья напечатана в журнале «Современник» за 1912 г.

Его же. «Нормировка труда приказчиков», статья напечатана в журнале «Городское Дело», № 6, за 1916 г.

Его же. «Хозяева и прислуга», статья напечатана в журнале «Современник», за 1912 г.

Его же. Избирательная кампания и приказчики», статья напечатана в журнале «Просвещение», № 5—7 за 1912 г.

Его же. «Городские Думы и приказчичий вопрос», статья напечатана в журнале «Городское Дело», № 9 за 1915 г.

Его же. «Борьба с безработицей», статья напечатана в журнале «Городское Дело», № 10 за 1915 г.

Его же. «Беседы с купцами по вопросу о нормировке труда торговых служащих», С.-Петербург, 1910 г.

Его же. «Женский труд и проституция» (по рукописи, подготовляемой к печати).

Его же. «Нормировка труда торгово-промышленных служащих» (8-часовой рабочий день для приказчиков и 6-часовой для конторщиков), с приложением проекта закона и об'яснительной запиской, представленной Гудваном 18 марта 1917 г. управляющему отделом труда министерства торговли и Промышленности, проф. М. В. Беркацкому. Издание Н. Н. Карбасникова, Петроград, 1917 г.

Его же. «Докладная записка на имя Министра Труда, М. И. Скобелева», «О нормировке труда торгово-промышленных служащих» (по рукописи).

Его же. «Доклад Комиссии по выработке обязательных постановлений о нормальном отдыхе служащих в торговых заведениях, складах и конторах». Одесса, 1908 г.

Дмитриев. «Из практики профессионального движения в России». Одесса.

Довнар-Запольский. «История Русского Народного хозяйства.» Т. I.

Ф. Дан. «Из истории рабочего движения и социал-демократии в России».

Его же. «Доклад Московского Общества взаимопомощи коммерческих служащих на 3-ем Всероссийском с'езде представителей обществ и союзов служащих». Москва, 1906 г.

Его же. «Доклад о праздничном отдыхе и нормировке занятий служащих в торгово-промышленных заведениях г. С.-Петербурга», напечатан в «Известиях С.-Петербургской Городской Думы», № 31, Год 43, т. 196, ноябрь 1914 г.

Егунов. «Торговля древнейшей Руси», журнал Петроградской Городской Думы за 1915 г.

„Записки Д. Н. Свербеева“. Т. II.

«**Записки** путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского Государства 1769 и 1770 годах».

«**Записка** о положении и нуждах торговых служащих Киева», составлена Правлением Киевского общества взаимного вспоможения приказчиков. Киев 1908 г.

С. О. Загорский. «Право торговых служащих». С.-Петербург, 1916 г.

«**Записки** Одесского Общества истории и древности» Т. I.

Законопроект «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах», опубликованный 15 ноября 1906 г. С.-Петербург, 1906 г.

«**Законоположения** об обеспечении нормального отдыха: 1) в торговых заведениях, складах и конторах, 2) в ремесленных заведениях, с изложением оснований, на коих они основаны». С.-Петербург, 1907 г.

«**Законопроект** министерства торговли и промышленности о найме торговых служащих» (внесен в Гос. Думу 12 ноября 1910 г. за № 6532), с приложением справки о действующем законодательстве в России и заграницей.

«**Законопроект** Об установлении правил о найме торговых служащих», представленного в Гос. Думу министром торговли и промышленности 9 марта 1916 г.

«**Законы** по вопросу об обеспечении нормального отдыха торговых служащих», под редакцией проф. Шершеневича.

«**Устав Торговый**» т. X, ч. II, изд. 1903 г.

«**Положение о пошлинах** 1856 г.»

«**Полное собрание Законов**« т. I, XII, V.

«**Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных**. С.-Петербург, 1911 г.

«**Уголовное Уложение** 22 марта 1903 г.». С.-Петербург, 1911 г.

«**Устав о наказаниях,** налагаемых мировыми судьями»С.-Петербург, 1911 г.

«**Городовое Положение**». С.-Петербург, 1902 г.

«**Ремесленный Устав**».

«**Устав о предупрежд. и пресечении преступлений**».

«Решения Гражданского Кассационного Департамента Сената» (Ряд лет).

«**Из истории общества взаимного вспоможения приказчиков в городе Иркутске**» (за 25 лет, 1883—1908 гг.).

«**Исторический очерк пятидесятилетней деятельности Общества взаимного вспоможения купеческих приказчиков Москвы**» 1863—1913 г.г.

«**Историческая справка Общества взаимного воспоможения приказчиков-евреев г. Одессы**» (за 50 лет, 1863—1913 гг.)

«**Исторический очерк пятидесятилетней деятельности вспомогательного общества купеческих приказчиков г. Симферополя** за 15 лет» (9 июня по 9 июня 1911 г.)

Ключевский. «Курс Русской Истории». Т. I.

Костомаров. «Русская история».

В. Я. Канель. «Государственное страхование лиц частного служебного труда». Москва, 1906 г.

Ал. Колычев. «Приказчики и их нужды». Ярославль, 1905 г.

Проф. И. М. Кулишер. «История русской торговли до XIX века включительно». С.-Петербург, 1923 г.

П. Колокольников-Дмитриев. «Профессиональное движение в России». Петроград, 1918 г.

С. И. Коробов. «О праздничном отдыхе». Москва, 1902 г.

Д-р С. Листов. «К вопросу о положении торговых мальчиков». Доклад прочитанный 14 марта 1905 г. в Санитарн. Отделен.М. О. И. Р. Технического Общества, напечатан в журнале «Правда» за 1905 г.

Его же. «К вопросу о положении служащих в торговых заведениях». Доклад, читанный в заседании Санитарного Отдела М. О. И. Р. Т. О. 29-го апреля 1904 г.; издано отдельной брошюрой в Москве в 1904 г.

Лосев. «Торговые служащие».

П. Н. Милюков. «Очерки по истории русской культуры».

Ф. Малышев. «О значении для торгово-промышленных предприятий обеспечения служебного персонала». С.-Петербург, 1893 г.

М. Е. «Рабочий день торговых служащих», статья напечатана в журнале «Общественный врач», 1912 г., кн. IV.

М. Непряхин. «Общества взаимопомощи торговых служащих». Очерк развития. Саратов 1913 г.

Отчет Общества приказчиков города Екатеринодара за 1913 г.

Отчеты Общества взаимного вспоможения приказчиков и служащих в частных коммерческих учреждениях г. Екатеринодара за 1913, 1914 и 1915 годы.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Иркутска за 1889, 1891, 1897, 1898, 1893, 1908 годы.

Отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Екатеринбуре за 1913, 1915 г.г.

Отчеты Правления вспомогательного Общества приказчиков в г. Казани за 1913, 1915 г.г.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков гор. Ростова н/Д. за 1916 г.

Отчет Правления Общества взаимопомощи служащих в магазинах: мануфактурных, галантерейных, бакалейных, готового платья, шляпных, обувных, скобяных, посудных и мебельных в Ростовском н/Д. Градоначальстве за 1910. 1911, 1914 годы.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в гор. Петропавловске за 1915 г.

Отчет Правления Симферопольского Общества банковских и конторских служащих за 1914 г.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения г. Харькова за 1915 г.

Отчет Правления Общества бухгалтеров и конторщиков г.г. Ростова и Нахичевани н/Д. за 1911 г.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков гор. Тулы за 1905, 1906, 1908 годы.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения торгово-промышленных служащих в г. Туле за 1906, 1909, 1911 годы.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения торговых служащих в гор. Рязани за 1915 г.

Отчет Правления Общества взаимной помощи приказчиков и служащих-евреев города Вильны, за 1912, 1913, 1914, 1915 годы.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в гор Омске за 1913 г.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков гор. Симферополя за 1901, 1902, 1903, 1904, 1910, 1911 годы.

Отчет Правления Киевского Общества взаимного вспоможения приказчиков за 1913 г.

Отчет Правления Общества вспоможения частному служебному труду в Нижнем Новгороде за 1913 г.

Отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков-евреев г. Одессы за 1871, 1899, 1901, 1902, 1903, 1909, 1910, 1913 годы.

Отчет Правления Кишеневского Общества взаимного вспомоществования приказчиков за 1904 г.

Отчет Правления Елисаветградского Общества взаимопомощи приказчиков «Опора», за 1907 г.

Отчет Правления Николаевского общества взаимного вспомоществования приказчиков за 1901 г.

Отчет Правления Варшавского общества приказчиков за 1907 г.

Отчет Правления Общества взаимного вспомоществования приказчиков г. Херсона за 1902 г.

Отчет Правления Общества приказчиков г. Гомеля, за 1899 г.

Отчет Правления Общества приказчиков и сидельцев г. Петербурга за 1897 г.

Отчет Правления вспомогательного Общества купеческих приказчиков г. Москвы за 1887, 1894, 1897, 1899, 1902, 1908 годы.

Отчет Правления Московского Общества взаимопомощи коммерческих служащих за 1911 г.

Обязательные постановления, изданные городскими думами городов: Петербурга, Москвы, Смоленска, Харькова, Киева, Одессы, Иркутска, Орла, Воронежа и ряда других городов о сокращении торговли по воскресным и праздничным дням.

Г. В. Плеханов. «История русской общественной мысли», т. I.

К. Пожитнов. «Положение рабочего класса в России». Издание 2-е, С.-Петербург, 1908 г.

Протоколы 3-его Всероссийского С'езда торгово-промышленных служащих, Москва, 1906 г.

М. Розен. «Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России», С.-Петербург, 1907 г.

Н. Рожков. «Обзор русской истории».

Резолюции, принятые на 2-ом Всероссийском С'езде представителей Обществ вспоможения частному служебному труду приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели в 1898 г.

Резолюции, принятые на 3-ем Всероссийском с'езде представителей

Обществ взаимопомощи и профессиональных союзов торгово-промышленных служащих в 1906 г.

Д. З. Рабинович, д-р. «Венерические болезни», Одесса, 1912 г.

Б. М. Сокольский. «Как урегулирован приказчичий вопрос за границей и у нас» С-Петербург, 1910 г.

Сергеевский. Мошенничество по Русскому Праву», С-Петербург, 1901 г.

Д-р М. Л. Скульский. «Гигиена труда», Москва, 1917 г.

Его же. «Сборник материалов об артелях России». Выпуск 3.

Н. Скроботов. «Вопрос об отдыхе в воскресные дни», С-Петербург, 1889 г.

В. Святловский. «Профессиональное движение в России», С-Петербург, 1907 г.

Его же. Статья в словаре Брокгауза-Ефрона под заглавием «Приказчик».

М. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I. (Историческое развитие русской фабрики в XIX веке). Издание 3-е С-Петербург, 1907 г.

Л. Таль. «Пути и цели реформы законодательства о найме труда», напечатана в журнале «Русская Мысль», за 1912 г., кн. IV.

«**Труды** «1-го и 2-го Всероссийских С'ездов представителей вспоможения частному служебному труду приказчиков и сидельцев, взаимопомощи и других однородных по идее и цели. 1896, 1898 годы.

«**Труды Всероссийского торгово-промышленного с'езда 1896 г.**» т. 3, выпуск V.

Законодательная охрана труда сборник статей под редакцией М. И. Туган-Барановского. Издание Водовозовой, С.-Петербург, 1901 г.

Закон 15 ноября 1906 года об обеспечении нормального отдыха в торговых заведениях, складах и конторах», издание Совета С'ездов представителей промышленности и торговли, С.-Петербург, 1906 г.

Заключение Комиссии по рабочему вопросу с поправка мик законопроэкту об обеспечении нормального отдыха торговых служащих» С.-Петербург 1909 г.

Н. К-ин. «Роль Иркутского О-ва приказчиков в разработке приказчьего вопроса», напечатана в «Сибирском Вестнике» за 1912 г. № 15.

А. Котельников. «Об обеспечении рабочих и служащих на случай болезни». Тверь.

М. Леонтьев. «Движение приказчиков», статья напечатана в газете «Наша Заря», за 1912 г. № 3.

К. Муромский. «Быт и нужды торгово-промышленных служащих». Москва, 1906 г.

И. Мытар. «Защита приказчиков», Омск, 1906 г.

Т. Ефимов. «Что такое приказчик?» «Как обеспечить старость приказчика», Омск, 1906 г.

Е. Новицкий. «Приказчичий вопрос», издание «Донской Речи», Ростов н/Д. 1906 г., цена 4 коп.

Н. П. Патлых. «Доклад о 4-ом Всероссийском С'езде .представителей Обществ частного служебного труда в Москве» (Труды 4-го Всероссийского С'езда Торгово-промышленных служащих).

«Приказчики вообще и с.-петербургские в частности накануне 20-летия своих вспомогательных О-в. С.-Петербург, 1885 г., ц. 40 коп.

П. Рудин. «Законодательство и жизнь» (заметки и статьи по приказчичьему вопросу), Петропавловск, Акмолинской области, стр. 88, цена 30 коп.

Резолюции 3-го С'езда торгово-промышленных служащих 1906 г.»

Е. См. «Одним росчерком пера» (закрытие Харьковского О-ва взаимного вспоможения приказчиков) «С. М.» 1910 г., XII.

М. Соловьев. «История приказчичьего вопроса в Иркутске», «Сибирский Край», за 1912 год, №№ 43, 46,—50, 55, 56, 62, 64 и 66.

Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы при обсуждении законопроэктов о нормировке труда торгово-промышленных служащих и о договорном найме.»

Стенографические отчеты заседаний Государственного Совета при обсуждении законопроэктов о нормировке труда и о договоре найма торгово-промышленных служащих».

Труды 1-го Кубанского областного с'езда приказчиков». издан в 1913 г.

Ив. Урманов. «Банковские служащие», С-Петербург, 1916 г.

Уставы Обществ взаимопомощи и профессиональных союзов Петрограда, Москвы, Харькова, Киева, Одессы и др. городов.

Фойницкий. «Мошенничество по Русскому Праву».

Его же. «Курс Уголовного Права». Несколько изданий.

Б. Фроммет. «Служащие в потребительских обществах», статья напечатана в «Вестнике Кооперации», кн. III, за 1911 г.

Чулков. «Московское купечество XVIII и XIX веков».

Черкассов. «Приказчичий вопрос» (посвящается Государственной Думе). Екатеринодар, 1907 г., цена 10 коп.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

«Приказчик», «Голос Приказчика», «Жизнь Приказчика» (Петербург, 1905, 1906, 1907 годы).

«Вестник Приказчика» (Петербург, 1912—13—14 годы—вышло 20 номеров.

«Вестник торговых служащих» (Москва 1913—14 годах).

«Вестник кооперативных служащих» (Москва, 1916 г.)

«Бакинский Конторщик» (двухнедельный журнал; вышло 3 номера)

«Бюллетени Конторщика» (ежемемесячный журнал, С-Петербург).

«Голос Приказчика» (Благовещенск).

«Жизнь Конторщика» (С-Петербург, 1906 г. № 1).

«Жизнь Приказчика» (Москва).

«Приказчик Юга России» (Одесса, 1905 г.)

«Вестник торговых служащих Юга России» (1906 г.)

«Торговый Наймит Юга России» (1906 г.)

«Сибирский приказчик» (Омск.)

«Самопомощь»—двухнедельный журнал Екатеринодар).

«Человек» — журнал служащих трактирного промысла (Москва).

«Рабочее Дело» (Москва, 1909 г.).

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

«Искра» за 1901 г.

«Рабочая Мысль» орган С-Петербургского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии Союза борьбы за освобождение рабочего класса за 1900, 1901 и 1902 г.

«Рабочее дело» Орган Союза русских социал-демократов за 1899, 1900 и 1901 г.г.

«Курьер» за 1903 г.

«Русские Ведомости» за 1902, 1903, 1904, 1905 годы.

«Биржевые Ведомости» за 1901—1905 годы.

«Русское Слово» за 1903—1905 годы.

«Наша Жизнь» за 1905 г.

«Сын Отечества» за 1904—1905 годы.

«Свет» за 1902 г.

«С-Петербугские Ведомости» за 1902 г.

«Северный Край» за 1904 г.

«Новая Русь» за 1908, 1909 годы.

«Врачебная газета» за 1905 г.

«Одесские Новости» за 1902—1904 годы.

«Одесский Листок» за 1905 г.

«Вестник Юга» за 1903 г.

«Вестник Европы» за 1905 г.

«Русский Архив» за 1907 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ПРИКАЗЧИЧЬЕМУ ДВИЖЕНИЮ.

К. Богдзевич. «О торговых приказчиках» (Полный свод законов и распоряжений Правительства с коментариями) С-Петербург 1832 год.

А. Н. Винокуров. «Труд приказчика и законодательная охрана его» (Доклад прочитанный на 12-ом Пироговском С'езде в Петрогр. 29 мая—5 июня 1913 года) «Труды Пироговского С'езда», выпуск 2-й, издание О-ва Русских Врачей в память Н. И. Пирогова. С-Петербург 1913 г.

Б. Воронов. «К вопросу о положении служащих и рабочих потребительской кооперации». Киев, 1913 г.

В. Василевич. «Договор найма и забастовки», статья напечатана в журнале «Образование» 1906 г., книга V.

В. А. Верховский. «Отдых торгово-промышленных служащих» (по данным анкеты) под редакцией А. М. Никитина. Издание музея Содействия Труда, 3 выпуска: Условия праздничной и будничной торговли до и после издания закона 15 ноября 1906 г. Фактические условия труда торговых служащих после издания закона 15 ноября 1906 г. Фактические условия труда торговых служащих после издания закона 15 ноября. Организация контроля. Отношение служащих, торговцев и населения к закону 15 ноября. Желательные условия труда.

И. Висанов. «Нормальный отдых приказчиков», статья напечатана в «Саратовском Вестнике» за 1906 г. №№ 244—246.

Германов. «Очередные задачи движения приказчиков», издание «Прибой», С.-Петербург, 1913 г.

Ю. Грандов. «Кое-что из жизни Иркутского Общества приказчиков», статья напечатана в «Сибирском Вестнике» 1910 г. №№ 28 - 29.

В. И. Грачев. «Быт торгово-промышленных служащих» (Доклад Комиссии по рабочему вопросу по законопроэкту об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах). Смоленск. 1909 г.

Ф. Дан. «Дума и приказчики», статья напечатана в журнале «Дело Жизни» 1911 г., кн. 9.

Дмитриев. «Профессиональные союзы в Москве», статья напечатана в журнале «Правда» за 1906 г. № 1 (есть отдельная брошюра.

Доклад подготовительной комиссии по вопросу о праздничном отдыхе в торгово-промышленных заведениях С-Петербурга», напечатан в «Известиях С-Петербургской Думы» за 1905 г. № 31.

Доклад смешанной комиссии по проекту обязательных постановлений о нормальном отдыхе служащих в ремесленных и торговых заведениях С.-Петербурга. Доклад напечатан в «Известиях С.-Петербургской Думы» 1911 г.

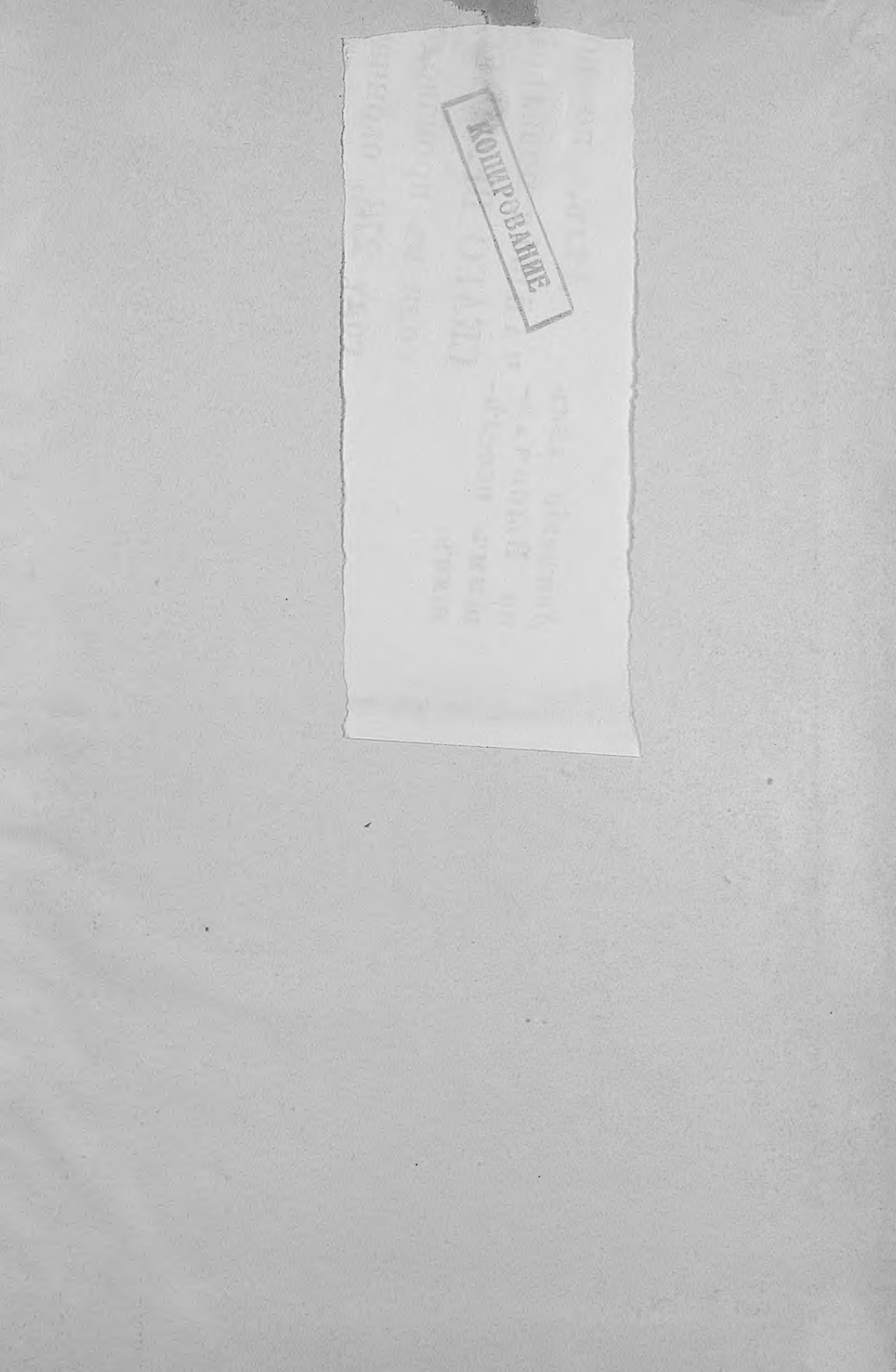
Е. Н. «Нужды приказчиков», статья напечатана в журнале «Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены» за 1905 г. № 1.

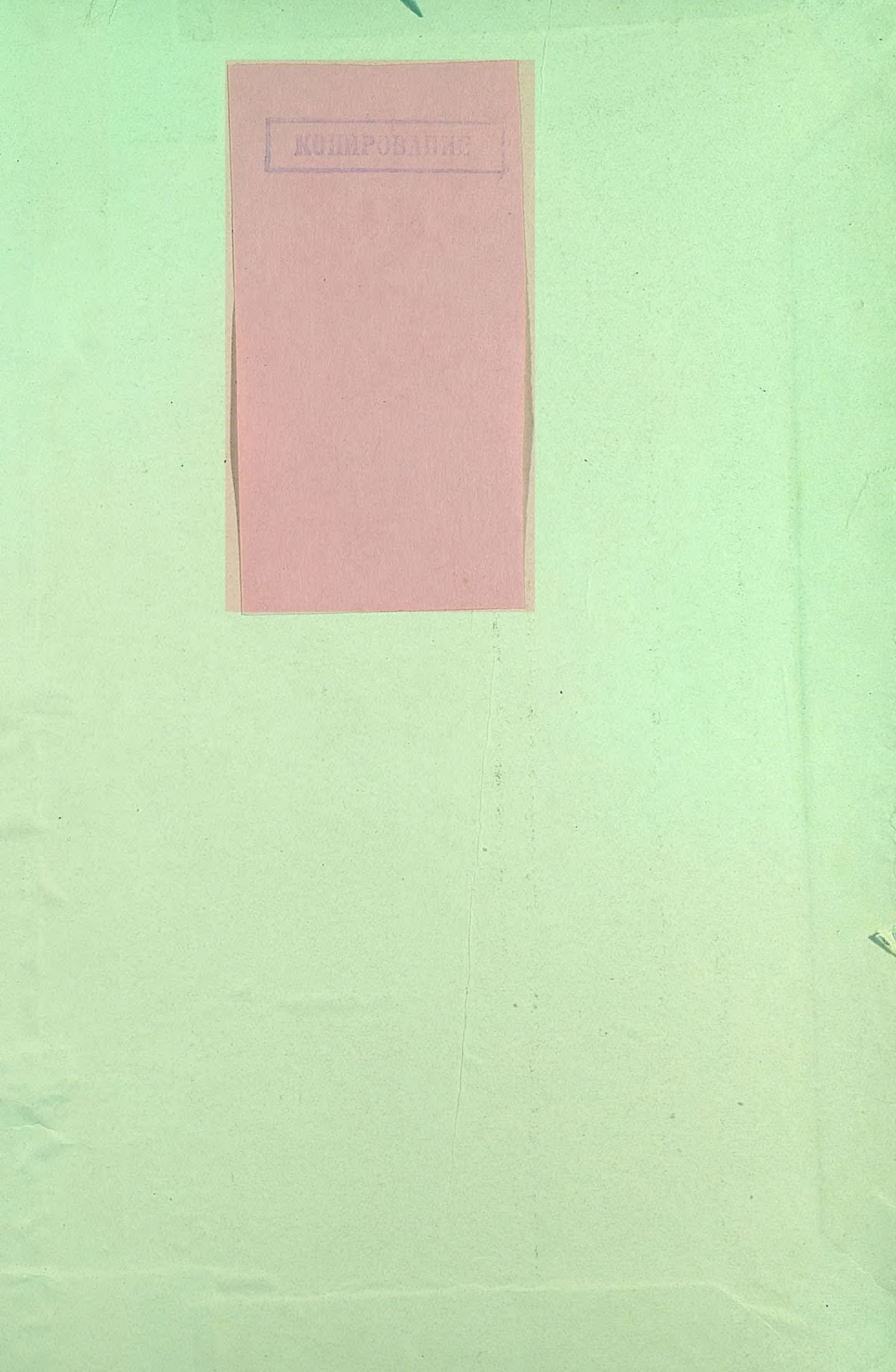
СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

ЦЕНА 2 руб.

2976

КОПИРОВАНИЕ

КОПИРОВАНИЕ

